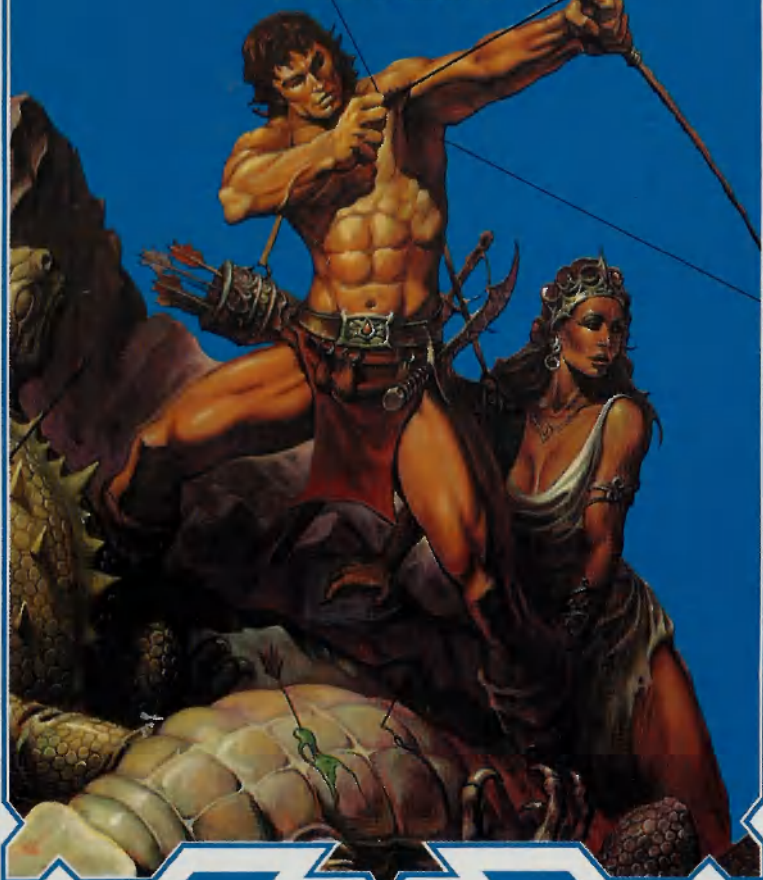

8 КНИЖКА

КОНАН

КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ

САЖА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛЕНИЕ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСТА БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КАНИКИ 12	КОНАН И ТРОТ ЛАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЕДУЩЕГО 14	КОНАН И КРЕМЬ ЖАДЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ БОЙНЫ 16	КОНАН И ТАМИСМАН ЗАДА 17	КОНАН И ДУХ ПЕРЛАЛА 18
КОНАН И ТУСНА ПАДЕННЫХ ДУХИ 19	КОНАН И ИСТОКИ СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И ВАГТОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИКАЗЫ ПРОПАЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН БАРВАРИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЕЗЧИЙ ЯСТЕВ 26	КОНАН И ПЛАН ВЕЩИ ВЕДАН 27
КОНАН И ЗАТОРОП ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И ЛАЗМАНЫ ЛАБИРИНТА 31	КОНАН И БРАСКОУТЫЙ НАОЛ 32	КОНАН И ЧАША ВЕСЬМЕРИИ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЩИ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И ЛАТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТРА ВЕСЬМЕРНЫХ 37	КОНАН И ПОДПРИЯТИЕ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЕЛ ЛЕЗВОЛАН 40	КОНАН И ВАЛАДИНЦЫ ВЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДУВЕННЫХ 44	КОНАН И ПОРОК ТЪМЫ 45
КОНАН И ТНЕС СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ БОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОРОН 49	КОНАН И МИТЯК ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЕИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И КОСАВЯН СВЕТА 54
КОНАН И СПИЩЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДА ШАДЫВАРА 56	КОНАН И СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖЕЛЕЗ ТАРИМА 58	КОНАН И СЕРВАНТИН ПИКТОВ 59	КОНАН И ОБЕЛАНТЕЛ МОАНИИ 60	КОНАН И ТИТРЫ ХАДВОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИК БУРИ 62	КОНАН И САД ИСПОМИНА 63

КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

Подписано в печать 11.04.2005. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 9 000 экз. Заказ № 2349

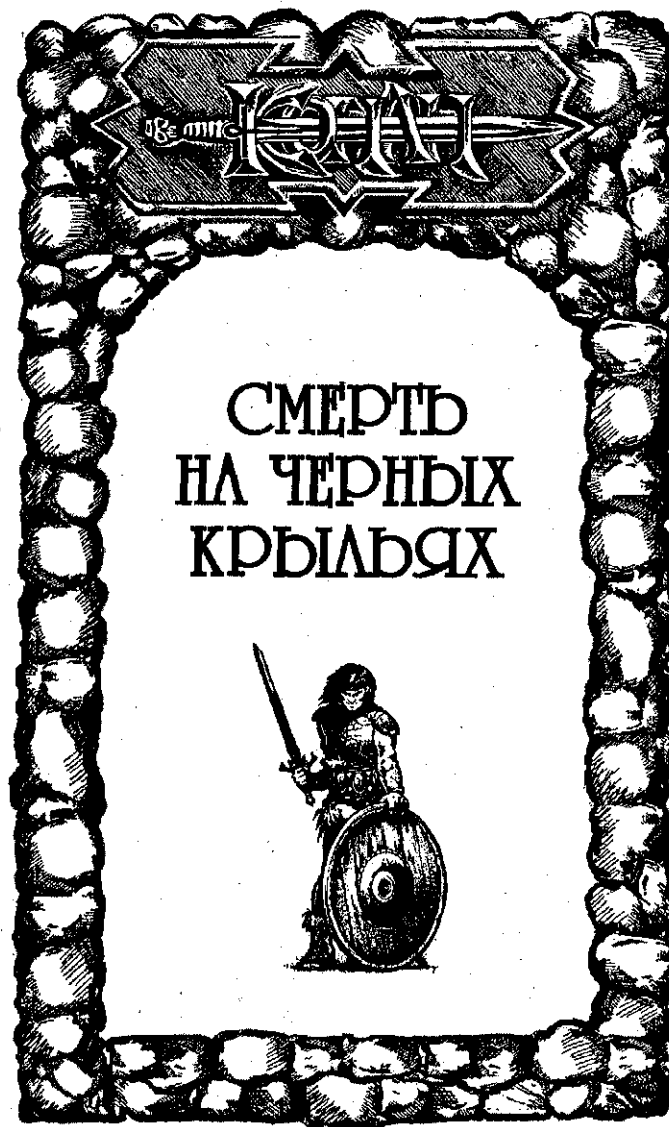
Конан и ритуал Луны: [повесть, рассказы] — М.: АСТ; СПб.:
К64 Северо-Запад Пресс, 2005. — 428, [4] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029826-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-180-0 («Северо-Запад Пресс»)

Величайший из героев Хайборнского мира, неистовый Конан-кимвернелл, без устали сражается с колдунами и некромантами, когда их малая угрожает ему самому или его друзьям. Вместе с отрядом «Почных стражей» он охотится на смертоносных чудовищ, — и находит неожиданных союзников среди стигийских чаролеев.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Пинкин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2004

Кхитайская печать

Ронан эту женщину заметил сразу. Во-первых, она путешествовала одна. В Вендии такое встретишь нечасто. Разумеется, у нее имелись слуги: какие-нибудь конюхи, носильщики панланкинов, личные повара и все такое — все, что полагается знатной госпоже, которая зачем-то отправилась в путь. Все эти люди «не считались». Кто они такие, в конце концов, чтобы обращать на них внимание? Просто «говорящие предметы обстановки». Одного можно заменить другим, и никто не заметит разницы.

Она путешествовала одна в том смысле, что при ней не было спутника-мужчины, равного ей по положению. Ни отца, ни мужа, ни брата, ни опекуна.

Закутанная в плотное темно-зеленое покрывало с золотым волнообразным узором, она вошла в придорожную таверну как раз в тот момент,

когда Конан расправился с первым кувшином вина и потребовал второй. При виде этой фигуры, угадывавшейся под тканью, киммериец оставил кувшин и уселся поудобнее, желая понаблюдать за женщиной.

Наверное, это было невежливо. То есть, это наверняка было верхом нахальства — развалиться на скамье, заложив руки за голову, и уставиться на вошедшую откровенным, раздевающим взглядом. Но, в конце концов, рассудил про себя Конан, они не в королевском дворце и не при королевском дворе, поэтому некоторые правила «цивилизованных людей» здесь могут быть отменены. Придорожные таверны принадлежат таким, как он, Конан-варвар, а если разным странствующим без спутников красоткам это не по праву — что ж, никто не заставлял их отправляться в дорогу.

Завершив это раздумье вполне логичным и удовлетворительным выводом, Конан преспокойно взялся за кувшин и налил себе в кружку. Обглоданные кости лежали рядом с ним на блюде — варвар только что неплохо закусил бараньей ляжкой и теперь отдыхал. Деньги у него водились. Может быть, это были не вполне его собственные деньги, но владелец их остался далеко и вряд ли смог бы заявить претензии на туго набитый кошелек, расшитый бисером и золотыми бусинами.

Что касается Конана, то он давно забыл об этом неудачнике. По правде говоря, они даже знакомы не были. Так, случайная встреча в тол-

пе. Такими делами Конан промышлял время от времени, когда подворачивался случай.

Тем временем закутанная в покрывало женщина уселась за дальний столик у стены. Конан оценил плавный изгиб ее бедер, изящество жеста белой руки, которым она подозвала к себе хозяина. Тот подбежал очень быстро и наклонился над ее плечом — воплощенная услужливость. Она что-то проговорила тихим голосом, и хозяин, кивнув, тотчас поскакал выполнять заказ.

«Интересно, что она потребовала? — лениво гадал Конан, прихлебывая из кружки. — Наверняка какой-нибудь нектар для деликатного горлышка. Сладеньких маленьких пирожных с фруктовым кремом, которые так любят здешние женщины».

Тут ему в голову пришло воспоминание о некоторых из здешних женщин. В Вендии Конан был недавно, но знакомство с прекрасным полом свести успел. Несколько минут Конан предавался грезам. Затем он снова обратил взор в сторону незнакомки.

Хозяин уже принес ей заказ. Вовсе не маленькие сладкие пирожные, как предполагал Конан, и отнюдь не нектар в узеньком кувшинчике. На подносе стояла кружка, полная густого темно-красного вина, и в глиняной плошке — копченый свиной пятачок с печеными фруктами. Это насмешило Конана и вместе с тем заинтересовало его. Либо красавица очень уверена в себе, если заказывает такое (и в таких количествах!), либо она — женщина-воин, либо...

«Либо она вовсе не красавица, и ей нечего опасаться назойливых ухажеров, которые, конечно, не преминут воспользоваться ее несколько расслабленным состоянием, — подытожил про себя Конан. — Потому что проглотив такое количество горячительного напитка, она, несомненно, почувствует себя довольно свободной. Да, свободной. От уз этой их так называемой цивилизации».

Он хмыкнул себе под нос, но тут же подавился смехом. Женщина поблагодарила хозяина кивком головы, придвинула к себе поднос и слегка отвела от лица покрывало.

Взору любопытного варвара предстало ее лицо. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что Конан облился вином — кружка сама собою подпрыгнула у него в руке. Пока он, ругаясь, обтирался ладонью, женщина, по-видимому, совершенно невозмутимая, приступила к трапезе.

У нее оказались ослепительные светлые волосы, заплетенные в тугую прическу. Сначала Конан подумал было, что красotka носит на голове золотую сетку — так поступают некоторые вендийские модницы — но нет, светились именно волосы. И глаза тоже оказались светлыми. Вендийки темноглазы — о влажном блеске их очей, подобных ночи, немало написано стихотворных строф. Даже Конан слышал одну-две от подвыпивших поэтов, забредавших в таверны и зарабатывавших себе на выпивку сочинительством и чтением стихов. А эта — зеленоглазая. И кожа у нее белая, как атлас. В Бритунии такая девушка

не вызвала бы особого интереса. Впрочем, она была довольно хороша собой. И все-таки, ничего выдающегося в ее красоте не было.

Но встретить эдакое чудо в Вендии! В вендийских одеждах! Без спутника!

Почти невозможно.

Почти. Для случайности всегда остается лазейка. Это Конан уже усвоил за годы, проведенные в странствиях по самым разным землям Хайбории.

Хрящи так и трещали на зубах у красотки. Конан с деланным равнодушием глотал вино, разглядывал потолок и чесался. Он находился в пути уже несколько дней. Пыльные, спутанные черные волосы, о которые варвар имел обыкновение вытирать сальные пальцы, имели совершенно дикий вид. Синие глаза киммерийца смотрели сонно. Со стороны он выглядел человеком, который устал, сытно поел и теперь дремлет над кружкой.

Удивительная блондинка трудилась над мясом с усердием поденщика, который надеется на премиальные выплаты от хозяина. Ее белые зубки так и точили нежное копченое мясо. Яркие глаза поблескивали в тусклом свете факелов. Она, казалось, немного забавлялась происходящим.

Конан почувствовал на себе ее взгляд и слегка передвинулся. Нет сомнений: она рассматривает его. Ну и ну!..

Киммериец приветливо ухмыльнулся в ответ и махнул рукой, показывая на кувшин с ви-

ном — впрочем, ошустивший уже более чем наполовину.

Она фыркнула и забрызгала жиром свое роскошное шелковое покрывало. Это насмешило ее еще больше. Она расхохоталась, откинув голову. Конан с легким недоумением смотрел на ее нежное белое горло, похожее на голубиное. Нет, эта женщина — не воин. И не страхолюдина. Нечто другое. И тем не менее она ничего не боится.

Может быть, она просто доступная женщина? Куртизанка высокого полета в поисках пикантных приключений? Эти тоже ничего не боятся, даже демонов преисподней.

Но что-то подсказывало киммерийцу: нет, дело совершенно в другом. Незнакомка не выглядела легко доступной. Для того, чтобы ей понравиться, мужчине следует хорошенько постараться. И даже это еще не даст ему уверенности в том, что она пустит его в свою постель.

— Иди сюда! — позвал ее Конан и снова помахал рукой. — Я угощаю!

— Ладно, — легко согласилась она. Незнакомка подхватила правой рукой блюдо с наполовину обглоданным свиным пяточком, а левой подобрала покрывало и мелкими шажками, путаясь в длинном, причудливом одеянии, приблизилась к варвару. Конан любезно подвинулся.

Девушка уселась, заботливо разместила складки мудреной юбки, так чтобы они красиво очерчивали ее колени, струились вдоль стройных лодыжек и полукругом ложились на полу у стоп.

— Сними ты это покрывало, — посоветовал

Конан дружеским тоном. — Только испачкаешь напрасно. То есть, мне, конечно, все равно, но женщины обычно огорчаются. Насажают пятен на платье, а потом рыдают и бьют по щекам слуганок — зачем не могут отстирать!

— Я своих слуганок не бью, — сказала женщина преспокойно.

— Вероятно, ты их ешь, — предположил Конан, покосившись на нее.

— Совершенно верно, — подтвердила она, снова принимаясь за мясо.

— Меня зовут Конан, — снова заговорил варвар, решив быть очаровательным.

Она назвала свое имя — Хлависа.

— Я из Киммерии, — продолжал Конан.

— А я из Вендии, — ответила Хлависа. — Продолжим?

Конан понял, что она втягивает его в какую-то игру, и решил поддержать ее. Не уступать же женщине!

— Я путешествую один, — сказал он.

— Я тоже.

— Я стану королем, — поведал киммериец.

— А я нет, — отозвалась девушка.

— Ты замужем?

— Нечестно! Ты должен был что-то сообщить о себе, а я отвечу тем же, — девушка хлопнула ладонью по столу.

— Ладно. Я не женат.

— Я тоже.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет мужа?

— Я хочу сказать, что у меня тоже нет жены.

— Проклятье! Ты слишком ловко играешь! — возмутился Конан. — Кто устанавливает правила игры?

— Я, — объявила Хлависа.

Конан насупился. Ему показалось вдруг, что его обманули.

— Ты мне нравишься, — пошел он напролом. — То есть, я хочу сказать, что ты меня заинтересовала. Ты красивая и таинственная. Откуда в Вендии могла взяться такая красота?

— Ты неправ, — возразила девушка, — в Вендии немало очень красивых женщин. Просто они кутаются в покрывала — вот ты и не смог их разглядеть как следует.

— Некоторых я уже успел разглядеть, причем именно как следует, — заверил Хлавису варвар. — Можешь мне поверить, я разбираюсь в женщинах. Ты не такая, как они. В Бритунии ты была бы довольно заурядным явлением, но здесь...

— Заурядным? — Лицо Хлависы окаменело, взгляд неожиданно стал опасным.

Конан смутился, и это разозлило его.

— Ты поняла, что я имел в виду.

Но она не поддержала его.

— Нет, не поняла.

— Хлависа, твой тип распространен на севере, но не здесь, не под этим небом. Я это хотел сказать. Ты очень красива.

Она потянулась, зевнула. Это был в высшей степени соблазнительный зев. Конан даже задохнулся, когда увидел этот розовый язычок и приоткрытые пухлые губы.

— Да ладно, что нам с тобой делить! Конечно, я поняла, что ты хочешь сказать. Да, я красива, но мой тип распространен на севере. И тем не менее я родилась в Вендии и никогда не бывала дальше Султанапура.

— Поразительно! Может быть, твоя мать была из чужой страны? Или я задаю слишком много вопросов?

— Слишком много вопросов, — сказала Хлависа. — На них существует только один ответ. Точнее, ответов два, и оба честные.

— Я удовлетворюсь любым.

— Ладно. Тогда ответ первый: я не знаю.

По лицу Конана она увидела, что ее собеседник разочарован. Хлависа тихонько рассмеялась.

— Ты же обещал, что удовлетворишься.

— Я не думал, что ты ответишь так.

— Но это честный ответ.

— А есть еще один? Еще более честный?

— Возможно. Но ты его не получишь.

Конан нахмурился, однако его плохое настроение быстро развеялось. Красавица взяла его за руку, придвинулась ближе, и он ощутил тепло, исходящее от ее тела. Оно было таким горячим, что Конан вздрогнул от неожиданности.

— Ты не больна?

— Нет. У меня всегда повышенная температура. Нечто вроде постоянной лихорадки.

— Не хочу тебя пугать, Хлависа, но люди с постоянной лихорадкой долго не живут. Когда мы с одним пареньком бежали с галер — это было на севере Стигии... Впрочем, тебя подобные детали

не должны занимать. Важно другое. У моего спутника тоже была постоянная лихорадка и, клянусь Кромом, он помер от нее на третий день побега! Правда, помер он свободным человеком, под чистым небом и все такое, но свое дело она сделала. То есть, свела его в могилу. Как есть, свела в могилу.

— Большое спасибо, — ответила Хлависа.

Конан моргнул. Ее это позабавило.

— Да нет, — ее пальцы ласково сжали широкую ладонь варвара, — я действительно благодарна тебе за заботу. Однако я вряд ли умру так, как умер твой бедный приятель. Обещаю, этого не случится.

— Хорошо, — проворчал Конан, смущенный.

Она засмеялась прямо ему в ухо. Он ощущал ее дыхание, улавливал чуткими ноздрями горьковатый, волнующий аромат ее кожи и волос.

— Ты обещал угостить меня выпивкой, — напомнила Хлависа.

Хозяин уже стоял наготове с кувшином. Все это время он поглядывал в сторону парочки, прикидывая, когда настанет удачное время и можно будет всучить им еще вина. Эти двое пили от души и платили щедро, а что еще требуется от постояльцев?

Возможно, они даже останутся на ночь. Он отведет их в лучшие покои. И сдерет за понимание, деликатность и предупредительность по тройной цене. Они могут себе позволить заплатить втрое. Да, несомненно...

— О, да ты читаешь мысли на расстоянии! —

воскликнула Хлависа и несколько раз хлопнула в ладоши.

Хозяин поклонился.

— Угадывать мысли клиентов — моя работа.

— Надеюсь, тебе за нее больше никто не платит, — фыркнул варвар.

— Что господин имеет в виду? — повернулся к нему хозяин с крайне оскорбленным видом.

— Господин имеет в виду шпионаж. Подозрительные типы, слишком плохо одетые и слишком щедро расплачивающиеся золотом — например.

— В Вендии вора́м отрубают правую руку, — важно молвил хозяин, — однако ни один из моих постояльцев не является воров. Я в этом твердо уверен.

— Я тоже, — проворковала Хлависа и отпустила хозяина величавым взмахом руки.

Когда трактирщик удалился, она повалилась головой Конану на плечо и тихонько, гортанно засмеялась. Варвар ощущал, как вибрирует ее тело. Не в силах больше противиться искушению, он сгреб ее в охапку и нежно поцеловал в смеющийся рот.

Они прикончили один кувшин, затем второй. Хлависа пила сама и подливала Конану. То и дело они отставляли кружки и целовались. Голова у Конана шла кругом. Обычно он не напивался — для того, чтобы уложить под стол могучего варвара-северянина, требовалось куда больше, чем три кувшина доброго вина, выпитого в компании с красавицей. Однако то ли Хлависа под-

мешала что-то в напиток, пока Конан отворачивался, то ли действовали какие-то таинственные чары — но только вскоре Конан обнаружил, что весь окружающий его мир исчез, и остались только огромные зеленые глаза Хлависы, то расширяющиеся, то сужающиеся, и странный, тревожный зрачок в окружении золотистых точек: вертикальный, как у кошки. Затем этот зрачок начал округляться, и наконец тьма поглотила киммерийца с головой, и он исчез, растворившись в ней.

* * *

Конан очнулся и медленно приоткрыл глаза. Сквозь ресницы он огляделся. Вокруг покачивался явственный мираж: что-то блестящее, многоцветное. Настолько не похожее на придорожную таверну, где Конан помнил себя в последний раз, что варвар счел все увиденное просто сном. Он опять опустил веки и поразмыслил. Попробовал согнуть руку, ногу. Нигде ничего не болело. Он не был связан или скован. Тело полностью подчинялось ему. И даже голова не болела.

Конан перевернулся на бок. Потом на живот. Подпер подбородок кулаком, снова открыл глаза.

Его окружала сказочная роскошь. Ослепительный свет изумрудов, рубинов, жемчужин брызнул на потрясенного варвара со всех сторон. Стены, мебель переливались изумительными красками, под потолком (как обнаружил Конан, задрав голову) висели гирлянды искусственных

цветов. Нефритовые листья, искусно вырезанные, с позолоченными жилками, тихо покачивались на длинной золотой цепочке; цветы с опаловыми лепестками и яшмовыми пестиками свисали между листьями. Настоящие птицы летали среди этой роскоши. Некоторые растения, впрочем, были настоящими. Они распространяли по комнате изумительный аромат.

Конан сел, ощупал голову. Нет, с головой тоже все в порядке. По-прежнему нечесанные волосы свисают на плечи. К нему никто не прикасался.

Если не считать того, что, пока он спал, его перенесли в это райское место.

Впрочем, насколько это место действительно райское, предстояло еще выяснить. Конан осторожно поднялся на ноги и принялся бродить по комнате. На маленьких столиках, инкрустированных перламутром, стояли кувшинчики, полные разных жидкостей (Конан понюхал некоторые из них и остался недоволен, поэтому отставил их в сторону), и шкатулочки самых разных форм и размеров. Некоторые из них были открыты, и там сверкали драгоценности. Ожерелья, диадемы, браслеты, перстни, просто россыпи камней — не счесть всех сокровищ, что представали здесь взору пораженного варвара.

Он взял в руки крупный рубин. Камень чистой воды. На просвет — ни одного изъяна. За такую штучку можно взять в Арэнджуне целое состояние. Нужно только найти правильного покупателя. Впрочем, в Арэнджуне таковых как раз можно грести лопатой.

Но что-то останавливало Конана от поспешного совершения кражи, хотя пальцы сами собою сомкнулись над камнем и никак не желали освободить прекрасную добычу.

— Ну-ка, — сказал варвар, обращаясь сам к себе. — Сначала следует выяснить, где я нахожусь. Как я сюда попал. Как отсюда выбраться. И, самое главное, — реальны ли все эти замечательные предметы, или с первым лучом солнца они рассыплются и превратятся в глиняную пыль?

Тем не менее он сунул рубин за пазуху.

«Здесь полным-полно побрякушек, — подумал варвар. — Никто и не заметит, если я возьму одну себе.»

Он перетрогал все, что увидел в комнате.

— Странно, что здесь не накрыто на стол, — проворчал варвар. — Я бы перекусил. Да и выпить бы не отказался. У меня пересохло в горле. Кром! Где же я все-таки оказался? Не нравится мне эта история.

Женщина. В таверне была странная женщина. Она выглядела как бритунийка. И имя у нее не похоже на вендийское. Хлависа. Золотые волосы и изумрудные глаза. Богги, как она ела! Как она смеялась! Как целовалась!

Конан ощутил жар во всем теле. Хорошо бы сейчас отыскать эту Хлавису и стиснуть ее в объятиях. Кажется, она была не против. А еда и выпивка подождут.

...И куда подевалась прекрасная Хлависа? Не она ли похитила Конана? Он вспомнил, как завораживающе смотрели зеленые глаза. Да, это было

последним, что он вспоминал перед тем, как погрузился в забытие.

— Ну, птичка, — фыркнул Конан, — если ты рассчитывала на легкую поживу, то ошиблась. Из меня плохая жертва интриг и колдовства. Надеюсь, ты не имеешь отношения к почтенной гильдии магов. Эту братию я терпеть не могу. Убиваю везде, где встречу, невзирая на лица. Маг всегда опасен, а если колдун — прекрасная с виду женщина, то он опасен вдвойне. То есть, она опасна. Вдвойне и даже втройне.

В глубине души он надеялся, что красавица Хлависа — отнюдь не колдунья, а нечто совсем другое.

Может быть, она — отчаявшаяся красотка, которая нуждается в помощи варвара, но не знает, как выразить словами свою нужду? Это было бы лучше всего. Конан не сомневался в том, что в состоянии легко выполнить все, о чем бы его ни попросила такая чудесная девушка.

Он вздохнул, потянулся.

Из комнаты веда резная деревянная дверь, украшенная двумя наборными панелями из разных пород дерева. Узоры изображали сплетение цветов и листьев и птиц, спрятавшихся на ветвях.

Конан толкнул ее плечом. Дверь легко отворилась, и варвар очутился в следующей комнате. Эта отличалась от предыдущей — если не по роскоши убранства, то по стилю. Она вся была задрапирована роскошными тканями. Некоторые были расшиты золотыми и серебряными нитями.

Занавес на окне представлял собой длинные нити розовых жемчужин, которые слегка покачивались под легким ветерком, проникавшим из внутреннего садика.

Конан выглянул в окно и увидел, что кругом высятся стены, а внизу, среди цветочных клумб и кустов, тихо журчит фонтан. Повсюду среди зелени были расставлены маленькие статуи, вырезанные из редкой, молочно-белой разновидности нефрита. Ласковый свет, струившийся с неба, как бы пронизывал полупрозрачные тела каменных оленей, танцующих дриад, изогнутых в прыжке рыб и необыкновенно изящных кхитайских драконов с распростертыми крыльями и извивающимися длинными усами, похожими на усы сома. Растения были подобраны так продуманно, что статуи казались естественным их дополнением.

Конан никогда не был сентиментален в том, что касалось красот природы, однако даже он понял, что видит редкое по изяществу произведение садового искусства.

Впрочем, он почти тотчас отшатнулся от окна, поскольку ему показалось, что некто стоит у него за спиной. Резко обернувшись, варвар едва не сбил с ног прехорошенькую девушку, которая испуганно вытаращилась на него и вцепилась что есть силы в большой позолоченный поднос, который держала в руках. На подносе курилось паром глубокое глиняное блюдо, расписанное голубыми зигзагами. Конан мгновенно учуял запах запеченной в углях утки. И не ошибся. Служа-

ночка принесла варвару, кроме отменно приготовленной птицы, узкогорлый металлический кувшин с изысканным белым вином, корзину фруктов и две лепешки свежего белого хлеба. Все это она протянула киммерийцу и пролепетала что-то на неизвестном языке.

— Спасибо, милая. — Конан взял поднос и едва не выронил его: неожиданно поднос оказался очень тяжелым. Как только хрупкая кроха утащила его в своих тоненьких ручках? Впрочем, в любой женщине может таиться загадка — в этом Конан убедился давно.

Варвар водрузил поднос на один из изящных тонконогих столиков, а сам уселся в мягкое кресло, покрытое шкурой какого-то животного. Шелковистая шерсть приятно шекотала кожу спины.

Девушка продолжала стоять, рассматривая гостя, которому ей приказали прислуживать. Она была настоящая вендийка — смуглая, с ярко выраженной худобой, однако не болезненной, а лишь врожденной. Брови она красила черным, сводя их в единую линию на переносице, а ступни босых ног и ладони краснели охрой. Огромные черные глаза, похожие на оленьи, горели на тонком лице, густые ресницы мерно взмахивали, словно опахала.

На ней было светло-оранжевое платье с желтой полосой по подолу, уложенное в замысловатые складки. Запястья и щиколотки отягощались золотыми браслетами, такими тяжелыми, что они выглядели не столько украшениями, сколько оковами.

— Ты давно здесь служишь, малышка? — поинтересовался Конан.

Девушка медленно покачала головой в знак того, что не понимает. Конан махнул рукой.

— Неважно.

Он взял ее за подбородок и нежно поцеловал. Она вспыхнула румянцем, низко наклонила голову и убежала. Конан послушал, как удаляется тихонький топоток, усмехнулся и принялся за еду.

Насытившись, варвар оставил блюдо, обглоданные кости, поднос и прочее там, где ел, то есть на полу возле окна, выходящего в чудный садик, а сам отправился осматривать дом. Он побывал в ореховой комнате, где все было сделано из различных сортов этого дерева и где стоял удивительный ореховый запах, такой густой, что, казалось, обладал способностью насыщать тех, кто его вдыхает, без всякой пищи. Заглянул в библиотеку, где хранились свитки и поблескивали в полумраке бронзовые статуэтки, изображавшие зверообразных божеств Вендии: «Интересно, — подумал Конан, окидывая пренебрежительным взглядом полуистлевшие папирусы и куски пожелтевшей ткани, исчерченные различными значками, — почему в таких комнатах у цивилизованных людей всегда стоит тьма, словно в спальне у Сета? Мне кажется, разбирать все эти значки и закорючки можно лишь при ярком свете. Охота же им портить себе глаза!»

Статуэтки божеств понравились ему куда больше, хотя вид некоторых вызывал сомнение. На-

пример, трехглавая женщина с ожерельем из человеческих голов не производила впечатление особы, с которой Конан-киммериец охотно провел бы вечерок-другой. Впрочем, богине мнение варвара было глубоко безразлично. Еще бы! Она ведь бронзовая.

Возможно, будь она из плоти и крови, ее мнение оказалось бы иным.

Эти бессвязные соображения навели Конана на другую, более серьезную мысль: что вчера произошло между ним и белокурой незнакомкой из таверны? Ее ли это дом? Или он случайно оказался неизвестно где? В таком случае, где хозяева? Он не сомневался, что находится в Вендии, но на этом его познания касательно собственного положения в мире заканчивались.

Они целовались, он помнил вкус ее губ. Они пахли земляникой...

Конан улыбнулся. Что за странная женщина! Но очень привлекательная — это несомненно.

— Ясно тебе? — сказал он богине, как бы завершая свои раздумья о женщине.

Роскошному дворцу, где очутился варвар, казалось, не будет конца. Шелковая спальня сменилась туалетной комнатой, где Конан немедленно начал задыхаться и чихать от множества расставленных повсюду коробочек с благовониями, припудриваниями, пудрами, помадами, краской для глаз, волос, сосков, пупка, ладоней, ступней, щек. Здесь были склянки с ароматическими маслами, медные кувшинчики, изящно украшенные эмалями, содержащие какие-то едкие капли — воз-

можно, их втирают в виски, чтобы придать себе бодрости. Пудра, серебряная, синяя, золотая, поднималась облаком над круглыми и овальными коробочками из драгоценных камней, едва только любопытный варвар приподнимал крышки. Он и сам не знал, зачем разглядывает все это. Женские ухищрения оставались для него, как и для большинства мужчин такого склада, чем-то загадочным и, в принципе, не особенно нужным. Конана никогда не интересовало, каким способом женщина делает себя привлекательной.

Возможно, он старался отыскать ответ на свои вопросы. Но их не было и здесь, в святая святых красавицы — ее туалетной комнате. И Конан пошел дальше.

В поисках выхода он переходил из помещения в помещение, но повсюду было одно и то же: роскошь и полное безлюдье. В конце концов, все это начало ему изрядно досаждать. Он несколько раз выглядывал в окна, но все они выходили во внутренний садик. Конан с досады даже плюнул туда пару раз и один раз попал в статую, изображавшую нахального вида девицу, которая, подбоченясь, плясала совершенно голая.

— Так тебе и надо, — мстительно произнес варвар и отошел от окна.

Он двигался спиной и потому случайно налетел на очередной столик, каких немало имелось в комнате. Хрупкая тонконогая мебель зашаталась и повалилась набок, как будто Конан ее убил. Лежащий столик напомнил подстреленную антилопу. Варвар не захотел исправлять содеян-

ное. Он вдруг заметил некий предмет, который привлек его внимание куда больше какого-то жалкого столика — будь тот хоть из драгоценнейшего черного дерева, инкрустированного жемчужными и перламутровыми пластинами.

Сундучок.

Маленький, прочно запертый сундучок. Он находился под столиком, накрытый шелковым платком, — как будто его, в отличие от прочих вещей, имевшихся в особняке, тщательно прятали. Блестящий, гладко отполированный, металлический сундучок выглядел довольно тяжелым. На нем почти не было украшений — только три разноцветных драгоценных камня, выложенные треугольником, и гравировка — летящий дракон с распростертыми крыльями. Работа явно принадлежала резцу очень искусного мастера, и Конан ненадолго залюбовался ею.

Затем он решил поднять крышку и исследовать содержимое.

Безрезультатно — крышка не желала подниматься. Конан вертел свою находку и так, и эдак, ругался, скреб его ногтями — все бесполезно. Поскольку вещь оказалась не слишком тяжелой — во всяком случае, не такой тяжелой, какой выглядела, — он прихватил ее с собой. Возможно, удастся продать какому-нибудь любителю тайников. Да и металл, из которого выкован предмет, кажется, не простой. Либо драгоценный, либо магический — к такому выводу пришел Конан.

Но на самом деле — он не желал себе признаваться в этом — его разозлила загадка. Он не лю-

бил, когда в уме поселялась некая тайна и начинала там жужжать и биться, словно раздраженная муха. Киммерийцу хотелось, чтобы мир был ясным и чистым, без магии, тайн и прочих глупостей. И это было главной побудительной причиной, заставившей его забрать сундучок.

Он миновал еще две анфилады роскошно убранных комнат и наконец увидел нечто новое — лестницу. Она вводила куда-то вниз, явно ниже первого этажа здания, насколько мог судить варвар. Он выбрался на ступеньки и огляделся. Ничего. Просто пустые стены. Чуть ниже начинались бесконечные тканые ковры с геометрическим узором. Ковры застилали ступени, скрадывая звук шагов, увешивали стены, поглощая звуки, доносящиеся из помещения.

Конана сильно нервировало то обстоятельство, что он безоружен. Тем не менее при нем оставалось довольно грозное оружие — его собственные руки. Киммериец не сомневался в своей способности в случае надобности разорвать какого-нибудь негодяя на части, не прибегая для этого ни к мечу, ни к кинжалу.

Шаг за шагом он спускался все ниже. Постепенно свет факелов становился все более тусклым. Все чаще попадались пустые гнезда. Становилось прохладнее. Конан понимал, что спускается глубоко под землю, но это его не останавливало. Из подвала таинственного здания может вести на волю подземный ход. Это было бы очень кстати. Конан пробыл пленником в золотой клетке почти целый день, и это начало его утомлять.

Еще один виток бесконечной винтовой лестницы. Она как будто буравила землю, упорно вгрызаясь в твердую почву. Неожиданно Конан увидел впереди темный силуэт и замер. Силуэт сперва стоял неподвижно, потом сделал несколько шагов в сторону и опять остановился. Конан понял, что это человек. Мужчина не особенно высокого роста, худой и жилистый. Несомненно, вендиец. Он то задумчиво расхаживал взад-вперед перед какой-то дверью, то останавливался. Несколько раз он потягивался, выгибаясь всем телом и зевая. Несомненно, это был часовой. Только вот что он сторожит здесь, глубоко под землей, в совершенно пустом здании?

Конан спустился еще на одну ступеньку. Новое открытие! Неизвестно откуда потянуло сквозняком. Так и есть! Где-то поблизости проходит подземный ход. И он выводит на поверхность земли совсем рядом. Конан отчетливо ощущал, как веет прохладой. На воле уже наступал вечер, дневная жара улеглась, подул освежающий ветерок. Отлично! Осталось миновать часового, убедить его не валять дурака и выпустить пленника (Конан не сомневался, что последнее окажется совершенно пустяковым делом) — и бежать отсюда! Все-таки хорошо он сделал, что доверился инстинкту и утащил рубин. Будет что вспомнить, когда он окажется далеко отсюда.

Слуга, освещенный тусклым светом единственного факела, был хорошо виден с того места, где теперь находился Конан. Он был безоружен! Интересно, что он все-таки охраняет? Кто доду-

мался поставить часового возле выхода и не дать ему в руки оружия?

Неожиданно переменявшийся ветерок донес до Конана новый запах. Пахло сытным ужином. Тушеным мясом, сладкими терпкими подливами, которые так мастерски готовят вендийские повара. Вот так дела!

— Привет, — сказал часовому Конан, спрыгивая со ступенек и внезапно вырастая перед ошеломленным вендийцем.

Смуглый худой человек отшатнулся, сложил руки и начал низко кланяться.

— А, боишься! — почему-то обрадовался варвар и поиграл мускулами обнаженных рук. — Правильно делаешь. Впрочем, я тебя не трону. Скажи мне, здесь ли выход из дворца?

Вендиец, не понимая вопроса, продолжал бормотать и бить поклоны.

— Эй! — рассердился Конан. — Почему здесь никто не понимает, о чем его спрашивают? Для кого этот ужин?

Он протянул руку и взял с блюда кусок мяса. Вендиец наблюдал за этим с каким-то священным ужасом. Конан преспокойно обмакнул мясо в соус и отправил в рот.

— Ух ты, как вкусно! — воскликнул он и потянулся за новым куском.

Вендиец, завывая, бросился ему в ноги и принялся шлепать ладонями по каменному полу.

— О чем ты просишь? — Конан отодвинулся, глядя на распростертого перед ним слугу с несколько брезгливым выражением лица. — Чтобы

я не брал мяса? Мясо — нет? — Он показал на блюдо и покачал головой. — Я правильно понял?

Вендиец вскочил и замахал руками, как бы ограждая ужин от прожорливого варвара, а затем опять сложил на груди руки и умоляюще посмотрел на огромного варвара.

— Ладно, — великодушно махнул Конан. — Не больно-то и хотелось. Вообще-то я сыт, просто решил попробовать. Здешняя стряпня мне очень по вкусу. Когда стану королем, непременно заведу себе повара-вендийца. Ты хоть что-нибудь понимаешь?

Слуга не сводил с киммерийца внимательных глаз. Он явно чего-то боялся. Но чего? Кажется, варвар ведет себя вполне дружелюбно: болтает, жует, хлопает собеседника — правда, немного и несчастного, — по плечу. Что же такого страшного таится в этом подвале?

Может быть, слуге-вендийцу строго-настрого велено не выпускать Конана из дворца? Ну тут уж, прости друг, придется нарушить приказание. Не может киммериец провести всю жизнь взаперти, на радость таинственной блондинке, которая одарила его парой поцелуев и скрылась неизвестно куда.

И тут Конан заметил наконец запечатанную дверь, которую слуга, так и мельтешивший перед глазами варвара, всеми силами старался от него скрыть. Дверь была небольшой. Обитая толстыми металлическими листами, она была не просто закрыта на тяжелый засов, выполненный из массивного куска железа в виде ветки фанта-

стического растения с причудливыми резными листьями; сверху висела небольшая печать из красного воска с оттиснутым на ней изображением небольшого крылатого дракона.

— Кхитайская вещичка, — молвил Конан. Некогда он видел нечто подобное на вещах своего приятеля-кхитайца по имени Тянь-Пу, каллиграфа. Они познакомились при довольно странных обстоятельствах. Тогда тоже речь шла о женщине, в высшей степени необычной. Странно, что маленький кхитаец пришел Конану на ум. Киммериец давно о нем не вспоминал, путешествуя совсем в других частях света.

Когда пальцы киммерийца коснулись печати, вендийский слуга взвыл и рухнул лицом вниз. Его тощие плечи затряслись от рыданий, подземелье огласилось тонким, отчаянным воплем.

— А, — обрадовался Конан, — значит, ты не хочешь, чтобы я трогал эту штуку. Очень хорошо. Стало быть, в ней все дело.

Он потянул чуть сильнее, и хрупкая печатка сломалась в его руке.

Поначалу не происходило ровным счетом ничего. Конан растирал пальцами воск и нюхал его в ожидании, что оттуда вырвется какой-нибудь особо злокозненный ядовитый дым, несущий с собою колдовские чары. Но воск оставался обычным воском. Только краска размазалась по руке.

Вендиец затих и чуть отполз в сторону. Конан твердо решил разобраться в происходящем. Ему все меньше и меньше нравилось, что от него

что-то скрывают. Нечто важное — в этом он был уверен.

Он наклонился над слугой, но тот забился в корчах, и Конан неприязненно отошел подальше. Варвар не любил припадочных и опасался их, считая притворщиками — в лучшем случае, и вместилищем злобных потусторонних сил — в худшем.

В этот момент что-то зашумело за дверью. Засов начал шевелиться, двигаясь то вверх, то вниз, как будто кто-то изнутри пытался его открыть. Дверь загудела от мощных ударов. Нечто очень тяжелое изо всех сил билось о прочные доски.

— Что за... — начал было Конан.

И тут дверь подалась. Засов с грохотом сорвался с двери и полетел на каменные плиты пола. Поднялся сильный, певучий звон, эхом отдающийся по всему подземелью. У Конана от резкого звука даже заболели уши. Вендиец приподнялся, стоя на коленях. Его лицо выражало предельный ужас: глаза побелели и выпучились, рот распахнут, из горла непрерывно вырывается тонкий, пронзительный крик. Казалось, слуга даже не переводил дыхания — просто кричал, кричал, кричал...

Повиснув на одной петле, дверь распахнулась, и оттуда вырвалось дымное пламя. Оно лизнуло стены, оставляя на них черные следы копоти, затем втянулось внутрь помещения, скрытого за дверью, а после вылетело опять. Как будто некто, прячась в темноте, раздувал невидимые мехи.

Конан отскочил в сторону, страстно желая, чтобы у него было оружие. Эту тварь голыми руками не порвешь. И никакой магической вещицы, как на грех, сейчас нет. Разве что рубин...

Но разглядывать драгоценный камень и решать, насколько он магический, времени не оставалось. Из подземной камеры показалась огромная когтистая лапа, покрытая золотой чешуей. Вендиец застыл, и его крики, как почудилось варвару, застыли у него в горле. Вслед за первой лапой протянулась вторая, а затем на длинной извивающейся шее высунулась морда дракона. Он был точь-в-точь как тот, которого Конан видел в комнатах. Только живой.

Киммериец завороченно глядел на широкую голову с четырьмя небольшими рогами и длинными, извивающимися усами. Изумрудные глаза на золотой морде холодно рассматривали подвал. От чудовища исходило сияние. Оно показалось Конану прекрасным. Смертельно опасным и изумительно красивым. Как меч работы древнего мастера.

Конан замер. Дракон провел когтями по полу, припал подбородком к каменным плитам между лапами и тихо зашипел, раздувая горло. По подвалу пробежала волна жара. Слуга-вендиец вскочил и бросился наутек. Тотчас дракон стремительно выполз из убежища, явив свое великолепное тело целиком, — длинное, больше четырех человеческих ростов, извивающееся, как у ящерицы, заканчивающееся мощным заостренным хвостом. Прижатые к бокам кожистые крылья

чуть распустились, когда чудовища оказалось на свободе. Оно пробежало по подвалу, подхватило раскрытой пастью вопящего от ужаса человека и вырвалось из подземелья через широкое отверстие, имевшееся в конце коридора. До Конана донесли последние крики несчастного вендийца, а затем навстречу варвару повалило яркое пламя. Оно катилось, точно шар, по подземному ходу, но у самых ног киммерийца рассыпалось на тысячи крошечных золотых монет.

Конан наклонился, потрогал одну из монет и отдернул палец — они были раскаленными.

— Подождем, — сказал киммериец сам себе и уселся на разогревшийся каменный пол.

Из раскрытого помещения несло странным запахом. Пахло как в зверинце и вместе с тем к острой вони животного примешивался тонкий аромат женских духов. Это сильно тревожило варвара, заставляло его ноздри раздуваться, точно он и сам был диким зверем и уловил нечто таящее опасность.

— Или же просто загадку, — добавил Конан вслух. — Видимо, моя вчерашняя подруга не так проста, как хочет показаться. То есть, она совершенно не проста, но тут дело осложняется еще и драконом. Кто же такой этот дракон? Ее прежний дружок? Может быть, ее родная мама? Зачем она держит его в подвале? Она здесь была, это ясно. Это ее духи так пахнут. Я перенюхал все коробки у нее в спальне. До сих пор не могу прочихаться — все эти благовония так и застревают в носу.

И он поковырял в носу пальцем, после чего продолжил рассуждать сам с собою:

— А на этих монетках — изображение дракона. На память. Возьму-ка я с десятков... или с два десятка. Или вообще заберу все. Если они заколдованные и превратятся в глину — я ничего не потеряю. А если это настоящее золото...

Он не договорил. Просто наклонился и принялся подбирать деньги. Шаг за шагом Конан продвигался по коридору и наконец оказался у выхода из подземелья. Как он и предполагал, это было довольно широкое отверстие в потолке, обычно забранное решеткой. Сейчас решетка, выломанная и изогнутая по краям, валялась на полу. Конан ловко забрался по стене, которая любому другому человеку могла бы показаться отвесной и совершенно неприступной, и ухватился руками за траву.

На воле пахло гарью. Дракондохнул еще раз пламенем, прежде чем улететь. Интересно, где он теперь порхает? Хорошо бы не встречаться с ним хотя бы некоторое время.

Конан сел на траву, свесив ноги в отверстие. Он отдыхал.

Подземный ход вывел его далеко за город. Конан и не подозревал, что прошел так много. Но дворец таинственной женщины был выстроен таким образом, что часть его помещений размещалась под землей и тянулась под мостовыми. Садик, который видел Конан из окон, был всего-навсего магической иллюзией, несуществующим видом из окна — чтобы не так тоскливо было

смотреть наружу. У Хлависы имелась причина строить себе жилище такого огромного размера. Земля же в городе стоила дорого, поэтому пришлось пойти на ухищрение.

Кое о чем Конан догадался сразу. Остальное дополнило первоначальные соображения чуть позднее, а окончательную картину он составил для себя после встречи со старым приятелем каллиграфом Тянь-По.

Сокровища, вынесенные Конаном из убежища незнакомки, лежали рядом с ним, на траве, и солнце весело играло на блестящих поверхностях сундучка, заставляло гореть и вспыхивать золотые монеты (ни во что они пока не превратились и, похоже, превращаться не собирались). Конан утешал себя мыслью о том, что теперь может вернуться сюда через подземный ход в любое время и прихватить еще что-нибудь ценное. А пока следовало убираться подобра-поздорову.

Так он и поступил.

* * *

Лакшми был одним из тех городов Вендии, где человеку легко затеряться. Любой мог найти себе здесь пристанище и слиться с толпой себе подобных. Восточный район Лакшми представлял собою череду великолепных дворцов, где жили аристократы и те богачи, которым посчастливилось породниться со знатью. Здесь строили высокие дома, похожие на конусы, многоярусные, выкрашенные ослепительно-белой краской

и украшенные многочисленными лепными узорами, иногда также белоснежными, а иногда — разноцветными. Солнце, в течение дня перемещаясь по небу, посылало лучи под разными углами, и тени изменяли свое расположение — и, как следствие, иначе выглядели выпуклые узоры на фасадах аристократических особняков. Четкие черные тени подчеркивали изящество завитков и розеток — жители Лакшми предпочитали цветочные орнаменты.

На юго-востоке размещались храмы. Храмовый квартал не был огорожен отдельной стеной и тем не менее всякий, кто вступал на его территорию, сразу ощущал разницу. Мостовые здесь были куда чище, чем в городе — включая и аристократические кварталы. Внешний облик зданий был тоже иным: башенки и низкие плоские часовни сменялись маленькими садиками, где тихо журчала вода и поблескивали большие, выше человеческого роста, статуи божеств.

Но главным был запах непрерывно сжигаемых благовоний. И еще здесь бегали обезьянки, маленькие, пушистые, белые и пепельно-серые. Они были совершенно ручными и держались как хозяева.

Эти животные превосходно были осведомлены о том, что считаются священными и что люди не имеют права поднимать на них руку. Поэтому они частенько безобразничали — отбирали у паломников еду, рвали на них одежду, путали им волосы или забирались людям на плечи и требовали, чтобы их покатали, хлопая человека по ма-

кушке маленькой смуглой ладошкой, похожей на ладошку ребенка.

В центре города начинались торговые ряды, а дальше к северу и западу селились простые граждане. Чем дальше к северной окраине, тем беднее были дома и, соответственно, их обитатели. Иногда хижины выглядели просто как куча мусора, случайно вываленного на землю. И все же там жили какие-то бедолаги, и сквозь кривую дверь, которую зачастую даже не задергивали занавеской, можно было видеть, как внутри, в полумраке и вони, копошатся дети и возятся по хозяйству женщины. Мужчины возвращались в такие дома только ночевать, да и то далеко не всегда, зачастую предпочитая остаться под открытым небом.

Конан вошел в Лакшми незадолго до рассвета и присоединился к тем, кто храпел, вытянувшись на голой земле, неподалеку от пеньковых складов. Варвар проделал немалый путь и решил как следует выспаться, прежде чем приступить к поискам Тянь-По.

У Конана сложилось стойкое ощущение, что отыскать маленького каллиграфа можно только благодаря везению и случайности. Он никогда толком не знал, был ли кхитаец магом. Скорее всего, нет. Но их встречи всегда происходили неожиданно — по крайней мере, для варвара. А сейчас киммерийцу позарез требовались познания веселого и образованного Тянь-По. В последний раз, когда они расставались, он упоминал о Лакшми. Мол, хочет потолковать со здеш-

ними жрецами. У них, как он выразился, совершенно особая школа каллиграфического письма. А заодно кхитайцу хотелось бы посмотреть, как они изготавливают бумагу из тины и вымоченных в воде листьев акации. Маленького каллиграфа всегда интересовало все, что имело отношение к письменности и письменным принадлежностям.

Впрочем, добавил Конан, обращаясь к самому себе уже перед самым сном, сойдет и любой другой умник. В Лакшми их должно быть много. При храмах всегда обитает дюжина мудрецов. А мудрецы, будь они хоть трижды отрекшиеся от всего земного, вряд ли устоят перед чудесными золотыми монетками — если не ради золота, то ради редкого изображения дракона.

С этими мыслями Конан погрузился в объятия благодетельного сна.

Пока он спал, его дважды пытались обокрасть. В первый раз Конан даже не соизволил проснуться — просто двинул наугад кулаком, попал и преспокойно перевернулся на другой бок. Грабитель сгинул и больше не появлялся. Второй раз случился уже под утро. Тут Конану пришлось поневоле подражать глазам, поскольку нахальный воришка вытаскивал сундучок прямо из-под живота спящего варвара.

Конан сел и огрел вора по голове. Тот ойкнул, присел и несколько секунд ошеломленно моргал в предрассветном сумраке.

— Брысь! — хмуро проговорил Конан. Воришка растворился в воздухе.

Конан выругался. Его разбудили слишком рано. Он еще не отдохнул как следует. А спать больше не хотелось. Хотелось есть. И таверны в этот час, как на грех, еще закрыты.

— Надо было поймать этого бездельника, изжарить его на костре и съесть, — проворчал ким-мериец. — Жаль, что я не додумался сделать это сразу.

С этими словами он уложил сундучок в мешочек, из которого вещьца вывалилась во время попытки похищения, проверил, целы ли монетки в кошельке, — и зашагал в сторону городского центра.

Лакшми медленно просыпалась после душной вендийской ночи. Кое-где уже затеплились огни, которые становились все более блеклыми по мере того, как солнце поднималось из-за горизонта. Вот уже вспыхнули золотом и багрянцем вершины башен, и тотчас, словно посылая ответный сигнал, загорелись купола храмов на юго-востоке.

Конан не стал пока заходить в жреческие кварталы. Он искал харчевню и справедливо предполагал, что она отыщется поближе к рынку. Одна действительно уже открыла двери, и заспанный хозяин, зевая, вытаскивал из шкафчика вчерашний хлеб и остатки холодного мяса — все, что оставили на столах купцы, караванчики из Султанапура, которые на радостях после совершения выгодной сделки устроили здесь пирушку. Скромную пирушку, по масштабам богатых купцов, но достаточно приятную для бедного харчевника.

Конан появился на пороге так неожиданно, что «бедный харчевник» выронил блюдо, которое держал в руках, и оно разбилось. Полуобглоданные кости, предназначавшиеся для бедняков, что непременно явятся чуть позже просить милостыню, рассыпались по полу.

Конан усмехнулся. Его внушительная фигура заполняла весь дверной проем. Ничего удивительного, что хозяин испугался. Вопреки распространенному мнению, ночь — не самое опасное время суток для добропорядочных граждан. Раннее утро, когда одни уже завалились спать, а другие еще не проснулись, — вот глухой час, когда совершается большинство преступлений. А киммериец не выглядел как человек, который остановится перед каким-либо препятствием, если оно стоит между ним и желаемым.

— Уважаемый... — залепетал харчевник.

— У тебя открыто? — осведомился варвар и тотчас уселся за столик.

— Э... Я только что проснулся... и готовился к приему гостей... — забормотал харчевник. — Но если господину угодно...

— Дай мне чего-нибудь, — приветливо молвил Конан и выложил на стол один маленький золотой кругляшок. Хозяин сперва сощурился, а потом широко раскрыл глаза и расплылся в улыбке. Гость не похож на грабителя. То есть, он наверняка грабитель, но сюда он явился просто позавтракать.

Поэтому хозяин сразу пришел в отменное расположение духа. Утро начиналось удачно, кля-

нись великим Кришной! Он выставил на стол перед варваром фрукты (недоеденные купцами), нарезанное на ломтики мясо (остатки того же пиршества) и два карава хлеба.

— И выпить, — с набитым ртом потребовал Конан. Рядом с ним тотчас появился кувшин с разбавленным вином. Варвар глотнул, фыркнул.

— С утра лучше слабенькое, — заискивающе сказал хозяин. — Чтобы голова соображала.

— Моя голова всегда соображает, — объявил Конан, превосходно зная, что говорит неправду. Но харчевник спорить не стал — гостю виднее. Тем не менее он не пошел за другим кувшином, а вернулся к шкафам и стал возиться там, краем глаза наблюдая за едоком.

— Скажи, любезный друг, — заговорил Конан, ковыряя в зубах ножом, — не знаешь ли ты, где обитают здешние каллиграфы?

— Все мудрые люди избрали своим жилищем дома богов, — вежливо отозвался харчевник. — Да будет мне позволено спросить — для чего такому человеку, как ты, интересоваться каллиграфией? Ты не похож на каллиграфа.

— Да? А на кого я похож? — осведомился Конан. — На невежду-варвара, который лезет не в свои дела? Это ты хотел сказать?

— Нет, господин. Вовсе не это. Господин похож на воина. Члены воинской касты редко интересуются делами членов жреческой касты, а что до нас, простых работников...

— Ну, хватит! — оборвал его Конан. — Я и забыл, что в Вендии с этим так строго. Хорошо,

предположим, я хочу поклониться божествам. Членам воинской касты это не возбраняется?

— Разумеется, нет, господин! Как такое могло прийти в твою голову... кх-х! — Он закашлялся, сообразив, что опять прогневал страшного гостя. Скорей бы уж этот варвар ушел и оставил его в покое! Кроме того, харчевнику очень хотелось спрятать монетку и твердо знать, что никто не потребует ее обратно.

— Ладно. Итак, мне нужен каллиграф, — великодушно проговорил Конан, решив пропустить мимо ушей все те невежливые вещи, что харчевник наговорил со страху или по глупости.

— Все каллиграфы живут возле богов...

— Кхитаец, — продолжал Конан.

— Об этом господину лучше спросить у жрецов, — твердо сказал харчевник и всем своим видом показал, что не намерен больше продолжать разговор, который то и дело принимал чересчур опасный оборот.

Конан одним глотком прикончил прохладное разбавленное вино и вышел, оставив дверь харчевни открытой.

Жреческий квартал показался ему довольно забавным. Здесь уже все были на ногах. Бритоголовые послушники тщательно подметали мостовую и протирали статуи богов, ползая по позолоченным коленям и забираясь на плечи металлических божеств, словно мухи или ящерики. Какой-то мальчик старательно натирал ухо огромного танцующего бога, жуткого на вид, с выкрашенным в синий цвет лицом и высунутым чер-

ным языком. Ребенок совершенно не боялся жуткого бога. Не то понимал, что это всего лишь статуя, не то верил, что злое божество не причинит вреда своему служителю.

Конан не был уверен ни в том, ни в другом, но свое мнение придержал при себе.

— Привет! — весело крикнул он.

Мальчишка-послушник вздрогнул и едва не упал со статуи, когда увидел внизу рослого северянина.

— Ой! — выговорил он. — Ой, господин! Ты пришел молиться? Купи благовония вон в той лавке, а потомними обувью и входи сюда с надлежащим почтением...

— Я пришел не молиться, маленький дурачок! — отозвался Конан. — Я пришел по делу.

— Все приходят по делу. Знаешь, есть такая притча: одна кошка сказала женщине...

— В чем я сейчас не нуждаюсь, так это в притчах! — ответил Конан, заставив мальчика обиженно замолчать. — Скажи-ка мне, нет ли здесь при храмах школы каллиграфии?

Мальчик молча махнул рукой, показывая на широкое плоское здание, крытое черепицей. Черепица была выкрашена в красный и черный цвет, так что крыша казалась полосатой. Деревянные колонны не скрывали от проходящего по улице того, что делалось внутри. А внутри на циновках из рисовой соломки сидели, подобрав под себя ноги, ученики и старательно выводили отточенными бамбуковыми палочками разные значки. Конан ничего не понимал в этих значках. Ему

все они казались одинаковыми, однако вот ученик совершил ошибку, загнул загогулину под неправильным углом или сделал ее недостаточно тонкой, и учитель сильно ударил его розгами по бритой голове — да так, что брызнула кровь. Ученик встал, поклонился и вышел куда-то во внутренний дворик.

Конан, пригнувшись, вошел под своды. Он счел момент достаточно удобным, чтобы обратиться к учителю каллиграфии с вопросом. Однако тот уже увлеченно рассказывал притчу о двух воинах, которые решили перед поединком на мечах обменяться каллиграфическими посланиями.

— Один начертил буквы ровно, строго, внимательно следя за тем, чтобы каждая линия имела однозначное начертание. Второй писал иначе — размашисто и грубо. Оба письма оказались в руках правителя. Правитель ознакомился с ними и, призвав к себе соперников, сказал так: «Я запрещаю вам вступать в поединок, ибо это ничем не закончится. Вы слишком отличаетесь друг от друга. Одного из вас я назначаю судьей, а второго — начальником стражи». Как вы думаете, — обратился преподаватель к ученикам, которые внимательно слушали его, — кто из двоих стал судьей?

Конан чуть приподнялся, хотя он и так почти на голову возвышался над остальными.

— Дозволь ответить, — заговорил киммериец, подражая манере здешних жителей. Конан был уверен, что не ошибется в трактовке притчи. Он

достаточно таких историй наслушался от своего приятеля-кхитайца.

— Говори, — приветливо улыбнулся учитель.

— Судьей он назначил того, который чертил размашисто и криво, — сказал Конан уверенно.

— Почему ты так решил?

— Потому что такой человек склонен к милосердию. Законы и без того справедливы. Если судья станет следовать одним только законам, то слишком многие лишатся головы, а это будет бесполезной тратой человеческих жизней. Поэтому бесшабашного воина следует назначить распорядителем человеческих судеб. Осуждая виновного, он всегда будет помнить о том, что нередко бывал виноват и сам, и его приговоры будут мягче. Безупречного же каллиграфа правитель назначит начальником стражи, ибо эта должность требует внимания, четкости и аккуратности. Здесь нужно не столько думать, сколько точно выполнять инструкции.

Учитель вдруг прищурился, и Конан понял, что он плохо видит.

— Кто ты? — спросил он, пытаясь разглядеть киммерийца. — Почему ты стоишь, когда все сидят? Я не помню твоего голоса.

— Я сию, — заверил его Конан. Когда он поднялся на ноги, ему пришлось пригнуть голову, чтобы не удариться о притолоку.

— Кто ты такой? — снова повторил каллиграф.

— Я киммериец, я пришел с севера.

— Ты хочешь изучать каллиграфию?

— Скажи мне сперва, почтенный, правильным ли был мой ответ!

— Твой ответ совершенно верен, и тебе надлежит заниматься не с начинающими, но с продолжающими учебу. Ты уже близок к просветлению.

Конан поморщился, пользуясь тем, что учитель не видит этой гримасы.

— По правде сказать, почтенный, я пришел сюда не учиться. Я разыскиваю каллиграфа-кхитайца по имени Тянь-По. Это мой друг.

— Ты действительно друг достопочтеннейшего Тянь-По? — вскричал наставник. — О, это великая честь! Теперь мне понятно, почему ты так легко разгадал мою притчу!

— Ты прав, — признал Конан. — Этому научил меня Тянь-По. И судя по твоему возгласу, ты знаешь, где он находится.

— Сейчас он занят в храме, — строго произнес учитель. — Но ты можешь подождать его снаружи. Когда он освободится, он выйдет, и вы встретитесь. Но помни: если ты замыслил недоброе по отношению к учителю По, бойся! Боги здешних храмов хорошо оберегают своих верных слуг.

— Ничего дурного я не замыслил, — твердо произнес Конан. — Благодарю и прощай.

Он покинул класс не без облегчения. Слишком уж низко нависал разрисованный золотыми звездами деревянный потолок. Как будто сидишь в норе.

Зато сады, окружающие храмы, пришлись киммерийцу по душе. Здесь было где укрыться — и от любопытных глаз, и от жары. Густая

зелень источала приятный пряный аромат, пестрые цветы прятались среди листьев. Обезьянки верещали где-то наверху, перепрыгивая с ветки на ветку. Несколько раз на голову Конана роняли плоды и сломанные палки. Привыкший бродить по джунглям, киммериец отнесся к этому вполне равнодушно.

Одна из бойких обезьянок заметила нового человека и, ловко перебирая лапами, спустилась вниз. Она бесцеремонно схватила киммерийца за одежду и принялась теревить.

— Уйди, — сердито сказал варвар, отталкивая крошечные цепкие пальчики. — Ах ты, попрошайка! У меня все равно ничего нет. Видишь?

Зверек обиделся. На пушистой мордочке, забавно похожей на человеческую, появилось грустное выражение. Обезьянка отвернулась, вытянула губы трубочкой и быстро-быстро зашлепала ими, как будто собралась заплакать. Конан протянул руку, чтобы погладить ее, но обезьянка вскочила и быстро запрыгнула на ствол ближайшего дерева. Вскоре оттуда в киммерийца полетели ветки и гроздья сорванных листьев.

— Вот вредина! — Конан погрозил обезьянке кулаком.

— Воеешь со священными животными? — слышался голос за спиной у киммерийца.

Варвар резко обернулся. Тянь-По, неунывающий, все такой же моложавый, с забавными длинными тонкими усами, свисающими из углов рта, поглядывал на своего знакомого с легкой усмешкой.

— Они тут назойливы, но незлобивы. В других храмах дела обстоят хуже. Например, кое-где поклоняются крокодилам...

— И гигантским змеям, — закончил Конан. — Благодарю за то, что напомнил. Я побывал в тех краях. Вынужден признать, что на моей совести не одно из этих очаровательных и несомненно священных существ.

— Знаю, — вздохнул Тьянь-По. — Мне передавали, что ты меня разыскивал.

— Да? — Конан чуть удивленно приподнял брови. — Быстро же тут разбегаются слухи!

— Они скачут быстрее, чем обезьяны, — с комически-серьезным видом подтвердил кхитаец. — Храмы похожи на рассадники старых дев. Никто так не любит сплетничать, как священнослужители и военные. В Кхитае об этом знают. А в Киммерии, похоже, нет.

— Это потому, что в Киммерии каждый уважающий себя воин одновременно сам себе священнослужитель и главнокомандующий, — проворчал Конан. — Мы не такие цивилизованные, как вы. У нас все просто.

— Ох, Конан! — вздохнул Тьянь-По. — А ведь ты пришел ко мне не просто так.

— Может быть, я собираюсь изучать каллиграфию? — возразил киммериец.

Он чувствовал себя довольно глупо, потому что действительно обиделся на обезьянку. Но очень уж этот зверек напоминает человека... по крайней мере, некоторых знакомых Конана — точно.

— Сомневаюсь! — засмеялся Тьянь-По. — Ты ведь не умеешь писать!

— Зато я воин, — заявил Конан. — Знаешь притчу? Два воина соперничали друг с другом и вот они решили перед поединком обменяться письмами...

Тьянь-По с серьезным видом выслушал притчу, покивал.

— Ты делаешь большие успехи. Начальный этап изучения каллиграфии, можно считать, тобою пройден.

— Ладно, не смейся. — Конан снял с плеча мешок. — Я принес кое-какие вещички, а с ними — и весьма любопытную историю. Мне кажется, ты — один из немногих, кто в состоянии разгадать эту загадку.

— В таком случае, нам следует отправиться в Беседку Глубоких Размышлений, — решил кхитаец. — Очаровательное место. Тебе понравится.

Конан выразил гримасой сомнения в этом, однако подчинился и пошел следом за кхитайцем в глубь сада. Беседка Глубоких Размышлений представляла собой павильон, сплетенный из толстой медной проволоки и увитый ползучими растениями. На полу лежали циновки, разрисованные лотосами. Такие же лотосы цвели в маленьком пруду, посреди которого красовались пять или шесть камней. То и дело какая-нибудь бойкая лягушка выскакивала на камень и принималась громко исполнять песнь во славу любви и природы. Не ее вина, если некоторым людям не нравилось ее пение. И поэтому здесь было запрещено

швырять в лягушек камнями. «Кто мудр и в состоянии понять сущее, тот оценит радость даже такого ничтожного существа, как лягушка. Кто лишен мудрости, тот должен воспитывать в себе терпение, ибо от терпения произрастает понимание», — гласило Учение. Тянь-По не преминул предупредить Конана.

Они устроились поудобнее на циновках. Конан скрестил ноги, как привык делать, когда сидеть приходилось на голой земле, и извлек из мешка маленький сундучок.

— Красивая вещь, — одобрил Тянь-По и чуть поклонился сундучку. — Это работа великого мастера.

— Я расскажу тебе, как он достался мне, а потом ты попробуешь понять, что тут к чему, — хмуро начал варвар. Он повел повествование с самого начала — от встречи с блондинкой, которая путешествовала одна и заинтересовалась варваром, до появления дракона, который сожрал несчастного вендийца и улетел неизвестно куда.

— Эти вещи, я так понял, ты забрал из дома таинственной женщины, — кивнул Тянь-По, когда Конан замолчал.

— Какие вещи? — вскинулся киммериец. — Речь идет только об одном предмете. Вот об этом. О сундучке.

Он несколько раз хлопнул по закрытой и запаянной крышке.

Тянь-По поглядел на приятеля узкими смеющимися глазами.

— Только не рассказывай мне, дорогой друг,

что ты прихватил из особняка — если он действительно такой роскошный, как ты расписывал, — всего лишь один предмет.

— Остальные не имеют отношения к делу, — заявил Конан.

— Позволь об этом судить мне, — решительно сказал Тянь-По.

Конан нехотя показал несколько одинаковых золотых монеток с изображением дракона — такого же, что и на крышке сундучка. О рубине он говорить не стал. Киммериец, конечно, понимал, что Тянь-По догадывается о наличии чего-то вроде этого рубина, однако камень действительно не имел никакого отношения к делу. А если они разберутся с делами таинственной Хлависы, то всегда могут вернуться в особнячок через подземный ход и обогатиться вдвоем. Конану чужого барахла не жалко.

Тянь-По подумал немного.

— Здесь должны быть надписи. На таких предметах всегда делают различные надписи.

— Почему?

— Обычай. Каллиграфия служит и для украшения предметов, и для памяти. А этот сундучок действительно очень странный. Не знаю только, почему ты решил, будто он содержит разгадку тайны.

— Потому что она его прятала, — нетерпеливо сказал Конан. — Ничего другого она у себя не прятала. Все остальное стояло раскрытое. Жемчуга, изумруды — всего навалом. Одежда — вся на постелях, на столах и на полу. А эта штука...

— Да, да, — задумчиво пожевал ус кхитаец, — я тебя понял. Она ее прятала, а ты случайно нашел.

— Говорю тебе, случайно! — Конан начал закипать. — Я споткнулся о столик, столик упал, а сундучок стоял внизу...

— Да, да, — повторил кхитаец, явно не слушая, что ему говорят. — Случайно, случайно... Почему же здесь ничего не написано? Должна быть надпись!

— Может, это магическая штука? — предположил Конан.

Кхитаец взял сундучок обеими руками, встряхнул несколько раз.

— Не похоже... Просто металл, без каких-либо следов колдовства. Да и к чему оно? Если я ничего не путаю, сундучок сделан из сплава двух небесных камней — серебряного и железного. Небесные металлы хороши тем, что искусный мастер может творить с их помощью чудеса, не хуже, а то и гораздо лучше тех, что порождает земная магия.

Тьянь-По пошарил под своими мудреными многослойными одеждами и достал мешочек с кресалом.

— Конан! — окликнул он киммерийца. — Принеси мне несколько веточек.

Конан нехотя подчинился. Ему происходящее начало казаться невероятно глупым. Про себя он уже проклинал тот час, когда решил идти до Лакшми, разыскивать умника-каллиграфа и беспокоить его своей проблемой.

Тем не менее он не стал спорить, а вместо этого выбрался из беседки и оборвал несколько веток.

Тьянь-По посмотрел на него с укоризной.

— Разве нельзя было подобрать сухие? — спросил он кротким голосом.

— Ты начал разговаривать как здешние жрецы, — возмутился Конан. — Хватит ломать из себя святошу. Зажигай ветки и делай что ты там задумал!

Тьянь-По разложил крошечный костерчик — у него огонь загорелся сразу, послушно, хотя ветки действительно были сырыми и в принципе нуждались в том, чтобы их долго уговаривали дать людям пламя. «Кхитайская хитрость», — подумал Конан.

Тем временем каллиграф поднес к пламени сундучок, и вдруг на нагретой металлической стене проступили иероглифы.

— Держи его! — велел Тьянь-По, выхватывая из прически острую палочку. Глядя на иероглифы, которые то проступали, то исчезали по мере того, как жар пробежал по металлическому предмету, он принялся быстро чертить на гладкой посыпанной песком дорожке.

— Отлично, — молвил кхитаец, когда эта работа была закончена. — Теперь мы перенесем надпись на лист бумаги и начнем его изучение.

— Я должен сбегать и принести тебе бумагу? — мрачно осведомился Конан.

Тьянь-По тихонько засмеялся. Его длинные усы заколыхались.

— Нет, вовсе нет! У меня все с собой.

С этими словами он поднял руки и поднес их к своим волосам, заплетенным в причудливые косы и уложенным на макушке. В этой прическе помещался тонкий рулончик бумаги и даже небольшая кожаная чернильница с тугой пробкой.

Разложив письменные принадлежности на полу беседки, Тянь-По принялся аккуратно ссисовывать иероглифы. Затем он явил на свет кисточку и тщательно затер ею первоначальную надпись на песке.

— Незачем этим сплетникам узнавать, чем мы тут занимались, — пояснил он.

— Благоразумно, — проворчал Конан и заглянул каллиграфу через плечо. — Ну, давай, читай. Что тут написано, а?

— Не мешай. — Тянь-По чуть отмахнулся, показывая, что ему надо сосредоточиться.

— Может быть, мне пойти пообщаться с обезьянами? — спросил Конан.

— Нет, нет, далеко не уходи... Тут что-то интересное... — бубнил кхитаец, рассматривая иероглифы. — Странное начертание. Возможно, более древнее, чем мы привыкли... А что если это обозначает «человек»? Нет, слишком низко для «человека»...

— Ты о чем?

— Тебе интересно? — Тянь-По поднял на Конана узкие глаза. Ледяной взгляд варвара натолкнулся на этот доброжелательно-равнодушный взор — свойство, которое всегда смущало киммерийца в соотечественниках Тянь-По.

— Может, и интересно, — фыркнул варвар.

— Тогда смотри. Вот эта фигурка должна, в принципе, обозначать «человека». Что-то происходит с неким человеком. Но она здесь нарисована слишком низко, как бы пригнувшейся.

— А если это пригнувшийся человек? — предположил Конан. — Ну, какие-нибудь обстоятельства вынудили его наклониться.

— Ты прав! — воскликнул кхитаец. — Этот вариант мы сейчас исследуем... Так, следующий иероглиф показывает рыбу, а рядом — птица... Не понимаю. — Он опять нахмурился. — Странно. Впервые в жизни сталкиваюсь с такой странной надписью.

Конан с торжеством посмотрел на своего собеседника.

— Зато я все отлично понимаю! Пригнувшийся человек — он же рыба — он же птица — это дракон!

Тянь-По глубоко вздохнул и схватился обеими руками за голову.

— Конан, как ты прав! Это какое-то древнее начертание, поэтому я немного запутался... Другая система связей смыслов и иные символы ассоциаций...

— Хватит мудреных слов! Что тут написано?

— Так, посмотрим дальше... — Кхитаец некоторое время прикидывал и так, и эдак, шевелил в воздухе пальцами, один раз сильно дернул себя за прическу, отчего оттуда выпала вошенная табличка и маленький кинжальчик для разрезания бумаги.

— У тебя там, часом, нет какой-нибудь медовой лепешки или куска доброй свинины? — спросил Конан, указывая на волосы кхитайца.

— Что? — Рассеянный взгляд ненадолго устремился на варвара, но поскольку ответа не последовало, кхитаец опять уткнулся в надпись. Он совершенно не заметил шуток и не оценил ее. Конан чувствовал себя лишним в этом мире.

Несколько лягушек шумно обменивались впечатлениями, сидя на камнях и раздувая широкое горло. Некоторое время Конан чувствовал растущее раздражение, но потом вдруг понял, что эти лягушки напоминают ему наемников в таверне, когда те похваляются количеством награбленного и наперебой рассказывают о женщинах, которыми они овладели. Это насмешило Конана и отчасти примирило с действительностью.

Тем временем кхитаец испустил вопль, который перепугал лягушек и вызвал шумный переполох в ветвях деревьев. Несколько птиц поднялись в воздух, а обезьянки так и брызнули в разные стороны, и их пушистые хвосты замелькали в просветах между стволами.

— Я понял! Понял! — кричал Тьянь-По.

— Тише, учитель По, — ядовитым тоном заметил Конан. — Столь шумное проявление чувств не подобает тому, кто близок к просветлению.

— Заткнись, глупый варвар! Заткнись и слушай! — ликовал Тьянь-По. — Если тебе ведома радость научных открытий...

— Скажем так — мне ведома радость открытий, — сказала Конан. — Насколько они науч-

ны — тут еще можно поспорить. Например, научное открытие надежно запертой двери в доме какого-нибудь подозрительного богатея так веселит мое сердце, что я...

— Смотри! — не слушая, перебил кхитаец. — Тут все рассказано. Хлависа — так ее зовут? Удивительная история! Я расскажу тебе. Садись удобнее.

— Неужели тут так много всего понаписано? — удивился Конан. — Сколько смысла можно вместить в несколько странных закорючек!

— Таково свойство письменности. Она сворачивает время и пространство, делает жизнь компактной, так что результаты многолетних размышлений мудреца можно уместить на крошечном клочке бумаги и унести с собой в изгнание, — назидательно молвил Тьянь-По.

Но на варвара эти слова не произвели должного впечатления. Он только рукой махнул.

— Да брось ты, Тьянь-По! Я знавал немало людей, чью философию без всякой письменности можно уместить в два-три слова. Например: «грабь», или «обманывай», или «все люди — мерзавцы».

— Я говорю о великой философии, о глубоких и мудрых мыслях, о богатом жизненном опыте, — возразил Тьянь-По.

В синих глазах Конана сверкнули искры.

— Лучше не спорь, кхитаец. У тех ребят тоже богатый жизненный опыт.

— Ты будешь слушать? — рассердился вдруг Тьянь-По.

Конан кивнул молча, чтобы не развязывать нового спора.

И кхитаец начал.

— Хлависа — странное дитя. Она родилась от союза драконицы и смертного человека, вендийского купца, который нашел на берегу моря жемчужину... Точнее, эту жемчужину нашел пловец, искатель жемчуга, а купец заплатил за нее очень большие деньги. Жемчужина была исключительно большой, размером с кулак взрослого человека...

Конан украдкой посмотрел на свой кулак и вздохнул, прикинув, сколько может стоить жемчужина такого размера.

— Она была овальной и по форме напоминала яйцо.

— Позволь, я догадаюсь, — вставил варвар. — Она и оказалась яйцом.

— Да. Оттуда появилась драконица, удивительной красоты золотая змейка с изумрудными глазами. Она выросла в доме купца как родная дочь.

— Как такое возможно? — удивился Конан. — Впервые слышу, чтобы змею растили как родную дочь.

— Она была разумна и обладала речью, — сказал кхитаец. — У купца был также сын. Да, да, ты правильно догадался. В один прекрасный день это случилось. Юноша не устоял перед чарами драконицы.

— Вот объясни, каким образом возникает подобная страсть? — не выдержал Конан. — Ты

ученый человек, владелец множества чужих жизненных опытов, записанных на бумагу. Что ты можешь сказать мне об этом?

— Драконы обладают особой магией. Они умеют так воздействовать на человека, что в нем вспыхивает неудержимое желание. Драконы — собственники. Они любят владеть вещами и человеческими душами. Поэтому юная драконица не упустила молодого купца и завлекла его к себе. Вскоре она родила дочь — такую же очаровательную золотую змейку. Но у змейки имелась одна особенность: после десяти лет она начала превращаться в девочку. Поначалу человеческим ребенком маленькая драконица оставалась всего несколько дней, а большую часть времени проводила в обличии дракона. Но затем этот срок начал удлиняться и с наступлением полной половой зрелости драконица превратилась в человека. Лишь на несколько дней, которые совпадают с новолунием, она обретает обличие дракона.

— А где же мать-драконица?

— Живет со своим супругом. Ради нее он накопил несметные сокровища. Их дом — в Вендии, только не там, где ты был, а в другом городе. Здесь не указано, в каком именно. Хлависа в обличии дракона летает навещать родителей.

— Ну надо же! А что ей нужно было от меня? — спросил Конан.

— Тебе видней, чего она хотела, — хитро прищурился Тянь-По: — Ты помнишь, как вы познакомились?

Конан кивнул. Он вдруг понял, что кхитаец

Конан кивнул молча, чтобы не развязывать нового спора.

И кхитаец начал.

— Хлависа — странное дитя. Она родилась от союза драконицы и смертного человека, вендийского купца, который нашел на берегу моря жемчужину... Точнее, эту жемчужину нашел пловец, искатель жемчуга, а купец заплатил за нее очень большие деньги. Жемчужина была исключительно большой, размером с кулак взрослого человека...

Конан украдкой посмотрел на свой кулак и вздохнул, прикинув, сколько может стоять жемчужина такого размера.

— Она была овальной и по форме напоминала яйцо.

— Позволь, я догадаюсь, — вставил варвар. — Она и оказалась яйцом.

— Да. Оттуда появилась драконица, удивительной красоты золотая змейка с изумрудными глазами. Она выросла в доме купца как родная дочь.

— Как такое возможно? — удивился Конан. — Впервые слышу, чтобы змею растили как родную дочь.

— Она была разумна и обладала речью, — сказал кхитаец. — У купца был также сын. Да, да, ты правильно догадался. В один прекрасный день это случилось. Юноша не устоял перед чарами драконицы.

— Вот объясни, каким образом возникает подобная страсть? — не выдержал Конан. — Ты

ученый человек, владелец множества чужих жизненных опытов, записанных на бумагу. Что ты можешь сказать мне об этом?

— Драконы обладают особой магией. Они умеют так воздействовать на человека, что в нем вспыхивает неудержимое желание. Драконы — собственники. Они любят владеть вещами и человеческими душами. Поэтому юная драконица не упустила молодого купца и завлекла его к себе. Вскоре она родила дочь — такую же очаровательную золотую змейку. Но у змейки имелась одна особенность: после десяти лет она начала превращаться в девочку. Поначалу человеческим ребенком маленькая драконица оставалась всего несколько дней, а большую часть времени проводила в облики дракона. Но затем этот срок начал удлиняться и с наступлением полной половой зрелости драконица превратилась в человека. Лишь на несколько дней, которые совпадают с новолунием, она обретает обличие дракона.

— А где же мать-драконица?

— Живет со своим супругом. Ради нее он накопил несметные сокровища. Их дом — в Вендии, только не там, где ты был, а в другом городе. Здесь не указано, в каком именно. Хлависа в облике дракона летает навещать родителей.

— Ну надо же! А что ей нужно было от меня? — спросил Конан.

— Тебе видней, чего она хотела, — хитро прищурился Тянь-По. — Ты помнишь, как вы познакомились?

Конан кивнул. Он вдруг понял, что кхитаец

совершенно прав. Его повлекло к этой женщине с первого же мгновения, как только он ее увидел. Она захотела его, захотела обладать им... Как всякий дракон, она ненавидела препятствия. Она не знала слова «невозможно». Изумрудные глаза, в которых утонул варвар, так и стояли теперь перед его внутренним взором.

— Она хотела меня, да, — проговорил он. — И я хотел ее. Но я даже не помню, случилось ли между нами то, к чему мы оба так стремились. Я провалился в небытие.

— Хлависа неправильно рассчитала время. Ее превращение случилось чуть раньше срока. Она едва успела добежать до своего укрытия, я думаю. Слуги знали, что в доме посторонний, поэтому запечатали дверь магической печатью. Но ты забрался в подземелье и выпустил дракона. Один из слуг поплатился за это жизнью.

— Да, не повезло бедняге, — сказал Конан, без особого, впрочем, раскаяния. Валяющийся в ногах перепуганный вендиец не вызывал у него сочувствия.

— Что теперь? — спросил кхитаец, возвращая Конану ларец.

— Ты разобрался, что это такое?

— Да. Здесь хранится волшебная вещь, которая позволит превратить Хлавису в человека — уже навсегда. Эта вещь очень драгоценна и в то же время исключительно опасна. Девушка, возможно, хотела стать человеком. Не исключено, что она устала от своей двойственной природы.

— А ты как думаешь?

— Не знаю, Конан. Если бы у меня была двойная природа, я не стал бы от нее отказываться. Всегда хорошо быть еще кем-то.

— Например, лягушкой, — сказал Конан, бросая в воду палочку и пугая лягушку, которая возмущенно квакнула и сгнула в черной глубине вод.

— При чем тут лягушка? Разве ты не понял? Она может превращаться в дракона. Это древнее, прекрасное, могущественное существо. Я могу только предполагать, что испытывает дракон во время полета...

— А если ей охота быть обыкновенной женщиной? Чтобы ее любили и все такое — ну, о чем обычно мечтают порядочные женщины?

— Скажи, Конан, откуда тебе известны мечты порядочных женщин?

Конан обиделся.

— По-твоему, со мной только шлюхи путаются? Я несколько раз спасал от смерти и рабства вполне добропорядочных девушек, и впоследствии они находили себе таких же добропорядочных мужей... И теперь у них, наверное, уже родились добропорядочные дети...

— В любом случае, выбирать не нам с тобой, а Хлависе, — подытожил Тянь-По. — Осталось малое: понять, что хранится в этом ларце и как он открывается.

— Словом, мы на том самом месте, откуда начали, — мрачно проговорил Конан. — Я так и думал.

— Что ты думал? Что от меня не будет поль-

зы? — Тьянь-По сердито шурился и тянул себя за ус. — Так и говори! Между прочим, я прочитал надпись, и теперь мы с тобой знаем, кто эта белокурая незнакомка, которая путешествует одна и знакомится с варварами в придорожных тавернах. — Внезапно кхитаец сменил тему: — Где ты остановился?

— Пока нигде. Пришел в Лакшми и сразу к тебе.

— Поживи пока в монастыре, — предложил Тьянь-По. — Я представляю тебя ученикам. Расскажешь им притчи. У тебя хорошо получается. А я пока подумую, как нам вскрыть тайник.

* * *

Несколько дней приятели почти не виделись. Тьянь-По действительно познакомил Конана со своими учениками — их было человек двадцать, почти все молодые, за исключением двух мужчин в возрасте и одного старика.

Все они жаждали просветления и добросовестно старались выполнять все указания своего учителя. Поэтому когда кхитаец, спрятав под тяжелыми веками смешливые искорки в узких глазах, велел им беспрекословно слушаться Конана-киммерийца, великого учителя, те лишь послушно поклонились.

Великий учитель из Киммерии построил будущих каллиграфов в шеренгу и прошелся перед строем взад-вперед. Он раздумывал. Ученики «ели» его глазами, готовые бежать и выполнять

упражнения или садиться на землю и замирать в медитации.

Конан откашлялся.

— Каллиграфия имеет тесную связь с жизнью, — произнес он, стараясь сохранять кислое выражение лица, которое, по мнению киммерийца, должно быть свойственно великому учителю. — Мы рисуем не просто разные закорючки, которые на трезвую голову и не разберешь. Нет, мы создаем целые миры. Долгую жизнь и великую мудрость какого-нибудь философа можно вместить в несколько значков, и только посвященный разберет, что за чушь тут понаписана. Поэтому... — Конан помолчал немного. Что бы еще такого сказать? И что «поэтому»? Он снова откашлялся. — Итак, притча. Жил один воин, который не владел искусством каллиграфии. Однажды ему встретился могучий, злобный... э... другой воин. Но поскольку наш воин хорошо владел мечом, то он превратил второго воина в мертвеца. Он сделал это мечом. Всем понятно?

— Учитель, — робко подал голос один из учеников, молодой, бритоголовый, смуглый человек с выпирающими скулами и торчащими ключицами. На нем была только набедренная повязка.

— Я слушаю тебя, — Конан подбоченился.

— Учитель, но какое отношение эта притча имеет к каллиграфии?

— К каллиграфии? — Конан подумал немного и вдруг его осенило. — А вот какое! Своим мечом он нарисовал на теле убитого иероглиф «мертвый дурак».

— А как пишется этот иероглиф? — снова спросил любознательный ученик.

— По-разному, — многозначительно ответил Конан. — А теперь пусть кто-нибудь из вас расскажет притчу, и все мы попробуем истолковать ее.

После того, как притчи закончились — а произошло это гораздо раньше, чем надеялся Конан, — все снова искательно воззрились на него.

Тогда Конан сказал:

— Ладно. Поучимся писать иероглифы собственной судьбы. Найдите себе длинные ровные палки. Я покажу, как фехтовать посохами.

По возвращении Тьянь-По с ужасом увидел, как его ученики лихо лупят друг друга палками, а киммериец расхаживает по краю тренировочной поляны и дает указания, не стесняясь при этом в выражениях.

Кхитаец громко хлопнул в ладоши. Состязание остановилось.

— Кому понравилось? — спросил Конан.

Понравилось всем, даже старику.

Тьянь-По поклонился Конану. Конан в ответ вежливо поклонился Тьянь-По. Ученики благоговейно созерцали этот обмен любезностями.

Потом Тьянь-По велел всем отдыхать, а сам остался с Конаном наедине.

— Я переписал для тебя иероглифы и их истолкование. Возьми. — Он протянул киммерийцу листок. — Но что касается сундучка... По-моему, стоит обратиться за советом к опытному взломщику.

— Я, по-твоему, недостаточно опытен?

— По-моему, недостаточно, раз ты до сих пор не сообразил, как эта вещь открывается.

— Взломщики, в отличие от каллиграфов, — неприятные люди. Они непременно захотят себе долю, а под конец попытаются тебя надуть и захватить все.

— Конан, я не знаю, как открывается драконий сундук. Понимаешь? И ты не знаешь. Нужен взломщик.

— Завтра же найму глашатая. Пусть кричит по улицам Лакшми: «Конану-варвару, великому учителю из Киммерии, знатоку притч о каллиграфии, требуется квалифицированный взломщик!» Как ты думаешь, поможет?

— Валом повалят.

Конан дружески толкнул Тьянь-По кулаком в бок, от чего кхитаец покачнулся, и отправился восвояси. Маленький кхитаец проводил его глазами и весело покачал головой. Он до смешного напоминал сейчас фарфоровую статуэтку и, конечно, знал об этом.

* * *

Лакшми остался позади. Конан шел на запад. Он миновал несколько селений и оказался в Фарасе — безобразном свиду городке, что раскинул глинобитные плоские хижины в небольшой долине, образованной рекой Запорожкой недалеко от впадения ее в море Вилайет. К югу высились горы — здесь они казались размазанными по мут-

ному небу. Запорожка, в нижнем течении довольно широкая, сейчас обмелела, и жирная рыжая глина дна бесстыдно выставила себя на обозрение. Фарас очень не нравился Конану, но остановиться было необходимо: припасы заканчивались, и варвар чувствовал себя уставшим. Кроме того, он намеревался купить себе лошадь, а Фарас известен летними лошадиными ярмарками.

Киммериец успел только справиться о времени ближайшей ярмарки, когда на него обрушилась новость: сегодня на главной площади Фараса (по правде сказать — небольшой грязной площадке, окруженной непривлекательными торговыми рядами) будут вешать женщину.

Конокрадов в этих краях, конечно, хоть отбавляй. Кого-то ловили на краже и били тут же, не сходя с места. Кого-то отправляли в большие города под конвоем, где совершалось отсечение руки в торжественной обстановке. Иногда незадачливого вора попросту побивали камнями. Но чтобы в Фарасе публично вешали женщину! Такого не припомнят здешние старожилы.

Конан насторожился. Он знал только одну женщину, которая умела довести оппонентов до подобного желания. И звали эту женщину Зонара. Свой жизненный путь она начинала как акробатка, но довольно быстро сменила специальность и воспользовалась цирковыми навыками для того, чтобы проникать в чужие окна и выносить из чужих домов все более-менее ценное.

У нее был довольно дерзкий нрав. Уж кто-кто, а Зонара умела вывести из себя. И если ка-

кая-нибудь другая воровка, попавшись «на горячем», ухитрялась выпутаться из беды, предложив кому нужно свои ласки, то Зонара сочилась таким разъедающим ядом, что стражники торопились избавиться от нее, а палачи плевались и не знали куда деваться.

Поэтому Конан отправился посмотреть на казнь.

Народу собралось тьма-тьмушая — по меркам Фараса, конечно. Киммерийца всегда удивляло: как много женщин приходит полюбоваться на страдания и смерть. Эти нежные существа, добропорядочные домохозяйки, превращались в настоящих фурий, когда речь заходила о проступках женщин другого сорта — проституток, воровок, наемниц. Их ненависть поистине устрашала. И Конан не раз говорил себе, что в тысячу раз лучше жить с какой-нибудь подругой-наемницей, которая свой меч ценит куда больше, нежели своего любовника, чем с «приличной дамой», которая забрасывает гнилыми яблоками какую-нибудь несчастную шлюху, стянувшую чужой кошелек.

— Дураки! Вы думаете, что убьете меня? Кишка тонка! Убери лапы, ты, геморрой с усами! — донеслось из крытого возка, который притащили на площадь два сонных толстых мула.

Конан улыбнулся. Он узнал этот голос. Зонара!

Двое стражников, красных от натуги, вытащили ее из возка. Она упиралась и билась ногами.

— Отпусти! Дурак! — кричала женщина. — На

кого ты поднял руку? Я родственница короля Аквилонии!

— Аквилония далеко, — пыхтел стражник.

— Тебе не поздоровится! — обещала Зонара и, изловчившись, плюнула ему в глаз.

— Ах ты, сучка! — стражник обтер лицо и занес кулак, чтобы ударить пленницу.

Конан еще раз огляделся по сторонам. Две хороших лошади под седлом стояли неподалеку от того места, где лягалась и бранилась Зонара. Они принадлежали, судя по всему, начальнику городской стражи и кому-то из магистратов — возможно, судье. Больно уж хороши лошадки. Здешнюю публику киммериец просто не принимал в расчет. Если удастся добраться до коней, то зрителей можно будет просто смести с дороги.

Конан потихоньку начал пробираться к коням. Он переместился на край площади, где народу было поменьше, и двинулся к возку. Зонара продолжала скандалить. Теперь возле нее копошилось уже пятеро стражников. И лишь один оставался помосте, рядом с палачом, который, несмотря на маску с прорезями для глаз, скрывавшую лицо, имел довольно глупый вид. Свалка возле возка имела тенденцию к расширению, насколько мог оценить Конан.

Вот один из стражников случайно попал по уху зрителю, а тот попытался ответить на несправедливый удар и задел соседа. Конан подлил масла в огонь, нанеся несколько ударов налево и направо. На киммерийца напало разом трое. Взвыв страшным голосом, варвар разметал про-

тивников и сделал большой прыжок. До коней теперь рукой подать.

Зонара орала и визжала, не переставая. Ее нежный ротик поливал окружающих мужчин страшной бранью, связанные руки дергались, голова бодала, колени норовили заехать в пах противникам.

— Утихомирьте эту девку! — звучно приказал хорошо одетый мужчина в черном. Надо полагать, судья.

Но выполнить этот приказ оказалось куда труднее, чем отдать его.

Конан продолжал сеять беспорядки. Драка покатила по площади, как огонь, запаливший край свитка. Истерично вскрикивали женщины. В ход пошли когти и припасенные для Зонары гнилые фрукты.

Одним могучим ударом ноги Конан опрокинул возок и вскочил сверху, прямо на дерущихся людей. Свалка к тому времени уже стала всеобщей. Над головами взлетали кулаки и палки, кого-то тянули за волосы. Несколько человек упало, и их топтали.

— Зонара! — гаркнул киммериец.

Он нашел связанные руки и потянул. Вереща от боли, Зонара выбралась из кучи тел. Один стражник пытался удержать ее, но Конан «приглубил» его кулаком, и человек обмяк, закатив глаза.

Волоча за собой девушку, Конан бросился к лошадям. Он бесцеремонно забросил Зонару в седло одного коня, сам вскочил на другого. Ло-

шади заржали, поднялись на дыбы. Зонара едва не упала — ее руки по-прежнему оставались связанными за спиной.

Конан ударил коня пятками.

— Вперед! — закричал он.

Сметая на своем пути людей, крепкие лошади помчались. Конан быстро свернул в первую же улицу, уводящую с площади. Прошло несколько минут, прежде чем горожане поняли, что произошло, и пустились в погоню. Кое-кто был верхом. Копыта стучали в переулках, доносились отовсюду — эхо гуляло среди стен и сбивало с толку.

Конан и Зонара оторвались от преследователей достаточно, чтобы скрыться за углом. Там они спешили, отпустив коней на волю. Конан наконец перерезал веревки и освободил свою приятельницу. Ни слова не говоря, она потащила его за собой. Конан вполне доверял ее чутью. Он не сомневался в том, что она провела в Фарасе всего несколько дней, но успела изучить в этом городишке все входы и выходы.

Они миновали несколько улиц, а затем нырнули в какой-то подвал и скрылись из виду.

— Где мы? — спросил Конан.

— Тише. У друзей.

Конан только головой покачал. У каких друзей? Откуда в таком городишке, как Фарас, могут оказаться друзья у Зонары?

— Я заплатила им, — объяснила девушка. — Точнее, пообещала плату.

— Ты ведь попалась.

— Верно.

— Значит, и денег у тебя нет.

— Зато они есть у тебя! — отрезала Зонара. — Они обещали укрыть меня, пока все не уляжется, а потом вывести из города.

— Местные жулики? — уточнил Конан.

— Именно. Давай деньги.

— Возможно, у меня их нет.

— О боги, только не это! — Зонара схватила себя за волосы в отчаянии. — Конан, они ведь собирались меня повесить!

— Наверное, было за что.

— Нет, клянусь тебе. Ко мне несправедливы.

— Что ты пыталась украсть, Зонара?

— В Фарасе есть богатый лошадиник. А у него есть жена. А у жены есть изумрудное ожерелье.

— И еще у жены есть бдительный охранник, не так ли?

— Так, — кисло улыбнулась Зонара. — Клянусь тебе, я была близка к цели. Но теперь нам нужно выбираться отсюда. Я вернусь за ожерельем чуть позже.

— Если мы выберемся отсюда, об ожерелье можешь забыть, — твердо сказал Конан. — Так и быть, я заплачу твоим друзьям.

* * *

«Друзья» Зонары, два хмурых типа, заросшие бородой до самых глаз, переодели и загримировали беглецов, причем Зонара превратилась в дряхлого белобородого старичка, а Конан — в

чернокожего телохранителя. Две золотых монетки с изображением дракона удивили фарасских жуликов. Они попробовали деньги на зуб, повертели в пальцах, даже погрели на огне. Но золото оставалось золотом.

— Странные знаки на них, — сказал один. — Где ты нашел эти монеты?

— В одном хорошем месте. Тебе не нравится желтый цвет? — спросил Конан. — В таком случае, я могу дать тебе беленькие. Точнее, серенькие. А то и красненькие. Как насчет медяков?

— Нет, желтый цвет мне по душе, — отозвался жулик. — Дракон... Чья это монета, хотел бы я знать?

— Дракона, — сказал Конан. — Благодарю тебя за помощь. Ты спас жизнь этой женщине, а ей, скажу тебе честно, — тут киммериец низко наклонился над ухом своего собеседника и прошептал, обжигая того дыханием: — ей же цены нет!

И блеснул зубами, которые выглядели особенно жутко на черном лице.

Конан с Зонарой покинули городок пешком, целые и невредимые. Еще одна золотая монета осталась у стражников на воротах. Ученый белобородый старец что-то шамкал о каллиграфии и о необходимости отправиться в Хоарезм, на другой берег моря Вилайет, где ныне обитает светило каллиграфии... Чернокожий гигант-охранник свирепо вращал глазами и озирался по сторонам, выискивая возможную опасность.

Станным могло показаться только то, что расплачивался со стражниками именно охран-

ник, а не его ученый господин. Но фарасские стражники были не настолько сообразительны, чтобы заподозрить в этом обстоятельстве нечто неладное.

* * *

Вечер под звездами наедине с Зонарой оказался далеко не таким прекрасным, как можно было бы предположить. Оба беглеца были голодны. Конан смастерил ловушку из веревки и поймал утку. Когда приятели насытились, луна давно прошла небесный зенит и медленно сползала к западному горизонту. Звезды безраздельно царили в черноте небес. Горы растворялись в ночной тьме. Маленький грязный городок остался позади. Кругом расстилалась широкая долина. Под ветром шуршала трава, насекомые неумолчно пели, и где-то далеко страдающим голосом кричала ночная птица.

Зонара вытянулась на земле и вдруг горько заплакала.

— Боги, как я устала! — всхлипывала она. — Кругом только слюнявые пасти, загребушие лапы, только злые глаза! А эти женщины!

— Ты тоже думала о них? — спросил Конан.

Зонара приподнялась на локте.

— Да, а что?

— Они отвратительны, — серьезно произнес варвар. — Ни одна из них мизинца твоего не стоит. Поверь.

— Ох, ты это просто так говоришь, чтобы я не

расстраивалась! — Она снова разразилась слезами. — Я ужасна! Жизнь прошла! Я уже старая! Скоро я не смогу воровать, скоро я попадусь, и со мной расправятся!

— Может быть, — невозмутимо произнес Конан, — а может быть, и нет.

— Но ты оказался рядом по чистой случайности.

— На самом деле, это была не случайность. Я искал тебя. Точнее, мне требовался взломщик.

— Только не это! — простонала Зонара. — Я не могу работать. У меня все кости болят. Знаешь, как они меня отделали?

— Им тоже от тебя досталось, — напомнил Конан. — Кроме того, я не хочу, чтобы ты работала. Тебе не придется лазать по стенам, обшаривать чужие комнаты, попадаться в ловушки и бежать с виселицы. Мне нужен совет.

— Очень интересно. И что мне будет за то, что я дам тебе полезный совет?

— Много-много денег. Сможешь купить себе дом и начать разводить яблони.

— Хорошо. Вот тебе совет: оставь меня в покое. — И Зонара демонстративно потянула носом. — Ты даже поплакать мне не даешь вволю.

— Да плачь себе на здоровье. Все равно твой совет ни гроша не стоит.

— Ладно. — Зонара сверкнула в темноте глазами. — Тогда я буду спать.

Она действительно заснула почти сразу после этих слов. А Конан смотрел на нее, спящую, еще некоторое время. Серебристый звездный свет

смягчал ее резкие черты, скрывал выражение ожесточенности, таившееся в складке возле рта. Во сне Зонара выглядела просто красивой женщиной, которая устала, ужасно устала сражаться одна против целого мира.

Утром все переменилось. От слабости Зонары не осталось и следа. Теперь это снова была прежняя акробатка с колючим нравом и гибким телом. И она, как и прежде, не ждала ничего доброго ни от мира, ни от людей.

Они позавтракали остатками вчерашней утки. Правда, остатков этих оказалось немного. Зонара жевала, с отрешенным видом разглядывая горы, высившиеся на горизонте.

— Куда ты направляешься? — спросила она наконец у своего спутника.

— У меня дела в Вендии, — немного уклончиво ответил Конан.

Девушка метнула в его сторону насмешливый взгляд.

— Странно. Мне показалось, что ты шел в противоположном направлении.

— Это тебе только показалось.

Зонара пожала плечами.

— Не хочешь говорить — не говори. Мне-то что.

Противоречая собственным словам, она протянула руку и коснулась колена Конана. Он покоился на эту руку, а затем, как бы невзначай, обнял девушку за талию.

— Ну и ну! — сказала Зонара. — Кажется, меня обнимает какой-то нахал.

Конан оглянулся.

— Где он? Что-то я не вижу его, Зонара.

С этими словами он повернул ее лицо к себе и поцеловал.

— А теперь он целуется! — воскликнула она, отрываясь от его губ.

— Не может быть!

И они повалились в траву, хохоча и тиская друг друга.

Прошло довольно много времени, прежде чем Конан выпустил Зонару из объятий. Она лежала, раскинув руки и с улыбкой глядя в небо.

— Как хорошо чувствовать себя живой! — проговорила она.

Конан вдруг засмеялся.

— Я почти уверен, что в давке, которую устроили добрые жители Фараса, пострадало несколько человек. И не исключено, что кое-кто из тех, кто пришел поглазеть на твою казнь, сейчас при смерти. Им здорово намяли бока. Я сам видел, как несколько зевак упали, а прочие и не подумали помочь им подняться.

— Так им и надо, — сказала Зонара мстительно. — Ненавижу обывателей. Стоит стащить у них медяк, и сразу воплей на всю Хайборию: «Ах, куда смотрят стражники! Ах, позовите судью! Ах, давайте отрубим негодьям-ворам руки-ноги!» А сами чуть что — ведут себя хуже, чем наш брат.

— Ты совершенно права, — серьезно согласился Конан и опять поцеловал ее.

Зонара пробежала пальцами по нечесаной черной гриве варвара.

— Обожаю тебя, — объявила она.

Конан высвободился.

— Если ты меня действительно обожаешь, то помоги в одном дельце. Это доброе жульничество. Гляди.

Он забрался в свой мешок, чтобы вытащить оттуда ларец, и вдруг замер. В мешке ничего не было. Конан несколько раз перетряхнул его — ничего. Поискал в траве — нет. Сундучка, взятого в доме Хлависы, и след простыл.

Некоторое время варвар вертелся на месте, как собака, которая потеряла след и теперь в недоумении ищет его. Затем он поднял голову и вдруг встретился глазами со своей подругой. Выражение ее лица показалось Конану чрезвычайно подозрительным.

Но не могла же Зонара украсть сундучок! Во-первых, когда? Сперва она ела, потом спала, а после занималась с ним любовью. Во-вторых, куда бы она его спрятала? Вещица немаленькая, а Зонара почти раздета. Нет, этого не может быть.

И все же... Странно поблескивают ее глаза. И искры в них бегают дьявольские, а в углах рта дергается улыбка. Вот-вот рассмеется женщина, язвительно и победоносно. Все-таки она его ододела. Все-таки доказала, что и она, Зонара, не лыком шита, хоть и спас ее Конан-варвар, вырвал прямо из лап палача.

— Зонара, это подло! — не выдержал Конан.

— Сдаешься? — осведомилась она и уселась, опираясь на руки и выгибая спину. Конан посмотрел на ее острые груди, которые словно на-

целились уколоть утреннее небо, на пышную копну волос, растрепанных и пыльных, на сверкающие глаза в обрамлении густых ресниц. Для этой женщины все в жизни — игра. Даже смерть.

— Говори, где сундук! — заревел Конан, внезапно приходя в ярость. — Иначе я собственными руками сверну твою лилейную шейку!

— И никогда не найдешь свое сокровище! — хихикнула она.

Конан еще раз осмотрел ее с ног до головы. На этом теле негде спрятать сундук. Еще бы под плащом он мог уместиться — будь Зонара более толстой. Но на ней нет никакого плаща.

— Где он? — крикнул Конан и топнул ногой.

Зонара поерзала на земле, поддразнивая киммерийца.

— Ну, угадай, угадай!

Он молчал, медленно краснея. Зонара особым чутьем уловила: хватит, игры кончились. Сейчас варвар рассвирепеет настолько, что его уже будет не остановить. Может и убить в припадке злости. Потом, конечно, пожалеет — но то будет потом...

Подбородком она указала на кучу листьев, сваленную под кустом.

— Какой ты ненаблюдательный, Конан! После ужина я отлучалась по нужде — помнишь?

— Мне что, следить за собственной сообщницей, когда она отлучается по нужде? — рявкнул Конан. — Ты с ума сошла! Ты можешь не воровать?

— Не могу, — ответила она вполне искрен-

не. — Я прихватила с собой твою штучку и закопала ее в листьях. Я была уверена, что ты не обратишь на них внимания. Прости, Конан, — добавила она виновато. — Я просто хотела пошутить. Ты не сердишься?

— Сержусь, — буркнул он.

Но он не сердился. Зонара извивалась перед ним и так, и эдак, делала умильные рожицы, кривлялась, а потом опять полезла целоваться.

— Ну, Конан... Ты мне нужен, — шептала она жарко. — Мне так нужен такой мужчина, как ты...

— Погоди. — Он стряхнул с себя ее жадные руки. — Да подожди ты! Вот косуля.

— Почему это я косуля? — она надула губы.

— Не знаю. Принеси-ка сюда этот сундук. В нем все дело.

— А откуда у тебя эта штука?

— Тащи сюда! — закричал Конан. — Что за обыкновение — все время тянуть время и болтать? Я тебе все покажу и расскажу.

— Надеюсь, тыохранишь в нем сокровище.

— Десять изумрудных ожерелий. Давай.

Зонара отправилась к куче листьев и действительно вскоре вернулась с сундучком Хлависы. Поставила его на землю и уселась рядом, скрестив ноги.

— Рассказывай, — потребовала она.

— Я познакомился с одной женщиной, — начал Конан.

Зонара фыркнула.

— Обычное начало всех твоих историй. И когда ты только образумишься?

— Когда женюсь на тебе. Итак, я познакомилась с женщиной. Ее история записана здесь, на ларце. Она наполовину дракон, если тебе это интересно.

— Еще как интересно! Ты спал с драконом? Новый опыт, не так ли? А у нее нет ли, часом, брата?

— Заткнись. В этом сундуке она хранит нечто очень важное. Нечто, что поможет ей навсегда обрести человеческий облик.

— А при чем тут я, дорогой Конан? Мне абсолютно все равно, в каком облике летает и ползает твоя очередная подруга.

Конану вдруг показалось, что Зонара ревнует. Странно, если учесть количество ее походов с различными мужчинами. Но женщины — в этом варвар был твердо убежден — вообще народ непредсказуемый.

— Просто покажи мне, как открывается этот сундук, — попросил Конан, стараясь взять себя в руки и не наорать на Зонару в очередной раз.

— Ну ладно, ладно. — Тонкие чувствительные пальцы пробежали по краю крышки в поисках скрытого механизма. Несколько минут Зонара сосредоточенно исследовала таинственный сундучок, а затем опустила руки.

— Что там? — нетерпеливо спросил Конан. — Ты поняла, в чем тут секрет?

— Не мешай. Я думаю.

Она действительно размышляла. То и дело ее рука принималась оглаживать выпуклую стенку сундучка, ощупывать иероглифы на кхитайской

печатке. Затем вдруг она распахнула глаза и уставилась на Конана.

— Мне кажется, я понимаю, в чем тут дело... Конан, мы с тобой искали не там. У этого сундучка вообще нет крышки. Я слыхала о подобных обманках. С виду — ларец, хорошо закрытый, запечатанный, запаянный, околдованный... Понимай, как хочешь. А на самом деле просто цельнолитой кусок металла.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала. Это не ларец. На самом деле это некое произведение искусства, которое не открывается.

Произнеся эти слова, Зонара откровенно наслаждалась произведенным эффектом. Конан сидел напротив нее, таращился на сундучок — который, по словам сообщницы, сундучком вовсе не являлся, — и имел совершенно растерянный вид.

— Но зачем же тогда она его прятала? — выговорил он наконец.

— Кто? Та женщина, с которой ты познакомился в Вендии? Белокурая красавица-дракон?

— Да. Она хранила его так, словно он содержит в себе нечто исключительно драгоценное. Поверь, Зонара, когда я говорю «исключительно», я имею в виду вещь, которую невозможно переоценить. Ты бы видела, какие там у нее груды камней, жемчугов и золота повсюду!

— Просто лежат, кучами? — недоверчиво переспросила Зонара.

— Ты мне не веришь! погоди, я тебе еще их покажу.

— Знаешь, Конан, мне почему-то боязно.

— Испугалась дракона?

— Нет. Боюсь, как бы мне не умереть от разрыва сердца при виде всех этих чудес и красот.

— Все-таки ты мне не веришь. Очень глупо, Зонара. Потому что у нее там настоящая сокровищница. И вот этот сундучок она прятала. А все остальное — нет.

— Кто поймет логику дракона! Подумай, киммериец. Люди — и те не всегда понимают друг друга, а тут — настоящая рептилия. У нее голова устроена совершенно по-другому. И видит она все не так, как мы.

— Может быть, дело в надписи, — рассуждал Конан.

— Зачем ради какой-то надписи создавать целый сундук! Ты меня смешишь, киммериец. Ха, ха, ха! — деланно рассмеялась Зонара. Затем она снова взяла в руки сундучок, перевернула его и... быстро отвинтила одну из ножек.

Ножка оказалась полой. Зонара просунула туда тонкие пальцы и вытащила нечто, завернутое в тонкую золотую бумагу, пропитанную воском.

— А вот и наш тайник! — торжествующе воскликнула она.

Конан вскочил.

— Ты все это время знала! Ты морочила мне голову разными глупостями про рептилий, чтобы помучить меня!

— Ну, не то чтобы я была так уверена, — протянула Зонара лениво. Теперь ее торжество было полным. — Но подозревала. Мне рассказывали,

что эти обманки всегда не то, чем кажутся. Выглядят как ларец, а на самом деле — не ларец. Или эта ножка. Выглядит как ножка, а на самом деле — вместилище секретика.

— Или некоторые женщины, — сказал Конан. — Выглядят как женщины, а на самом деле — ядовитый тарантул.

— Ты преувеличиваешь, — зевнула Зонара и провела языком по губам.

— Да, тарантулы менее опасны.

Зонара бросила сверточек Конану.

— Разверни, дружок. Посмотрим, что она так тщательно запрятала, твоя дракониха. Стоит ли эта вещь таких ухищрений.

Конан осторожно снял бумагу, и на ладонь ему легла небольшая уздечка, сплетенная из женских волос.

— Ну и ну! — Зонара опять улеглась на землю, заложила руки за голову. — Она прятала простую уздечку.

— Тянь-По говорит, что в ларце должно храниться средство превратить дракониху в женщину — навсегда.

— Тянь-По?

— Бедный кхитайский каллиграф, — пояснил Конан. — Это он сам себя так называет. На самом деле — продувная бестия, но умник, каких мало. Чертит палочкой по рисовой бумаге разные загогулины, а потом учит целую свору бездельников разбираться в этих значках. И получает за это почет, уважение и кучу денег.

— Да, странный малый, — согласилась Зона-

ра. — Ну так что ты надумал? Поедешь обратно в Вендию и попытаешься осчастливить красотку?

— Это уж как она захочет, — отозвался Конан и вдруг замер. Он что-то разглядел впереди. Сколько Зонара ни шурилась, она ничего не видела, но звериное чутье и острое зрение помогло варвару заметить чужаков прежде, чем те обнаружили его.

— Погоня? — спросила Зонара нервно.

— Нет, погоди. Для погони слишком мало пыли. Едет кто-то один. Спокойно едет, не спеша.

— Одинокий путник? — Зонара хищно раздула ноздри.

— Мы никого сейчас не будем грабить, — строго велел Конан. — Просто подождем, пока он подъедет поближе, и поговорим. Узнаем новости, понимаешь? Одинокие путники иногда бывают полезны.

— А иногда — опасны, — подхватила Зонара. — Особенно если это маги или, скажем, киммерийцы в поисках заработка.

* * *

Вскоре таинственный всадник был уже довольно близко и можно было рассмотреть красивую белую лошадь, покрытую красной шелковой попоной с золотыми кистями. На лошади в высоком седле сидела женщина, закутанная в синее покрывало. По посадке головы Конан почти сразу признал Хлавису. Ему не было нужды спрашивать, как ей удалось так быстро оказаться здесь.

Если девушка умеет превращаться в дракона, она могла долететь за несколько часов. Видимо, ее привлек запах волосяной уздечки.

Зонара догадалась обо всем почти так же быстро. Метнув на Конана ревнивый взгляд, женщина спросила:

— Это она?

Конан молча кивнул.

Хлависа поравнялась с двумя приятелями и остановила коня. Некоторое время она смотрела на них молча с высоты своего седла. Затем Конан встал и протянул к ней руку.

— Здравствуй, Хлависа, — произнес он как ни в чем не бывало. — Помочь тебе сойти?

— Сними меня, — попросила она спокойно. — Мне трудно в этом платье. Я путаюсь и боюсь упасть.

Конан подхватил ее за талию и осторожно поднял на руки. На мгновение Хлависа обняла его за шею и обожгла щеку пламенным дыханием. Затем Конан поставил ее на землю.

— Это моя подруга Зонара, — представил он девушку.

Гибким изящным движением акробатка вскочила на ноги, медленно изогнулась и коснулась затылком земли, а после так же медленно выпрямилась.

— Рада видеть тебя, Хлависа, — произнесла она с очаровательной улыбкой.

Хлависа чуть опустила покрывало, открывая лицо. Они с Зонарой были совершенно разными, но обе чрезвычайно хороши собой. К счастью, Ко-

нану не нужно было выбирать между ними. Он мог владеть обеими, и обе были не против.

— Я знаю, что ты забрал уздечку, — сказала Хлависа, обращаясь к Конану.

— Прости. Мною двигало любопытство. Я с удовольствием верну ее тебе.

— Не нужно. — Хлависа остановила его движением руки. — Это соответствовало моему намерению. Я знала, что ты справишься. Я только ошиблась в расчетах. То ли луна стала прибавлять себе округлостей быстрее, то ли в моем жизненном цикле что-то переменилось, но я превратилась раньше, чем рассчитывала.

— А на что ты рассчитывала? — полюбопытствовал Конан.

— На то, что ты мне поможешь. Видишь ли, Конан, женщины бывают очень раздражительны.

— Да уж! — с сердцем молвил киммериец.

— Но я — это исключение из правил. Я не просто раздражительна — я зверь!

— Я видел тебя. Ты проглотила бедного слугу, словно конфету.

— Мне так жаль! — глаза Хлависы наполнились слезами. — Он был преданным человеком. Он знал, что ему угрожает опасность, и все же согласился постеречь мой покой. Все бы обошлось, если бы я успела рассказать тебе о своих превращениях.

— Я должен был что-то сделать для тебя?

— Набросить эту уздечку на морду дракона. Больше ничего не требуется. Это обуздает зверя во мне навсегда.

— Но ведь это опасное дело, не так ли? — промурлыкала Зонара. — Приближаться к разъяренному дракону и надевать на него уздечку?

— Верно, — Хлависа обернулась к акробатке и кивнула. — Поэтому я искала мужчину сильного, смелого и лишенного предрассудков.

— Кстати, о предрассудках, — еще более мягко продолжала Зонара, — он ведь мог убить тебя. У Конана нет предрассудков, поверь мне. Если женщина угрожает его жизни, он в состоянии убить и женщину.

— Это не вполне так, — слабенько возразил Конан, но Зонара его не слушала.

— Он, конечно, милый, но если его разозлить...

— Именно это ты сейчас и делаешь, Зонара! — не выдержал Конан. Затем он снова заговорил с Хлависой: — Мой друг, мудрец из Кхитая, говорит, что лишаться двойственной природы — значит, обеднять себя.

— Не исключено, что он прав. Но я хочу выйти замуж...

— Надеюсь, не за Конана? — снова вмешалась Зонара. — Потому что он никогда не женится.

— Женюсь, когда найду мою королеву, — сердито огрызнулся Конан.

— Ладно, ладно. Ты же у нас король, а я и забыла. — И Зонара принялась разглядывать ногти у себя на руках.

— Я хочу выйти замуж за одного вендийского вельможу, — тихо продолжала Хлависа. — Он не слишком богат, но молод, красив и безумно любит меня.

— Ужас, — демонстративно громким шепотом отреагировала Зонара.

Хлависа сделала вид, что не слышит.

— Мы прожили бы вместе долгую, тихую жизнь. У меня прекрасные сады — Конан, ты их видел. Я собрала богатейшую коллекцию произведений искусства. Как всякий дракон, я обожаю владеть сокровищами. Я хочу жить в любви, среди прекрасных вещей...

— Понятно, понятно. Превращения в дракона никак не входит в число тихих семейных радостей, — перебил Конан. — Хорошо. Я сделаю для тебя то, о чем ты просишь. Только скажи — как.

— Через три недели я снова превращусь в дракона. Ты должен находиться поблизости. Когда это случится — набросишь уздечку. Можешь приковать мои руки и ноги к стенам. В подземелье довольно крепкие стены, они могут выдерживать.

— Да ладно, — хмыкнул Конан. — Не надо ничего приковывать. Едем. Нам еще предстоит добраться до твоего дома, а путь, как мне представляется, неблизкий.

— А как же я? — возмутилась Зонара. — Вы двое так и бросите меня здесь одну?

— С тобой твоя жизнь, ты не забыла? — обернулся к ней Конан. — Вас по крайней мере двое.

— Неблагодарная свинья! — сказала Зонара.

Конан обернулся и запустил в нее рубином, украденным в доме Хлависы.

— Забери и не плачь, — крикнул он. — Я люблю тебя! Увидимся через пару лет, если твоя

жизнь не передумает и не сбежит к кому-нибудь другому, более сговорчивому.

Зонара схватила камень и поднесла его к глазам. Солнечный свет проник сквозь прозрачные грани, и залил весь мир для Зонары густым и терпким красным вином.

— Изумительно, — прошептала она. — Кое в чем Конан не уступает даже дракону.

* * *

— Мне жаль дракона, — грустно молвил Тьянь-По, когда спустя месяц Конан опять объявился в Лакшми. — Это такое красивое животное! А в сочетании с женской нежностью...

— Знаешь, друг, — перебил его Конан, — она была довольно жуткой. По крайней мере, с виду.

— Но ведь она не слопала тебя! — возразил Тьянь-По. — Подумать только, отказаться от полетов, от второй натуры, от плоти, подобной плоти небожителей! — Он скорбно покачал головой. — Уму непостижимо.

— Она сделала это ради любви, — назидательно произнес Конан, подражая тону здешних учителей.

— Все равно! — не уставал сокрушаться Тьянь-По. — А я, бедный кхитайский каллиграф, так мечтал увидеть летящего дракона! Я нарисовал бы его тушью на рисовой бумаге и создал иероглиф, который рассказал бы всю эту историю единым значком.

Конан сунул руку под плащ и вытащил фла-

гу, полную вина. В монастыре было настрого запрещено употреблять горячительные напитки. Нет, никогда в жизни Конан-киммериец не поймет этих вендийцев и кхитайцев. Удивительные люди! Просто поразительные!

Смерть на черных крыльях

Рордава, этот большой портовый город, всегда нравилась Конану. Река Черная, которая здесь впадает в море, широка и спокойна. Ее воды кажутся величаво, неспешно, и Конану, когда он стоял на левом ее берегу, у высоких белых стен, всегда чудилось, будто Черная приносит в зингарские земли запах Пиктских пустошей. Там, в этих нехоженных краях, где обитают дикие племена пиктов, берет свое начало Черная. Темные, страшные верования низкорослых, заросших темным волосом человечков, невероятно сильных, злобных и беспощадных, напитывают эти воды. Река, благодетельница человеческого жилья, таит в себе и опасность для цивилизованного зингарского люда, ибо ядовитые тайны проникают в Кордаву вместе с неспешным, ровным течением реки.

Так думал Конан, наслаждаясь еле слышным

ароматом тревоги, который улавливал на берегу Черной он один. Может быть, дело тут просто в разыгравшемся варварском воображении... Но Конан привык доверять своим инстинктам. А эти инстинкты безошибочно подсказывали ему: красивая, благополучная Кордава исстари хранит в своих стенах страшную, разъедающую гниль, и эта гниль проникает вместе с водами Черной в кувшины для питья и умывания, в колодцы, в пищу и вино, которое здесь разбавляют водой, чтобы не опьянеть во время деловых переговорах. Она плещется о причальные стенки и омывает борта кораблей.

Тайна. В ней и сладость, и беда.

И очень немногие догадываются о ее существовании.

* * *

В один прекрасный, жаркий летний день Конан оказался в кордавском порту. И там, недалеко от красивого черного корабля с нарисованной на борту рыбой, кипела драка. Конан увидел ее в раскрытые двери маленького кабачка, где киммериец беспечно потягивал вино и размышлял о своих планах на будущее. Планы эти были, ввиду полного безденежья, весьма неопределенными, однако унывать не приходилось: такой молодец, как Конан, всегда найдет себе дело по душе. Не перевелись еще хилые богачи, которым требуется охрана. По-прежнему многочисленны красотки, попавшие в беду. Что до дураков, которые не

умеют уследить за собственным карманом, собственным сундуком и собственной женой, — то нет им числа. И все они, так или иначе, принадлежат Конану.

Драка понравилась киммерийцу. Моряки мутили друг друга не всерьез, без намерения убить, — скорее, от избытка жизненных сил. То, что они не поделили, сидело рядом на камнях, обляпанных илом, и задумчиво, отрешенно моргало. Это была молоденькая девушка с глуповатым лицом, очень смуглая, большеглазая, растрепанная и едва одетая. В прорехи ее платья можно было свободно разглядеть тощее, почти детское тельце. Видимо, малышка решила подзаработать, но неумело обошлась с клиентами, следствием чего и стала драка.

Конан допил вино и покинул кабачок. При виде рослого северянина девушка вытянула губы трубочкой, как будто собиралась свистнуть. Конан подмигнул ей, и она робко моргнула в ответ. Она не вполне понимала, чего хочет. То ли ударить поскорее, то ли дожидаться результата драки. Вмешательство киммерийца усложнило ситуацию еще больше. Неразвитой ум портовой девчонки не в состоянии был справиться с задачей, где действует столько переменных величин.

Конан вошел в драку, как пловец входит в воду. Несколькими умелыми ударами он разметал моряков, выбил из пальцев одного нож, расквасил нос другому и привел в чувство третьего ощутимым ударом по голове. Пока все трое тяжело дышали, сидя на песке, киммериец высился

посреди них несокрушимой башней и усмехался. Даже если бы они стояли, Конан смотрел бы на них сверху вниз. А они лежали, точно разбросанные по столу карты.

— Что? — гаркнул внезапно Конан.

Моряки зашевелились и начали подниматься на ноги.

— Ну ты, — запальчиво начал один, — это наша девчонка.

— Моя! — возразил второй и опять полез за ножом.

— Хватит! — сказал Конан. — Чтобы вы не ссорились, я заберу с собой этого воробья. Найдите себе по настоящей женщине. Вы, ребята, совсем ополоумели.

— Да уж, не вмешивался бы ты, — сказал третий, утирая кровь с разбитого лица. — Знал бы ты, какое нам предстоит плавание...

— Идем на смерть, — подтвердил первый.

— Знаете что, — предложил Конан, — давайте выпьем всей компанией и поговорим.

— А девчонка? — спросил второй.

Конан мельком оглянулся на девочку. Она все так же тарасилась на мужчин, которые передрались из-за нее, и двигала губами: то пыталась улыбнуться, то вдруг кусала нижнюю губу, а то выпячивала ее, словно собиралась заплакать.

— Тебя как зовут? — строго спросил Конан.

Девочка подумала немного и ответила:

— Азелла.

— Идем с нами, Азелла, — приказал Конан. — Не отходи от меня ни на шаг. Тебе ясно?

Она с облечением кивнула головой.

Компания вернулась в кабачок, и там сразу же стало многолюдно. Хозяин весело встретил киммерийца, который привел с собой столько клиентов, принес почти неразбавленного вина и от себя добавил пресных лепешек. Конан много путешествовал по свету и привык есть, что дадут, но ничего менее вкусного, чем эти пресные зингарские лепешки, без которых не обходится ни одна трапеза в Кордаве, он не едал.

Однако его новые приятели сразу оценили любезность хозяина и отдали должное угощению. Денег они выложили немного, сколько нашлось, зато посидели сердечно и с пользой.

Им предстояло плыть из Кордавы на Лабиец, один из Барахских островов. Это был обыкновенный торговый рейс. Корабли ходят по этому пути очень давно. В такое время года море обычно спокойно, и неприятностей, вроде бы, ждать неоткуда. Но моряки почему-то были убеждены в том, что рейс «нехороший». Они не находили слов, чтобы разумно объяснить свое предчувствие. Сны, видения, чья-то любовница-ведьма видела кровь в магическом кристалле... Капитан не верит в предсказания, а владелец корабля, господин Менозс, даже и слышать ничего не хочет. Он обязался доставить на Лабиец тканые ковры, которые закупил южнее, в Дарфаре, и непременно выполнит обязательство. Ничто еще не заставляло Менозса нарушать слово. И менее всего — чьи-то там видения в сомнительном магическом кристалле. Конечно, гадалка из портового квар-

тала — не авторитет для почтенного торговца, гражданина Кордавы, владельца кораблей и красивого особняка. А вот для моряка она — лучшая советчица.

— Непонятно, что делать, — заключил моряк с разбитым носом.

— Откажись от плавания, — посоветовал Конан. Он тоже серьезно относился к предсказаниям.

— Господин Менюэс не отпускает.

— Что значит — не отпускает? Вы что, его рабы? Глупости! Даже раб может сбежать. Уж поверьте мне, — заключил Конан убедительно.

— Мы его должники, — объяснил тот моряк, что все время тянулся к ножу. — Он продаст наши семьи, если мы не отработаем его деньги.

Конан скорчил гримасу. Он всегда считал, что близкие только обременяют человеку жизнь. Впрочем, будь у него семья, он, вероятно, рассуждал бы иначе. Но свою семью Конан потерял очень давно, еще в детстве, и с тех пор ему случалось обзаводиться приятелями и подругами, но семьей — никогда. И пока он не станет королем, никакой семьи у него не появится. Уж королевской-то семье не будет угрожать опасность пострадать от нашествия врагов или попасть в рабство за долги.

Девочка Азелла очень быстро напилась и загнула, уронив голову на стол.

— Что это за лягушка? — спросил Конан у своих сабутьильников. — Где вы нашли ее?

— Да она и есть та самая гадалка, — объяснили мужчины. — Подружка Эклана.

Эклан, моряк с ножом, мрачно кивнул.

— Мы с ней больше болтаем, — сказала он, считая нужным объяснить Конану природу своих отношений с Азеллой. — А еще я ее щекочу.

— Что? — Конан поперхнулся вином. О таком он слышал впервые.

— Ну да, — еще более мрачно повторил Эклан, — щекочу. Ты бы слышал, как она верещит. Говорит, что от этого у нее все внутренности перетряхиваются. А я с ней вроде как отдыхаю от всяких бед и неприятностей. Вообще-то она глупая, но умеет провидеть будущее. Точнее, это мать у нее была колдунья. А Азелла — та просто иногда видит разные вещи. Растолковать их, конечно, не умеет. Дурочка потому что.

Конан посмотрел на спящую девушку задумчиво.

— Давайте-ка возьмем ее с собой, — предложил он.

Моряки вытаращились на киммерийца.

— Куда мы ее возьмем?

— А в море, — пояснил Конан, стараясь говорить беспечно.

— Жалко! — решительно сказал Эклан. — Сгинет она там вместе с нами.

— Кто говорит, что мы там сгинем? — возмутился Конан.

— Почему ты все время употребляешь слово «мы»? — вмешался моряк с разбитым носом. Его звали Сонтий.

— Потому что я, вероятно, пойду в море с вами. Покажите-ка мне дом этого вашего Менюэса.

Знатный, должно быть, кровопийца. Я постараюсь наняться к нему на корабль. А если он мне откажет, я его обворую. Так или иначе, эта история с долгами и кровью в магическом кристалле закончится.

Они устроили Азеллу спать прямо в кабачке, под стойкой, где у хозяина хранились тряпки, щетки и посуда, и Сонтий вместе с Конаном вышел на улицу.

* * *

Дом Менозса стоял недалеко от порта. Можно сказать, он знаменовал собой границу между кварталами, где селилось простонародье, в основном портовый люд, и районами, где обитали богачи и знать. Это был трехэтажный особняк, выбеленный, как снег, с крупной, немного аляповатой лепниной, украшающей фасад. Забраться в такой дом, прикинул Конан, привыкший лазать по отвесным скалам своей горной родины, не составит никакого труда. Впрочем, до этого, может быть, еще и не дойдет.

Широкий, богатый дом глядел на улицу, словно толстая женщина с полуоткрытым ртом.

— Вот здесь он и живет, — сказал Сонтий и потянулся к дверному молотку.

Им открыл не слуга, а сам хозяин, господин Менозс. Это был смуглый, полноватый человек с острыми чертами лица. Его черные глаза смущенно бегали, уходя от взгляда собеседника. Многочисленные морщины свидетельствовали о

привычке постоянно гримасничать. Завидев своего матроса, Менозс расплылся в улыбке, но посмотрел не на стоящих на пороге людей, а куда-то вбок.

— Здравствуйте, господин Менозс, — поклонился Сонтий. — Я вот к вам человека одного привел. Говорит, хотел бы пойти с нами в море. Если вы не против.

— А вы проходите, проходите оба, — сказал Менозс и, украдкой, воровски, скользнув глазами по Конану, торопливо воззрился в другой угол. — Я велю угостить вас фруктами. Мне нужны люди, — добавил он с напористой откровенностью.

Все это не понравилось Конану и в то же время задело его, возбудило его любопытство. Он шагнул за порог и оказался в полутемном помещении, где угадывались многочисленные вазы и статуи. Все это поблескивало полированными гранями. Статуи были из черного дерева — вывезенные из Дарфара и Куша. Видимо, у зингарского купца часто случались дела в этих странах и он успел полюбить странное искусство черных народов. Ничего особенного, впрочем, Конан в этом не видел. Он тоже любил Черные Королевства. Там у него остались друзья. И горячие женщины с блестящими, угольно-черными лицами и сверкающими белками огромных глаз, с нежными розоватыми ладошками и подвижными пухлыми бедрами.

Конан махнул головой, отгоняя неуместные воспоминания. Перед его мысленным взором мелькнула тощая Азелла. Мелькнула — и пропа-

ла. Господин Менозс, несомненно, заслуживал более пристального внимания. То ли он что-то скрывает, то ли напуган до полусмерти.

Хозяин проводил своих гостей в маленькую приемную. Здесь было светло. Солнце пыталось ворваться в комнату, но лучи его наталкивались на решетки, которыми было забрано окно, и дробились, оставляя на полу и стене странные узоры, похожие на буквы неведомого алфавита.

Конан и его новый приятель устроились на коврах. Хозяин сел на небольшом возвышении в углу комнаты. Молчаливый черный слуга, очень сморщенный, в ярком платке на голове и таком же ярком платке вокруг тощих бедер, принес огромный поднос с фруктами, который занял почти все свободное пространство на полу между гостями и хозяином дома.

Конан тотчас схватил половинку дыни и принялся уминать ее с громким чавканьем. В Черных Королевствах такое поведение считается верхом любезности. Цивилизованных людей это может шокировать, но киммериец решил попробовать Менозса на прочность.

Менозс и бровью не повел. Да, он действительно не раз и не два побывал в Дарфаре и Куше. Конана это вполне устраивало.

— Господин, — заговорил Сонтый, — вот этот человек, его зовут Конан, хотел бы найти себе работу на вашем корабле. На «Летучей Рыбе».

— Ты моряк? — спросил Менозс.

— И моряк тоже, — ответил Конан с набитым ртом. Он вытер сладкий сок, который стекал у

него по подбородку, и добавил: — Кроме того, я недурно обращаюсь с оружием.

— Для чего тебе отправляться в море на «Летучей Рыбе»? — задал прямой вопрос Менозс. — Неужели нет другой работы для человека твоих достоинств?

— Для меня всегда найдется дело, — сказал Конан с той же похвальной прямоотой, — но ваши моряки меня заинтересовали. Они боятся идти в море. Что-то ожидает их между Кордавой и Бархскими островами.

Менозс болезненно сморщился.

— Глупости! Опять эта болтовня о крови в кристалле, о тайне, о смерти?

— Я привык более серьезно относиться к подобной болтовне, — сказал Конан. — Не раз и не два такие предупреждения спасали мне жизнь.

— Ты намерен пугать моих людей, чтобы набить себе цену? — Менозс чуть приподнялся и уставил на Конан пронзительный взгляд. Конан в ответ дерзко посмотрел в глаза зингарца... и увидел на самом их дне глубоко спрятанный ужас.

Этот человек был невероятно напуган. Чем? Что привело его в такое состояние? Почему он лжет? Почему не обратится за помощью к воинам, к магам? Что случилось?

— Господин Менозс, — заговорил киммериец спокойно, — у меня есть основания предполагать, что это плавание будет не вполне обычным. Я хочу тридцать золотых за то, что буду находиться на «Летучей Рыбе» до самого конца. Я

обязуюсь не покидать корабля ни при каких обстоятельствах.

— И ты доведешь «Рыбу» до гавани? — уточнил Меноэс.

— Ее поставят на якорь ваши моряки, но я буду находиться на борту, когда это произойдет, — обещал Конан.

— Согласен! — вскрикнул Меноэс.

Конан поднял руку.

— У меня есть встречное условие.

Меноэс воззрился на потолок и высоко задрал брови на подвижном своем лице.

— Я тебя слушаю, варвар.

— Вы будете находиться на том же корабле.

— Нет! — закричал Меноэс. — Нет, нет, нет! Это исключено!

— Почему? — спросил Конан в упор.

— Потому что... потому что... — Меноэс надолго замолчал. Он жевал губами, грыз палец, нервно обглодал кисть винограда. Все это время никто не проронил ни звука. Наконец Меноэс опять решился встретиться с Конаном глазами. — Потому что я боюсь.

— Ваши люди тоже испытывают страх, — заметил Конан. — Вы хотите признать, что этот страх имеет под собой реальное основание?

— Может быть.

— Стало быть, глупая предсказательница не ошибалась, когда говорила о какой-то крови, которая разольется по морским водам между Кордавой и Барахскими островами?

— Нет! Она ошибается! Она дура! — завопил

Меноэс и затопал ногами. Он опрокинул блюдо и раздавил несколько мягких груш.

На шум пришел чернокожий слуга. Он невозмутимо прибрал беспорядок и удалился, унося с собой поднос.

Конан встал.

— Я стою целой армии, — произнес он веско. — Это не хвастовство. И вам, господин Меноэс, лучше бы согласиться на мое предложение. Иначе я наведу справки в порту и выясню, сколько кораблей вы уже потеряли в тех водах.

— Там пираты, — задыхаясь, сказал Меноэс. — Поверь мне. Там пираты.

— Там отродясь не было никаких пиратов, — возразил Конан. — Итак, сколько кораблей?

— Два... Два наилучших моих корабля. «Летучая Рыба» — последний, — сдался Меноэс. — Еще одно крушение — и я разорен. О боги, что же мне делать!

— Я сказал вам, господин Меноэс, что вам делать. Заплатить мне тридцать золотых и завтра вместе со всеми подняться на борт. Ваше присутствие придаст морякам уверенности в себе. Если вы потеряете «Рыбу», то разоритесь — я правильно понял?

— Да, да!

— В таком случае, вам ничего не грозит. После разорения человеку вроде вас не стоит и жить. Уж поверьте. Лучше погибнуть в бою с неведомой опасностью, чем влачить дни в нищете после богатой и сытной жизни, — вы ведь не умеете ни работать, ни бедствовать, не так ли? А

кончать с собой — занятие неприятное и хлопотное. Можно остаться калеккой.

Рассуждение Конана, при всей его дикости, странным образом успокоило Менозса. Он вдруг вскочил и стиснул огромную лапу варвара своими маленькими жесткими ручками.

— Спасибо! — сипло воскликнул он. — Я согласен! Спасибо! Ты согласен? Да? Я тоже согласен! Спасибо!

Оказавшись на улице, Сонтий, все это время молчавший, сказал потрясенно:

— Наш наниматель потерял рассудок. В него вселился какой-то странный демон!

— Нет, — задумчиво отозвался Конан. — Просто он до смерти чем-то напуган.

* * *

Они вышли в море на закате. Солнце, постепенно наливаясь багрянцем, опускалось все ниже к горизонту. По небу размазались ослепительно-яркие полосы фиолетового, желтого, красного. Маленькое облачко, незаметное и скромное ранним вечером, внезапно налилось жирной позолотой, а вокруг него источали нежность все оттенки розового и лилового. Вода сверкала.

Свежий ветер надувал паруса. «Летучая Рыба» весело бежала, разрезая волны острым черным носом. Конан стоял у борта и разглядывал пенистые гребни волн. Его мало трогала дивная красота заката. Рядом с варваром переступала с ноги на ногу Азелла. Девушка оделась получше, по-

скольку ей сказали, что на корабле будет сам господин Менозс, но все равно выглядела чахлой замарашкой. Она не слишком удивилась, когда Конан приказал ей отправляться с ним в море. Просто молча собрала вещи, взяла магический кристалл и одеяло, а обувь оставила.

— В море сандалии ни к чему, — пробормотала она. — Там ведь они промокнут. А если я утону в море и не вернусь домой, то они кому-нибудь потом пригодятся.

— Ты дьявольски права, малышка, — ободряюще сказал Конан, обнял ее за плечи и увел. Девушка не задала ни одного вопроса. Она собиралась жить прямо на палубе, судя по тому, что свое одеяло и узелок с сухарями и кристаллом она положила возле мачты.

Господин Менозс расположился со всеми удобствами в капитанской каюте. Капитану пришлось перебираться к матросам, о чем он, впрочем, ни слишком жалел.

Конан познакомился с капитаном «Летучей Рыбы» в последний момент, уже после того, как все поднялись на борт. Его звали Карсеол. Это был человек лет пятидесяти, кражистый, хмурый, с черной бородой, в которой ярко выделялись красные губы. Он родился и вырос в Кордаве и с детских лет ходил в море на самых разных кораблях, от простеньких рыбацких плоскодонок до больших торговых кораблей, которые на веслах и под парусами развивали значительную скорость. Карсеол умел командовать людьми и добиться повиновения. несколько раз ему удава-

лось подавлять бунты. Моряки уважали его и старались не вызывать капитанского гнева. Но в этом рейсе все обстояло иначе. На корабле находился сам хозяин, и капитан как бы отодвигался на вторые роли. А тут еще этот охранник, этот киммериец... Сонтий с компанией втайне жалел о том, что познакомил Конана с Менюэсом и пригласил принять участие в плавании. Лучше бы уж все оставалось как было. А все эти видения Азеллы... И слухи о пропавших кораблях... Может быть, все это глупости, обыкновенные морские суеверия, каких много бродит по портовым городам.

Конан также остался ночевать на палубе. Здешние ветра были закаленному северянину ни почем. Он привык ночевать в снегу, под дождем, под ледяным градом — что ему бриз, проносившийся над водами южных морей!

Поэтому когда стемнело, Конан немного полюбовался на луну, убедился в том, что все пока спокойно, и завалился спать прямо на голых досках. Азелла прикорнула рядом, забравшись к нему под бок, и всю ночь тихо сопела варвару под мышку. Под утро ей стали сниться страшные сны. Она принялась ворочаться, толкать Конана острыми локтями, пинать его колючими коленками, а затем тонко, пронзительно застонала прямо ему в ухо.

Конан проснулся и схватил ее своими ручищами поперек туловища, как котенка.

— Ты что? — рявкнул он.

Девушка, не открывая глаз, содрогнулась, изо-

гнулась всем телом и, широко раскрыв рот, закричала.

Конан потряс ее, случайно ударив затылком о палубу.

— Азелла! Проснись! Азелла! Что с тобой? Что ты видишь?

Девушка распахнула черные глаза. В них плескался страх. Сновидение не сразу покинуло ее. Наконец она поняла, что видит перед собой этого огромного, надежного мужчину, который так понравился ей в порту Кордавы, и девушка немного успокоилась.

Конан выпустил ее.

— Я принесу тебе питья, — сказал он. — Хочешь воды?

— Вина, — шепнула она, обхватывая себя за плечи тонкими смуглыми руками и вздрагивая.

— Ладно. — Конан снял с пояса флягу. — Вино у меня всегда при себе.

— Дай! — Она вытянула руку и схватила флягу. Конан с легкой насмешкой наблюдал, как девушка присасывается к запасам крепкого, неразбавленного зингарского вина. Ее горло вздрагивало, как у лягушки. Вообще Азелла напоминала Конану кого угодно, только не человека. Даже повадки у нее были звериными.

Напившись и окончательно придя в себя, она зевнула.

— Что тебе снилось? — спросил Конан, отбирая у нее опустевшую флягу.

— Смерть на черных крыльях, — сказала девушка тихо. — Вот что. Раньше я видела только

лишь кровь... кровь на воде... А теперь — черные крылья.

— Сколько их?

— Кого?

— Крыльев! — рявкнул Конан. — Сколько крыльев у смерти?

— Не знаю... Много. Восемь. Десять. Я не умею считать так хорошо...

Конан тряхнул нечесаной гривой своих густых черных волос.

— У смерти восемь или десять крыльев. Так? Девушка кивнула.

— Черных, — добавила она.

— А саму смерть ты не видела?

Азелла задрожала всем телом и прижалась к Конану. Он ощущал ее содрогания. Она терлась о его бок лицом, и одежда Конана постепенно промокала от обильных слез, которые проливала девушка.

— Не знаю, не знаю! — всхлипывала она. — Мне было страшно!

— А теперь?

— Теперь не страшно. Теперь я с тобой.

— Так что же ты плачешь? — спрашивал Конан, пытаясь оторвать от себя цепкие влажные пальцы зингарки.

— Не знаю...

— Сонтий! — позвал Конан, отчаявшись привести Азеллу в чувство.

Но теперь он знал, что опасность реальна. И эта опасность приближалась. Гадалка увидела ее во сне. Способности Азеллы были очень ограни-

чены, но по мере приближения к таинственной «смерти», она видела ее все более отчетливо.

Что бы это могло быть? Конан задумчиво вынул из ножен свой огромный двуручный меч и принялся полировать его чистой тряпицей. Оружие может понадобиться в любую минуту.

* * *

— Корабль на горизонте! — донесся крик часового с мачты.

Конан отвлекся от своего занятия и поднял голову. Острый взор киммерийца тоже заметил чужое судно. Оно медленно дрейфовало в волнах. Волны подталкивали его в борта, словно телята матку, требуя еще молока. Мачта наклонялась то влево, то вправо.

— Странный корабль, — заметил капитан Карсеол. — Такое впечатление, будто там все пьяны.

— Или мертвы, — прошептала Азелла, которая жалась к Конану и таращила на чужой корабль огромные, выпученные глаза.

— Надо подойти ближе, — сказал варвар громко.

Карсеол посмотрел на него, не скрывая своей досады.

— Пока что на «Летучей Рыбе» командую я, Конан, — напомнил капитан.

— Я отвечаю за безопасность судна, — возразил Конан невозмутимо. — Я обещал, что буду на борту, когда «Летучая Рыба» бросит якорь в гавани Лабиена. Мы должны прийти на Барахские

острова. А для этого нам следует приблизиться к незнакомому кораблю и выяснить, почему он ведет себя так странно.

— Может быть, там пираты? — предположил господин Менэс, который тоже выбрался из своей каюты и всматривался в морскую даль, из всех сил щуря глаза и морща лицо больше обыкновенного. Он выглядел серым и невыспавшимся, и Конан предположил, что торговца всю ночь мучили страхи и морская болезнь.

— Откуда в этих водах пираты? — возразил Карсеол. — Отродясь их тут не было!

— Они могли появиться, — сказал Конан. — Какие-нибудь заблудшие души родом из Черных Королевств, которые, скажем, бежали со стигийских галер, а после решили заняться морским разбоем...

Он замолчал.

Капитан Карсеол бросил на киммерийца подозрительный взгляд, который яснее всяких слов говорил: «Полагаю, сейчас, голубчик, ты рассказал нам часть своей жизненной истории. Так, так. Я и подозревал, что ты слишком хорошо осведомлен о нравах и обычаях пиратов. Чересчур хорошо для того, чтобы не оказаться одним из них...»

— Я не пират, — сказал Конан, разрушая напряженную тишину. — Точнее, сейчас я не пират. Хотя мне доводилось заниматься разбоем, о чем вы все, естественно, уже догадались.

Господин Менэс зашипел и втянул голову в плечи. Конан равнодушно махнул рукой.

— Чем лучше охранник знает обыкновение предполагаемого врага, тем лучше.

— Может, ты их сообщник? — свистящим шепотом осведомился Карсеол.

— Клянусь Кромом, нет. Я вообще сомневаюсь, что пираты имеют к этому делу какое-либо отношение, — ответил Конан, сохраняя полную невозмутимость.

Он знал, что при случае в состоянии перебить половину команды «Рыбы», устроить оставшихся в живых и захватить корабль. Просто сейчас ему хотелось разгадать тайну. Киммериец вовсе не был так кровожаден, как предполагают люди, мало имевшие дел с северянами-варварами. Во всех своих поступках он обычно исходил из соображений целесообразности.

— Меняем курс! — крикнул капитан Карсеол после недолгого раздумья.

Спустя полчаса они приблизились к дрейфующему кораблю. Здесь их ждало несколько открытий, и первое сделал господин Менэс.

— Это «Плавучая Дама»! — закричал он. — Боги! Вот что с нею стало!

«Плавучая Дама» принадлежала Менэсу и бесследно пропала в безопасных водах между Зингарой и Черным островом несколько месяцев назад. С тех пор о ней не было ни слуху ни духу. Она вышла не из Кордавы, а из Мессантии, куда ходила за грузом пряностей, поэтому кордавские моряки о ней ничего не знали.

— Скорей! — лихорадочно суется Менэс. — Я хочу подняться на борт! Мои пряности! Мой

груз! Моя команда! Я должен знать, что с ними случилось!

Он так волновался, что готов был прыгнуть за борт и добираться до «Дамы» вплавь. Конан в последнее мгновение успел схватить его за полу одежды.

— Погодите, господин Меноес. Не следует спешить. Мы спустим на воду шлюпку и возьмем с собой несколько человек. Никто не знает, что творится сейчас на этом корабле. Возможно, подниматься туда в одиночку опасно.

Он сделал знак Азелле, Меноесу, Сонтию и Эклану. Впятером они уселись в шлюпку и отправились навстречу таинственному кораблю. Азелла вела себя довольно спокойно. Конан почти все время наблюдал за ней. Он слышал, что некоторые рудознатцы берут с собой в пещеры птичку в клетке. Эти чувствительные создания первыми улавливают запах вредного для всего живого газа и начинают беспокоиться, а то и умирают. Если следить за поведением птичек, то можно успеть и выбраться из пещеры прежде, чем подземный газ тебя убьет. Приблизительно ту же роль Конан отводил Азелле. Пока она вела себя спокойно, варвар тоже не тревожился.

Однако исследовать корабль все же было необходимо.

Они поднялись на борт. Видно было, что здесь давно хозяйничают ветер и волны. Штурвал болтался как попало, паруса обвисли. То и дело в них забредал ветер, тогда полотно, встрепенувшись, натягивалось, словно слышало некий зов и

поворачивалось туда, а затем безвольно опускалось и громко, разочарованно хлопало.

Меноес сразу полез в трюмы. Конан едва успел за ним, держа меч наготове.

Однако и там их ждала полная пустота. Слабый огонек лампы, которую держал кордавский купец, освещал пустые переборки. Ни людей, ни груза на корабле не оказалось.

— Странно, — пробормотал Конан, вороша одеяла, которыми были застелены гамаки. — Очень странно, — повторил он.

Все пожитки моряков оказались на месте. Сундучки с барахлом, миски, кружки, даже флаги, в которых осталось вино. По полу перекатывались игральные кости. В кают-компании остался грязный котел с присохшей ко дну кашей.

И ни следа присутствия людей. Но что самое странное — если здесь, предположим, произошла трагедия — то где же следы крови?

Может быть, их смыло волнами? Однако кровь должна была остаться внизу. Не все моряки выскочили навстречу опасности. В любой команде всегда найдутся такие, кто предпочтет забиться под койку. И там останется либо труп, либо кровавое пятно, а то и живой человек — на смерть перепуганный, обезумевший, дрожащий, истощавший... но живой.

Ничего этого на «Плавучей Даме» не обнаружилось. Только пустой корабль. Ни одного повреждения. Мачты, паруса, доски палубы — все цело.

— По-моему, этот корабль проклят, — убеж-

денно проговорил Эклан. — Стоит пустить его ко дну и забыть о его существовании.

— Тебя ведь об этом не спрашивали, — заметил Меноэс. — Если бы это был твой корабль, ты рассуждал бы иначе.

— Жизнь дороже, — упрямо повторил моряк. — Вот мое мнение, хоть о нем никто и не спрашивает.

— Жизнь далеко не всегда дороже, — проговорил Конан, явно думая о чем-то другом.

Сонтий хмыкнул.

А девушка неожиданно сказала:

— На этом корабле больше нет зла. Его нужно взять с собой. Корабль ни в чем не виноват. Смерть ушла с него.

Конан быстро повернулся к ней.

— Здесь была смерть? Та самая, на черных крыльях?

Азелла резко кивнула.

— Теперь понятно... — пробормотал Конан. — Понятно, почему нет крови. Она унесла их на крыльях. Хорошо бы еще знать, что это за смерть... Ты не можешь увидеть, как именно она выглядит?

Азелла покачала головой, сильно размахивая волосами.

— Ладно, ладно... — продолжал бормотать Конан, а затем громко и отчетливо распорядился: — Поступим так. Часть команды следует перевести на этот корабль. Мы поведем на Барахские острова два корабля вместо одного. Собственность господина Меноэса следует спасти.

— Люди будут против; — угрюмо сказал Эклан.

— Кто их спросит! — ответил Меноэс. — Я прикажу и все тут.

— Может подняться бунт, — стоял на своем Эклан.

— Уж не ты ли надумал бунтовать? — надвинулся на него Меноэс.

Но моряк не испугался:

— Я просто предупредил.

— Чтобы на кораблях не возникло никаких бунтов, — вмешался Конан, — существую я. У меня есть большой, страшный меч. А еще у меня есть очень злобный нрав. И я люблю кровь.

Эклан недоверчиво покосился на варвара, однако замолчал и больше не произносил ни слова.

Экипаж «Летучей Рыбы» встретил новость без особого восторга, но и сильного недовольства не выразил. Четверых перевели на брошенный корабль. Меноэс обещал им по пять золотых сверх обычного вознаграждения — после того, как оба корабля благополучно войдут в порт Лабиена.

* * *

Несколько часов ушло на то, чтобы «угговорить» найденный корабль слушаться: долгое плавание без команды оставило свои следы, и корабль получил несколько повреждений, которые пришлось спешно устранять. Наконец все было сделано, и оба судна двинулись дальше по водной глади.

— Мы немного отклонились от курса, — сказал Менозсу капитан Карсеол. — Придется навerstывать. Острова покажутся на горизонте завтра к рассвету.

— Хорошо бы, — Менозс нервно озирался и тискал руки. Конан заметил, что судовладелец как будто что-то высматривает по сторонам.

Азелла нашла где-то бутылку с вином и выпила почти половину. Она плохо соображала. Сидела на палубе, свесив голову между колен и уронив на лицо длинные распущенные волосы, что-то бормотала, то и дело принимаясь напевать. Сонтий подсел к ней и попробовал было ее пощекотать, но она завизжала, задержала в воздухе ногами и случайно попала ему по переносице. Заливаясь кровью и изрыгая проклятья, Сонтий отскочил от девушки подальше и долго потом ходил, задрав голову и прижимая к лицу платок.

Конан расхаживал по палубе, то и дело всматриваясь в морскую даль. Он понимал, что моряки наблюдают за ним, и держался очень уверенно. На самом деле никакой уверенности он не чувствовал. Опасность, о которой говорила полубезумная Азелла, существует на самом деле, — в реальности ее Конан не сомневался. Но где затаилась беда и когда невидимый враг попытается нанести удар?

Он старался не думать о том, куда на самом деле подевалась команда с «Плавучей Дамы». Слишком много вопросов. Следует разрешать их постепенно: сперва выяснить «беду», опередить ее хотя бы на один шаг, затем — остаться в жи-

вых, а уж после разгадывать все прочие сложные загадки.

Постепенно приближался закат: небо светлело и розовело на западе. Начал подниматься туман. Корабли зажгли фонари на корме и носу и убрали почти все паруса. Медленно, тихо скользили они по воде. Только изредка легкая волна деликатно плескала о борт.

Из розоватого тумана внезапно выступил корабельный остов. Это было так неожиданно, что «Летучая Рыба», которая шла впереди, едва не налетела на него.

— Обломки корабля прямо по курсу! — запоздало закричал матрос с мачты.

— Убрать паруса! — крикнул капитан Карсеол. Эти корабельные трупы начинали действовать ему на нервы, и он прилагал все усилия к тому, чтобы не показывать подчиненным беспокойства.

На воду спустили две шлюпки: в одной сидели капитан и трое гребцов, в другой — Менозс, Конан и два матроса. Корабль, который некогда носил гордое название «Краса Мессантии», потерпел крушение несколько седмиц назад. Обе его мачты были сломаны, обломки рей ползали по палубе, волоча за собой лохмотья парусов. Изорванный в клочья треугольный парус на носу висел, как паутина, которую забыла прибрать хозяйка.

— «Краса Мессантии», — громко сказал Менозс и встал в шлюпке.

Шлюпка качнулась, Менозс потерял равнове-

сие и едва не упал — в последнее мгновение Конан поймал его за локоть.

— Это второй из ваших пропавших кораблей, не так ли? — спросил киммериец.

Меноэс кивнул и горестно завывал. Конану доводилось слышать скорбные вопли дикарей, рыдания растрепанных плакальщиц — но никогда прежде он не слышал, чтобы так по-варварски завывал цивилизованный человек, судовладелец, уважаемый торговец из большого города. Меноэсу мог позавидовать голодный шакал, потерявший подругу и логово.

На моряков эти звуки производили удручающее впечатление.

— Замолчите! — прошипел Конан своему наемателю. — Вы же до смерти перепугаете своих людей!

Меноэс издал еще несколько сдавленных стонов и замолчал.

— Так-то лучше, — одобрил киммериец. — Итак, вы потеряли в этих безопасных водах два корабля и груз.

— Да, — шепнул Меноэс.

Капитан Карсеол тем временем достиг корабля, но подниматься на палубу не стал.

— Здесь никого нет! — крикнул он. — Корабль скоро затонет. Думаю, с ним случилось то же, что и с «Дамой», но затем «Красе» повезло меньше: она попала в шторм.

— «Краса» потерялась раньше, — кивнул Меноэс. — Ее изрядно потрепало.

— Спасать нечего, — подвел неутешительный

итог капитан. — Нам остается лишь бросить ее на произвол судьбы.

Они вернулись на «Летучую Рыбу» и провели довольно беспокойную ночь. Туман становился все гуще. Идти стало невозможно. Капитан было настаивал на том, чтобы продолжать путь, но Меноэс категорически запретил:

— Мы можем налететь на рифы.

— В этих водах нет рифов, господин Меноэс, — возражал Карсеол. Он был немного задет тем, что его компетенцию ставят под сомнение. — Я опытный моряк. Я плавал от Кордавы до Барахских островов сотни раз. Впервые я проделал этот путь, когда был мальчишкой. Мы возили контрабанду на кораблике, который переворачивался от малейшего дуновения ветра. Никому и в голову не приходило обыскивать его — просто потому, что на подобных лодках плавают в безопасных лужах на мелководье.

— Вы были контрабандистом? — удивился Меноэс. — Вот уж не знал!

— Да знали вы! — отмахнулся Карсеол. — Я рассказывал вам эту историю раз десять. И вы всегда о ней забываете.

Меноэс удивился.

— Возможно, — признал он наконец. — Вероятно, это одна из тех историй, о которых работодатель предпочитает не знать. В конце концов, признайтесь: я никогда не пользовался вашей откровенностью против вас.

— При всем желании вы не смогли бы ею воспользоваться! — засмеялся капитан. — Все это

случилось давным-давно, и никого из действующих лиц уже нет в живых. Ни заказчиков, ни перекупщиков, ни тех лихих моряков, что приучали меня к морю.

— Занятно, — молвил и Конан. — Контрабандисты — отменные моряки. Мы вполне доверяем вашему опыту и знаниям. Но сейчас ситуация иная. Ни опыт, ни знания нам не помогут. Скажите, капитан Карсеол, вы можете припомнить, чтобы в этих краях был такой густой туман?

— Нет, — сознался капитан. — Впервые вижу.

— Мне не нравится его цвет, — вмешался Сонтий. — Посмотрите внимательнее. Он какой-то розоватый.

— Скорее, фиолетовый, — добавил Эклан. — Действительно, странный туман.

— Неестественный, — подытожил Конан. — Почему-то мне кажется, что его появление было кем-то подстроено.

— Но как можно «подстроить» непогоду? — фыркнул Карсеол.

— Возможно, тут поработала магия, — предположил Конан. — Нам стоило внимательнее слушать, что бормочет Азелла. Она сильно обеспокоена.

— Я бы сказал, она перепугана до смерти, — поправил Сонтий, оборачиваясь к девушке.

Туман уже заполз на палубу и почти скрывал от глаз собеседников маленькую фигурку, скорчившуюся у мачты. И все же Конан видел, что Азелла раскачивается из стороны в сторону и тянет себя за волосы.

А затем...

С «Плавучей Дамы» донесся пронзительный вопль.

— Фонари! — крикнул Конан. — Зажгите побольше фонарей! Попробуем разогнать туман!

Он подбежал к борту и закричал во всю мощь своих легких:

— Эй, на «Даме»! Что там у вас?

В тот же миг из густого тумана прямо на Конана вылетела огромная крылатая тварь. Она была похожа на сгусток тьмы, и тем не менее Конан отчетливо разглядел широко распростертые кожистые крылья с острыми когтями.

— Прячьтесь! — заорал он, оборачиваясь к своим товарищам и одновременно с тем обнажая меч. — Уведите Азеллу!

Девушка вскочила на ноги. Выпрямившись во весь рост, она смотрела, как тварь несется прямо к ней. Уже видна была морда с оскаленной пастью. Горящие адским желтым пламенем круглые глаза-плошки слепо, с ненавистью смотрели на девушку. Пена клочьями слетала с клыков и исчезала в тумане. Короткие мощные задние лапы уже нацелились вперед, готовые схватить добычу острыми и длинными, как кинжалы, когтями. Передние лапы твари были маленькими, безвольными. Они висели на лохматой груди, словно две ненужные тряпочки.

Азелла протянула руки, будто собираясь принять отвратительное существо в свои объятия. Порыв ветра взметнул ее волосы. Глаза девушки были широко раскрыты. В них не было ужаса —

лишь узнавание и ожидание. Конану вдруг показалось, что она даже не понимает: происходящее — реально, это не видение.

С громким воплем киммериец подскочил к твари и вонзил меч ей в спину.

Ему показалось, что он протыкает туго сплетенную из лозы корзину. Плоть почти не подавалась, она визжала под сталью, а когда меч вошел в тело существа, то вытащить его оказалось еще труднее — клинок завяз.

Тварь рванулась в сторону и вырвала меч из руки Конана. С отвратительным тонким писком она заметалась над кораблем, и густой туман разлетался рванными грязными клочьями под ударами сильных крыльев. Азелла все тянула к ней руки, и с кончиков ее пальцев вдруг сорвалось несколько слабых голубых искорок. Искорки коснулись тумана и погасли.

И вместе с ними, казалось, угасла и девушка. Застонав, она опустилась на колени, а затем распростерлась на досках палубы и потеряла сознание. У нее не получилось. Она не была колдуньей, как ее мать, и все попытки спасти корабль и команду с помощью магии не удались.

Теперь надежда оставалась только на Конана.

Оттолкнувшись от палубы, киммериец высоко подпрыгнул и схватил летучую тварь за шею. Она уже падала в море, и Конан едва не выпал за борт вместе с ней. Тварь дергала крыльями, пытаясь зацепить человека когтями, затем несколько раз судорожно шевельнула нижней челюстью и затихла.

Конан уперся коленом в ее спину и с усилием вытащил меч, а затем пинком отправил существо в морскую пучину.

— Отличная работа! — пискнул Меноэс, который все это время прятался за большой бухтой каната. — Ты отработал свою плату, киммериец!

— Еще нет, — возразил Конан. — Помните, что говорила Азелла?

— Да мало ли что болтала эта полоумная девчонка!

— Может быть, она и полоумная, но кое в чем не ошибалась. «Смерть на черных крыльях». Летучие твари перетаскали весь экипаж «Дамы» и «Красы Мессантии». А некто, кто управляет ими, забрал себе груз.

— Ты полагаешь, что за этими существами таится некий злонамеренный человек? — удивился Меноэс.

— Уверен. Сами по себе столь противоестественные существа на свет не появляются. Их кто-то вызвал из небытия, можешь мне поверить. Самое время задать вам, господин Меноэс, очень важный вопрос: есть ли у вас враги?

Меноэс задумчиво почесал затылок.

— А пока господин Меноэс размышляет над своими отношениями с другими людьми, предлагаю вспомнить, что говорила Азелла о крыльях, — продолжал Конан.

— Да мало ли что она болтала! — фыркнул Сонтий. — Она ведь выпила.

— У смерти восемь или десять крыльев, — продолжал Конан невозмутимо. — А это значит,

что тварей не одна и даже не две. Нам следует вооружиться и ждать новых нападений.

И словно подтверждая его слова закричал моряк, сидевший на мачте и вглядывавшийся в туман. С палубы было видно, что он пытается отбиваться от неясной, размытой тени, которая раз за разом налетает на него и наносит ему сильные удары крыльями и лапами. Наконец, отчаянно крича и молотя по воздуху руками и ногами, моряк полетел с палубы в море. По воде расплылось кровавое пятно — тварь разбила ему голову.

— Луки! — крикнул Конан.

Один из моряков прицелился в тварь из лука. Две стрелы пролетели мимо, но третья вонзилась в шею отвратительного существа за секунду до того, как крылатая бестия добралась до человека. Она еще успела схватить зубами его руку, но затем силы ее иссякли.

— Они умирают! — воскликнул Конан. — Смотрите, их довольно просто убить! Не бойтесь! Отвечайте ударом на удар!

С «Дамы» доносились звуки борьбы — моряки взялись за кинжалы и отбивали атаки сразу двух существ.

— Почему же прежде никто не пытался сопротивляться им? — удивился Менозс.

— Вероятно, моряки не ожидали нападения, — сказал Карсеол.

— А может, ими не командовал бывший контрабандист, — добавил Конан и обменялся с Карсеолом дружеским полупоклоном.

Капитан уложил третью тварь голыми рука-

ми — он свернул ей шею, но был сильно ранен когтями и вынужден был уйти к себе, чтобы перевязать руку.

Конан продолжал отбивать атаку за атакой. По его подсчетам, предстояло убить по меньшей мере еще трех тварей. Одной он пропорол перепонки, и она рухнула в море.

А затем все вдруг стихло. «Смерть на черных крыльях» исчезла. И почти сразу вслед за тем растворился и туман. Два корабля тихо покачивались на волнах, а над ними расстиралось ясное звездное небо. Серебряный свет луны дробился на воде. Он был таким ярким, что можно было разглядеть все происходящее на палубе. Двое моряков с «Дамы» были серьезно ранены; на «Плавучей Рыбе» оказалось трое убитых. Карсеол вернулся из каюты с окровавленной тряпкой на руке. Конан потер глубокую царапину на щеке — досадную, но безопасную. Если только когти тварей не ядовиты. В этом, впрочем, киммериец сомневался: будь в когтях яд, царапины уже начали бы воспаляться.

Азелла потихоньку приходила в себя. Теперь она разговаривала вполне связно. Хныча, девушка пожаловалась на холод и попросила кусок хлеба — она была очень голодна. Все это ей доставил Сонтий. Всхлипывая, она прижалась к моряку и с недоеденным куском за щекой заснула.

— У меня есть брат, — сказал вдруг Менозс.

Все повернулись к нему.

Зингарец стоял на палубе один. Он казался немного растерянным.

— Что? — спросил наконец Конан. — О чем вы говорите?

— Вы спросили, есть ли у меня враги, — пояснил Меноэс. — Много лет назад у меня был брат. Родной брат-близнец. Он был старше меня на несколько минут — так, по крайней мере, утверждала наша мать. Поэтому брат всегда заносился передо мной. Почти с самого рождения между нами началось соперничество. Беда еще в том, что мы очень похожи, не только лицом и повадками, но и способностями. Оба мы хорошо играли на лютне, оба нравились женщинам.

Меноэс провел ладонью по лицу. Время и различные испытания, с которыми всегда сопряжена жизнь торговца, оставили на нем резкие отметины.

— Сейчас в это трудно поверить, — добавил зингарец, — но мы действительно нравились женщинам. Не знаю, каким стал сейчас мой брат, если он вообще жив, но я до сих пор иногда имею успех...

Азелла, на которую невольно глянул в этот миг Конан, продолжала безмятежно спать. Ее щека оттопыривалась, и время от времени она принималась во сне шевелить губами, как будто жевала, а после опять замирала. Других женщин на палубе не было.

Меноэс махнул рукой.

— Все это неважно. В один прекрасный день наши с братом пути разошлись. Я избрал отцовское поприще, связал судьбу с кораблями. Тогда у нас был только один корабль. Точнее, полови-

на — мы владели им на паях с другим торговцем. Я начал с того, что выкупил корабль у партнера, а после открыл свое дело.

Мой брат предпочел другое занятие. Однажды, гуляя по улицам Кордавы, он встретил странного человека. Этот человек произвел на него неизгладимое впечатление, несколько седмиц брат только о нем и разговаривал. По его словам, они столкнулись возле таверны «Колесо», на углу улиц Медников и Бочаров. Там часто возникают драки. Ремесленники этих двух улиц традиционно враждуют между собой. Отбивают клиентов. У нас это называлось Великая Бочковая Война. Одни предпочитают деревянные бочки, другие — медные сосуды. И то, и другое хорошо по-своему, но мастера частенько уговаривают клиентов купить именно свой товар и, случается, перебивают покупателя.

— Ближе к делу, — велел Карсеол. — У нас не так много времени. Простите, что напоминаю, господин, — спохватился он.

Но зингарец даже не обратил внимания на властный тон капитана, который получал у него жалованье. Он весь погрузился в воспоминания.

— Там, возле таверны, мой брат и увидел, как несколько здоровенных детей напали на невысокого, хрупкого с виду человека. И как он, подняв посох, что-то прошептал на незнакомом языке. И как эти детины вдруг повалились на мостовую. Лица у них почернели, из ноздрей повалил дым, а глаза лопнули от жара. Незнакомец сжег их заживо, сжег изнутри. Он как будто запалил пламя

у них в головах. Это поразило брата. Он упал к ногам незнакомца и стал умолять взять к себе в ученики.

И спустя несколько седмиц незнакомец, которого мой брат преследовал неустанно, согласился. С тех пор мы с ним не виделись...

Меноэс замолчал, но Конану показалось, что рассказал он отнюдь не все из случившегося в далекие годы. Наверняка имелось еще какое-то обстоятельство.

— А как же женщина? — почти против воли спросил варвар. — Разве не было еще и женщины?

Меноэс глянул на киммерийца с едва скрытым раздражением.

— Да, женщина была, — сказал он. — Как ты догадался?

— Ты с самого начала заговорил о том, что вы нравились женщинам, — объяснил Конан. — Но если бы все было так просто, не возникло бы такой лютой вражды. Я знаю, сколько неприятностей может причинить увлечение легкомысленной особой.

— Она вовсе не была легкомысленной! — вспыхнул Меноэс. — И предпочла меня. Тогда-то брат и начал подумывать о мести. Уходя из дома к незнакомцу, он обещал, что разорит меня. Не сразу, нет. Он подождет, пока я добьюсь успеха, пока мне будет что терять.

И первое, что он отнял у меня, была жена. Ее похитили много лет назад. Я разыскивал ее повсюду, но безуспешно. А потом она мне приснилась. Она сказала, чтобы я прекратил поиски.

Когда она поняла, в чьи руки попала, она нашла способ покончить с собой...

Меноэс опять замолчал, и Конан не стал его расспрашивать о дальнейшем. Остальное явно не имело отношения к делу.

Корабли вновь тронулись в путь, и на рассвете перед ними показались отвесные скалы первого из Барахских островов. Конан отозвал в сторону капитана Карсеола.

— Предлагаю обойти остров за островом вдоль береговой линии, — сказал киммериец. — Если эти твари гнездятся где-нибудь неподалеку, то, скорее всего, их логово именно здесь.

— Ты хочешь напасть на них сам? — удивился капитан.

— Пока мы не перебьем их всех, опасность не отступит, — сказал киммериец.

— Но мы потеряем время! — возразил капитан. — Для его обшаривать острова в поисках напасти, если эта напасть сама поджидает нас?

— Вот именно! — рассердился Конан. — С этим нужно покончить раз и навсегда. Уж не знаю, кто натравил на Меноэса этих пташек, его брат-близнец или тот незнакомец, который сжег бесполезных пьяниц просто из прихоти, — но их следует выжечь из этих скал каленым железом.

И Конан показал на свой меч.

— Эта добрая сталь немало злобных магов отправляла к демонам, их породившим, — добавил киммериец.

— Я не поведу корабли прямо на скалы, — твердо заявил капитан.

— Этого и не требуется. Поверь мне, почтенный Карсеол, было время, когда и я водил корабли по морю. Это, правда, происходило южнее, но дела не меняет: я знаю, что такое прибрежные рифы и все такое, — заверил Карсеола Конан. — Мне потребуется лодка и два храбрых моряка. Конечно, я взял бы с собой и Меноэса, но он, боюсь, будет бесполезен. А кроме того, не в моих правилах губить нанимателя. Все-таки он платит мне деньги за то, чтобы я проследил за его безопасностью.

Карсеол кивнул в знак согласия.

* * *

Но Меноэс, против ожидания, согласился принять участие в вылазке.

— Я сам хочу покончить с этим делом, — сказал зингарский судовладелец. — Пусть я немолод и не похож на могучего воина, в глубине души я всегда оставался авантюристом. Если у меня не достанет храбрости сражаться, то по крайней мере я найду в себе силы посмотреть, как все произойдет.

Шлюпку спустили на воду, и она медленно заскользила навстречу скалам. С кораблей смотрели, как она удаляется, постепенно превращаясь в черную точку.

Конан стоял на носу, всматриваясь в отвесные темные скалы. Волны яростно бросались на них, исходя пеной, но отступали, бессильные проглотить их. Твердые утесы нависали над водой. От-

туда свешивались лозы вьющихся растений. Солнце уже поднялось достаточно, и вода сверкала ослепительно, от нее болели глаза, и приходилось сильно щуриться.

Но Конан и не думал щурить глаза. Он привык смотреть на сияющие ледники своей родины. Их холодная синева как будто навеки застыла во взгляде киммерийца.

— Здесь! — крикнул он, поднимая руку. — Гребите к берегу!

Моряки и Меноэс ровным счетом ничего подозрительного не заметили, но Конан уверенно показывал на высокую черную скалу, всю испещренную расщелинами. Она напоминала профиль очень смуглого лица, изрезанного глубокими суровыми морщинами.

Кругом на мелководе кипела вода.

— Мы не сможем подойти близко! — сказал один из моряков. — Нас разобьет о рифы.

— Вон там есть маленькая песчаная бухточка, — показал Конан. — Высадите меня там и ждите. Господин Меноэс, вы пойдете со мной или предпочтете остаться с ними?

— Я... я пойду с тобой, — неожиданно решился Меноэс. — Ты был прав, когда говорил, что имеют вещи гораздо более важные, чем жизнь. И для меня это богатство и уверенность в будущем. Пусть я потерял жену и корабли, я хочу знать, что больше я ничего никогда не потеряю.

— Кроме жизни, — тихонько добавил Конан.

Меноэс сжал руку киммерийца с неожиданной силой.

— Кроме жизни, — повторил он.

Они выбрались на берег и начали восхождение на скалы. Несколько раз зингарец едва не срывался в пропасть, но Конан успевал подхватывать его и помогать взобраться на твердый уступ. Сам киммериец лазал по скалам, как кошка. Неловкий спутник мешал ему. Однако Конан достаточно уважал чужую волю, чтобы не отказывать Меноэсу в праве увидеть, как злокозненный брат-близнец его будет наказан по заслугам. А в том, что это произойдет именно так, Конан не сомневался.

Добрая сталь против черной магии. Человеческая воля против сил преисподней. Боги будут на стороне киммерийца. И он мысленно воззвал к Крому, которому нет дела до людских бед, но который не терпит грязи.

«Если это последний мой бой, прими меня в своих пиршественных чертогах», — подумал Конан, обращаясь к своему суровому северному бо-жеству.

И больше он ни о чем не думал.

Они оказались на вершине скалы. Меноэс упал на траву, хватая раскрытым ртом воздух.

— Я... я должен немного полежать, — с виноватым видом обратился он к киммерийцу. — Со-всем недолго.

— Ты всегда был слабаком! — раздался голос за спиной у Конана.

Киммериец резко обернулся и выхватил меч.

На вершине скалы стоял человек, одетый в черное. Ветер трепал полы его длинного шелко-

вого плаща, рвал длинные седые волосы, как будто хотел сдернуть их с головы. Лицо этого человека выглядело странным, уродливым подобием лица Меноэса. Но если Меноэс был обыкновенным человеком, хитрым ловчилой, жадноватым торговцем, словом, обладал самыми обычными и, в принципе, простительными пороками, то этот выглядел как воплощение зла. Нос его торчал, как клюв хищной птицы, — когда-то он был перебит и слегка загибался на сторону. Узкий рот втянулся, подбородок выпятился. Морщины иссекали его кожу по всем направлениям, словно этого человека кромсали ножом.

Он поднял руку. С его пальцев сорвался голубоватый свет. Слабое подобие такого света пыталась вызвать Азелла.

— Кром! — взревел Конан и бросился на колдуна.

Молния ударила в то место, где только что находился киммериец.

— Меноэс! — гаркнул Конан. — Отходи! В сторону, в сторону!

Меноэс не мог подняться на дрожащие от усталости ноги, поэтому он просто покатился по траве.

Конан между тем был уже возле колдуна. Он отразил удар молнии так, как отразил бы выпад клинка, и нанес ответный удар.

Ему показалось, что меч коснулся кольчуги. Тело колдуна было окружено невидимой защитой. Однако Конан по опыту прошлых схваток с магами знал: у каждого заклятья, каким бы силь-

ным оно ни выглядело, имеется слабая сторона. И эту сторону надлежит отыскать.

Противники закружили по траве. Меноэс смотрел, тяжело дыша и почти не моргая, как киммериец пытается убить его брата. Человека, который ненавидел его с момента их появления на свет. Соперника. Мага.

Меноэс не верил в победу Конана. Он просто смотрел, как с каждым новым обменом ударами приближается его смерть.

Одна из молний царапнула Конана по руке. Киммериец громко выругался. Кровь побежала по его локтю и тут же запеклась. Рана дымилась.

Меноэс закричал и в отчаянии разорвал на груди одежду. В то же самое мгновение маг пошатнулся, и Конан ловко нанес удар ему в грудь. Невидимая защита ослабла, и меч легко вошел в плоть колдуна. Он зашатался. Глаза его загорелись дьявольским желтым огнем.

Сухие губы зашевелились, готовясь произнести заклинание, но Конан выдернул меч и ударил по этим губам кулаком. Маг захрипел и повалился на землю. Конан поднял меч и отсек ему голову. Клацая зубами, голова покатилась прочь, в ту сторону, где корчился от ужаса Меноэс. Глаза братьев встретились в последний раз, а затем желтый огонек в зрачках колдуна угас навсегда. Меноэс поднялся, шатаясь, и изо всех сил ударил по отрубленной голове ногой. Она взлетела в воздух и сгинула в морской пене.

Безголовое тело корчилось на траве, скребло землю ногтями, било по ней ногами, но с каж-

дым разом все слабее и слабее. И наконец затихло и оно.

Конан вытер меч о траву, избегая прикасаться к одежде мага.

— Вот и все, — проговорил киммериец, брезгливо кривя губы. — Проклятью конец, господин Меноэс. Понравилось ли вам представление?

— Конан! — Меноэс почти рыдал. — Что произошло? Как ты убил его? Он ведь казался неуязвимым!

— Вы помогли мне, — сказал киммериец. — Не знаю, почему, но связь между вами так и не разорвалась, хотя вы расстались много лет назад. Он знал о каждом вашем шаге. Ему легко было выследить вас. Он связал себя с вами тонкой магической нитью. Когда вы разорвали на себе одежду, что-то отозвалось в магии вашего брата... Кстати, как его имя?

— Даже не знаю, что ответить, — глухо отзывался Меноэс. — Когда-то его звали Менуас, почти так же, как меня, но уходя из дома он взял себе другое имя.

— Так или иначе, когда вы оказались стоящими рядом, эта связь, установленная между вами природой вашего рождения и многократно усиленная магией, стала для него болезненной.

Меноэс подумал немного и сказал:

— В таком случае, сам собою напрашивается неприятный для меня вывод. Ты мог бы расправиться с моим братом куда проще. Тебе нужно было просто отсечь голову мне.

— Я тоже об этом подумал, — проворчал Ко-

нан, потирая рану у себя на руке, — да только уже после того, как прикончил колдуна. Хорошие мысли почему-то всегда приходят на ум с опозданием.

Менозс вздохнул и хлопнул его по здоровому плечу.

— От души надеюсь, что ты пошутил, Конан.

Исчезающий замок

Возяин самой богатой оружейной лавки Шадизара Акмар не мог похвастаться обилием покупателей. Дорогое, изукрашенное золотом и драгоценными камнями оружие покупали только богачи. Простые воины предпочитали товар попроще. Их мозолистые руки привыкли к простым рукояткам внешне скромных, но надежных в бою мечей. Солдаты обращали внимание только на прочность клинка. Кроме того, им всегда не хватало денег.

Возможно, если бы властители увеличили денежное довольствие солдат, товары в богатой лавке раскупались быстрее. Но властители всегда были скуповаты, а солдаты слишком любили опрокинуть лишнюю кружку вина, и поэтому в самой богатой оружейной лавке было немногочисленно. Иногда сюда заходили купцы — выбирать оружие для подношения, подарка покровителю.

Иногда кто-то из среды избалованной знати решал сменить свой роскошно отделанный клинок на еще более роскошный и изысканный, чтобы похвалиться перед друзьями — такими же богатыми бездельниками.

Мастера-оружейники Шадизара, учитывая то обстоятельство, что большинство этих сабель и мечей никогда не побывает в настоящем бою, не слишком заботились о качестве стали клинка — их больше тревожила золотая чеканка, да драгоценные камни, искусно впечатанные в рукоять и ножны этого почти бутфорского оружия.

Но были мастера, которые изготавливали необычные клинки из витой, узорной стали. Такое оружие не тупилось и не ломалось в бою. Оно обладало удивительной гибкостью, не свойственной простой стали, и прочностью, далеко превосходившей все, что делалось в мастерских славного Шадизара. Но никто не мог сказать, где живут эти удивительные мастера, изготавливающие узорную сталь. Лишь иногда в лавке появлялся таинственный карлик, закутанный в плащ, и предлагал несколько новых клинков невиданной красоты и прочности.

Толстый Акмар, сверкая острыми, как бритвы, глазками не раз пытался завязать разговор с диковинным мастером или его подручным — с тем, кто приносил товар, — но посетитель был либо глух, либо не понимал современного языка. Он молча раскладывал клинки, показывал на пальцах цену и, получив, сколько запрашивал, так же молча уходил. Торговаться с ним не име-

ло смысла. Однажды Акмар попытался сбить цену. Станный продавец собрал мечи и ушел, а хозяин несколько месяцев горевал об упущенной выгоде, ибо продавались эти чудо-клинки за такие деньги, за которые можно было купить караван верблюдов со всеми товарами.

Не знал Акмар, кто и где делает это оружие, хотя не раз и не два пускал по следу таинственного продавца своих охранников. Но то ли охранники были не слишком ловки в деле выслеживания, то ли незнакомец умел замечать следы, только каждый раз Акмару докладывали, что продавец внезапно затерялся в узких улочках на окраине Шадизара.

Но однажды в лавку зашел другой, не менее странный человек. Тонкая, гибкая фигура его была также закутана в черный плащ. Темное, подвижное лицо и острый нос делали его похожим на хорька, а черные, как уголья, глаза блестели таким внутренним жаром, что Акмар, немало повидавший на своем веку и воинов, и правителей, поневоле содрогнулся.

Не хотелось бы испытать на себе гнев этого человека, подумал он, согнувшись в самом рабочем поклоне, на который только была способна его массивная туша.

Незнакомец молча, как бы в раздумье постоял у прилавка. Окинул взором ряд изящно изогнутых сабель с огромными рубинами на эфесах, равнодушно отвернулся от изукрашенных затейливой золотой и серебряной чеканкой мечей, скользнул взглядом по кинжалам необычайно

тонкой работы и, наконец, впери́л свой горящий взор в хозяина.

— Мне нужно самое лучшее из того, что у тебя есть, — сказал он вполголоса. — Все самое лучшее...

Акмар с поклоном указал гостю на незаметную маленькую дверь, о которой каждый подумал бы, что ведет она, может быть, в кладовку, где лежат никому не нужные, старые вещи. И только потайной засов, который Акмар быстро и незаметно открыл, говорил о том, что потайное помещение, в которое вошел гость — и есть самая главная сокровищница толстого хозяина. Именно тут и хранил он те узорчатые клинки, которые приносил ему странный карлик.

Незнакомец быстрым, странно пританцовывающим шагом подошел к столу, на котором сверкали отделкой великолепные клинки.

Любовно поглаживая узорчатую голубоватую сталь он что-то бормотал на непонятном языке. Взял один клинок, взвесил в руке, взял другой. Проверил балансировку и, судя по всему, остался доволен.

— Господин, — решился прочистить горло Акмар, — осмелюсь сказать, что это очень дорогое оружие. Делают его неизвестные мастера, по слухам, живущие где-то в недрах гор...

— Я знаю, — перебил гость, — знаю... А цена меня не волнует...

Он выбрал, наконец, одну из сабель, задумчиво взвешивая ее в руке, глянул на хозяина лавки, затем сделал несколько пробных движений и

вдруг окутался вихрем, сотканным из сверкающей стали. Казалось, сабля без всяких усилий со стороны человека, летает вокруг, отгораживая его от внешнего мира тонким сверкающим пологом.

Акмар ошеломленно смотрел на дивного фехтовальщика и даже не заметил, как тот сделал скользкий шаг в его сторону. Миг — и тело Акмара оказалось рассеченным в нескольких местах. Опустив саблю, незнакомец с усмешкой смотрел, как хозяин лавки, сохраняя на лице все то же удивленное выражение, разваливается на куски, как разбитая статуя. Вначале медленно, открывая белое мясо с обильным слоем подкожного жира, съехала вниз правая половина тела. Голова, отделенная от плеч тонкой, почти незаметной линией, провалилась к поясу, одновременно с тем, как левая половина тела несчастного Акмара, стала медленно отклоняться в сторону. И только тогда белое мясо человека, бывшего хозяином лавки стало обильно кровоточить.

Не глядя на останки несчастного Акмара, образовавшие на полу кровавую массу, гость неспешно собрал все клинки, насчитав их ровно двенадцать вместе с тем, что уже висел у него на поясе. Сложив сабли в мешок, перевязав его и повесив за спину, похожий на хорька человек вышел из комнаты, закрыл потайной засов — гордость Акмара — и спокойно покинул самую дорогую оружейную лавку Шадизара.

* * *

— Ты принес его, Ишанатан? — Старик тяжело поднял голову и пронижительно посмотрел на склонившегося перед троном, не смеющего поднять глаза, слугу.

— Пока нет, Повелитель, но я принес двенадцать сабель, изготовленных...

— Ты осмелился явиться с пустыми руками, — гневно перебил старик. — У меня еще хватит силы покарать тебя заслушание!

Страшной, нечеловеческой злобой загорелся взгляд сидящего на троне старца. Вперив его в слугу, он наблюдал, как корчится в муках гибкое тело человека, как сотрясают его судороги, как мучительно хрипит и кровоточит перекошенный болью рот.

— Смилуйся, Повелитель... смилуйся...

Но старик и без того уже устало откинулся на резную спинку черного трона. Белая, как снег, борода его бессильно легла на грудь. Казалось, он заснул.

С трудом поднявшись, Ишанатан, торопливо произнес:

— Не гневайся Повелитель. Я вооружу этими саблями лучших из тех, что ты создал, и тогда для нас не будет преград! Клянусь, мы добудем его в самое ближайшее время!

— Поспеш, — прошелестел старик, — поспеш, я слишком быстро старею без него. Моя сила иссякает... Но не думай, — он поднял руку, и из-под ногтей его костлявых пальцев потянулись

густые клубы дыма, — не думай, что если я погибну, ты станешь во главе моего царства! Оно исчезнет, разрушится со смертью его создателя. Я тебе уже говорил об этом...

— Я все помню, Повелитель. Я достану его, и ты вновь помолодеешь, а твое славное царство будет процветать вечно!

— Иди же, не медли...

Ишанатан, согнувшись в низком поклоне, попятился к выходу. Затем, убедившись, что страшный старик больше на него не смотрит, повернулся спиной и быстро вышел из пещеры.

Перед ним змеился круглый тоннель с переливающимися перламутром стенами. Тысячи, десятки тысяч таких тоннелей щупальцами огромного спрута пронизывали Карпашские горы, охватывая огромную территорию, образуя обширное подземное царство.

Бесчисленные рабы трудились в копиях, уходящих ярус за ярусом в недра земли, выискивая алмазы, столь необходимые Повелителю для создания армии зоргов — искусственных людей, главным из которых был он, Ишанатан — самый быстрый и самый умный из всех, кого создало волшебство правителя подземной страны.

Бесчисленные ходы, огромные пещеры, ужасные подземные храмы, где полудикие люди приносили человеческие жертвы, скопища забитых рабов и армия зоргов — над всем этим, как паук в центре паутины, восседал Повелитель — страшный старик с белой бородой и глазами, в которые не осмеливался взглянуть никто из его подданных.

Ишанатан знал, почему его взгляд был так страшен. Не только потому, что при малейшем неповиновении загорался злобой. Не только потому, что взглядом он мог причинять невероятные страдания. А потому... прежде всего, потому — Ишанатан однажды все же осмелился взглянуть в страшные глаза Повелителя — потому, что... зрачки у него были... не круглые! Узкая, вертикальная щель — вот какие зрачки были у Повелителя.

И после того, одного взгляда в эти страшные глаза, Ишанатан болел несколько дней. Нечеловеческие глаза бессмертного существа... Но бессмертного в том случае, если раз в двести лет он выпьет эликсир. В том случае, если... если он, Ишанатан, его верный слуга, его лучшее творение, опять, в который раз за бесчисленные столетия достанет это зелье...

Верно ли, размышлял закутанный в черное слуга, шагая по тоннелю, что со смертью Повелителя будет разрушено подземное царство? Если так, то, конечно, эликсир достать необходимо... А может... И живое воображение Ишанатана высветило его, сидящего на черном троне, отдающего приказы рабам, дикарям, армии зоргов, странным и страшным тварям, созданным когда-то повелителем...

Быстро передвигаясь по одному из тоннелей, он что-то тихо бормотал, иногда посмеивался, иногда радостно вскрикивал.

Ход привел его в одну из рабочих пещер, освещенную факелами. Тут работали люди. Им необ-

ходим свет — несчастные создания, не имеющие ночного зрения!

Но почему, почему Повелитель поручает работу по созданию и выращиванию — людям?! Неужели зорги не смогли бы создавать зоргов? Работа, конечно, кропотливая, но ведь искусственные создания обладают не только быстротой, но и терпением тоже! Почему? Повелитель не доверяет им, зоргам! Он не доверяет даже мне, лучшему из них! Он считает, что если мы овладеем искусством выращивания воинов, мы сможем обойтись и без него, стареющего тирана, мучающего своих верных слуг. И это недоверие доказывает, что с его смертью ничто не рухнет... Скорее всего, не рухнет...

Вдоль стены длинными рядами стояли каменные саркофаги. Вокруг каждого из них сустились люди. Пещера пропахла отвратительными запахами. Смерд волшебных порошков, незнакомых кореньев и чего-то еще, знакомого...

Секунду спустя Ишанатан сообразил — это запах гниющей плоти. Опять несколько зоргов не доведены до пробуждения. Опять ошибки. У этих людей всегда так — не могут не нагадить!

Люди заметили его и, оторвавшись от работы, стояли, почтительно склонив головы. Ишанатан скользнул к худому, высокому старику. Седые волосы его слиплись от пота. Длинная пегая борода была заплетена в косичку.

— Ну, что у тебя, Ивар? Опять ошибки? — бросил Ишанатан, потянув носом.

— Ошибки неизбежны, мой господин, — спо-

койно ответил человек, — слишком сложный процесс...

— Это я знаю! — сверкнул глазами зорг. — Мне нужно одиннадцать самых лучших.

— Прошу сюда, мой господин, — Ивар показал на небольшое круглое отверстие в стене, — тут пятнадцать полностью готовых.

— Я сам отберу тех, которые мне подойдут.

Через несколько минут двенадцать закутанных в черное теней скользнули к выходу из пещеры.

Усталые, потные люди обступили Ивара. Некоторые с ненавистью смотрели вслед зоргам.

— А правду говорят, что наш подземный король решил потеснить гномов? — спросил молодой, но уже с бледным, болезненным лицом парень.

— Ты поменьше болтай! — осадил Ивар, но тут же добавил: — Так я слышал в больших пещерах. Гномов-то и так, почитай, не осталось... Жалко их.

— Так он поэтому заказывает нам все больше зоргов? — не унимался молодой. — Чтобы с гномами воевать?

— Да там и воевать-то не с кем... одни кузнецы остались. Из них какие воины?

— А я слышал, что гномы — воинственные и злоющие, как демоны! — сказал кто-то из стоящих позади.

Ивар вытянул шею, чтобы посмотреть на говорящего.

— Слышал... Ты больше баек слушай! Никакие

они не злые... Мрачноватые немного... Будешь тут мрачным, под землей...

— А ты сам-то видел гномов хоть раз?

— Да, пару раз видел... Один раз — издали, а второй раз-то нос к носу столкнулись...

— Ивар, — загалдели сразу несколько голов, — расскажи про гномов! Где ты их видел?

— Да где, где... Послали меня — а я молодой еще был и сильный... ты не смотри на меня сейчас-то — раньше я знаешь какой был... все здоровые тут оставил, под землей...

— Так что — гномы-то?

— Ну вот, послали меня в одну из самых дальних пещер, вроде как на разведку, там один из тоннелей повелителя попал вроде в странную пещеру... Не понял я, в общем... пещер-то много, и все по-своему странные.

— А как повелитель эти тоннели делает?

— Знамо как — волшебством! Прожигает как-то, там потом долго гарью воняет...

— Ну, про гномов-то расскажи!

— Так я и рассказываю! — Ивар недовольный тем, что его постоянно перебивают, хотел было идти работать, но подумал, побряхтел и продолжил:

— Пришел я в эту пещеру, а там, в другом конце ее копошатся маленькие такие и бородастые человечки. Кряжистые, в общем, крепкие. Только маленькие. Заделявают дыру или ход там... В общем, повелитель докопался до них, а они залепили все дыры, да и ушли их этой пещеры... А второй раз случайно столкнулся. Нос к

носу. Идет и тащит за спиной сабли — рукоятки из мешка торчат. И все с камнями драгоценными... я не успел и слова сказать, как он завернул куда-то и исчез...

— А о драконах еще расскажи!

— После, после! Надо за процессом следить... Хотя... сильно-то не стоит нам тут убиваться... Да и вообще... Ошибки могут быть... — Ивар присел на камень.

— Видите ли, братцы... вот владыка подземный вроде и платит нам щедро, да только он знает, что все эти деньги к нему и вернутся.

— Как так? — загудели голоса. — Почему это, к нему?!

— А так — никто из нас отсюда не выйдет! Вы что — поверили обещаниям вербовщиков? Поработаете, дескать, несколько лет, скопите богатство, и айда на все четыре стороны? Нет братцы, за то время, что я тут работаю, ни один еще не ушел. Бежать пытались, да только зорги беглецов всегда назад приводили...

— Приносили... — поправил кто-то

— Верно, приносили... Чтоб другим неповадно было бегать!

— Так что ж, все мы тут и помрем?

— Ну... — протянул Ивар, — все может случиться... — Он понизил голос. — Я слышал, повелителю ихнему надо опять зелья, иначе копыта отбросит. А зелье-то все труднее доставать становится. Не одному ему надо... Вот этот Ишанатан и набрал отряд — пойдет зелье добывать... Только зоргов я ему дал не самых лучших, а с ошиб-

ками... Вот наша тайная надежда — зелье не достанет, повелитель сдохнет от старости, а мы тогда, может, и на волю выберемся.

— А где это зелье-то спрятано?

— Говорили, что в каком-то не то соседнем подземном царстве, не то в старом и заброшенном замке... И что попасть туда очень трудно. С боем пробиваться надо...

* * *

Ласковые лучи утреннего солнца нежно прикоснулись к дворцам и хижинам просыпающегося города. Утро в Шадизаре было настолько прекрасным, что заставляло жителей вспоминать о божественной благодати! Райское пение птиц, прохладный, освежающий ветерок...

Днем божественная благодать заканчивалась. Изнуряющая жара, заставляющая все живое прятаться в тень, скучные дела, нудные обязанности... А вечером и ночью наступал час демонов: драки, ограбления, убийства, ожесточенно-веселые кутежи, попойки, игра в кости...

Но проходила ночь, трупы были надежно спрятаны, кутилы, приняв утреннюю кружку вина, расходились отсыпаться, игроки подсчитывали барыши и убытки, а ласковое солнце вновь начинало веселый дневной путь.

Киммериец Конан мрачно шагал по извилистым улочкам окраины Шадизара.

— Кром! Как быстро они кончаются! — ворчал он вполголоса. — Только вчера был полный ко-

шелек! Опять наниматься охранять караваны? Или вспомнить ремесло вора? Или пробраться туда, где еще помнят Амру, и вновь заняться пиратством?

Но, перебирая мысленно все свои старые профессии, Конан с некоторым удивлением осознал, что его не прельщает больше ни опасности воровского дела, ни романтика пиратства. Но не вечно же ему охранять караваны?!

Услышав крики, Конан остановился. За поворотом, похоже, собралась большая толпа. Слышались веселые возгласы, кто-то громко предлагал три к одному на то, что здоровяк продержится еще полчаса...

Подойдя к оживленной толпе, Конан увидел в высшей степени странное зрелище. Четверо солдат и несколько простолюдинов избивали человека могучего сложения. Гигант уже с трудом держался на ногах, но даже не пытался защитить себя.

Солдаты коваными сапогами наносили самые болезненные удары. Примазавшиеся к избиению бродяги работали в основном кулаками.

Но вот солдаты... Особенно свирепствовал один смуглый чернобородый воин. Приемы его были необычны — слегка подпрыгнув, он выбрасывал вверх одну ногу, затем резко опускал, и в этот момент на смену ей взлетала вторая — та, которой он и бил, как кузнечным молотом, в живот противника.

У избиваемого, голого по пояс человека было прекрасное тело — воина, атлета, богатыря, вполне способного защитить себя. Вместо этого

гигант молча терпел избиение. Синяки и ссадины покрывали его могучий торс. Из разбитого носа струилась кровь. Правая бровь превратилась в кровавый ступок и закрыла глаз. Губы чудовищно распухли и кровоточили в нескольких местах. На руках виднелись неглубокие порезы, которые могли быть нанесены только лезвием ножа.

С недоумением взирал Конан на это странное зрелище — здоровяк, который не защищается. Презрение на лице киммерийца сменилось тревогой, когда он заметил, что еще минута-другая, и атлет упадет под ноги разгоряченным солдатам. И тогда его забьют насмерть.

Шагнув вперед, Конан несколькими движениями разбросал нападавших. Смуглый солдат, так ловко вскидывавший ноги, раздосадованный помехой, попытался напасть на непрошенного защитника. Зарывав, он двинулся на Конана, намереваясь, очевидно, использовать свой коронный прием.

Но киммериец не стал ждать, пока солдат вновь продемонстрирует уникальный стиль рукопашного боя. С быстротой нападающей кобры, практически не размахиваясь, он нанес солдату страшный удар в лоб. И не кулаком — чтобы не убить — а раскрытой ладонью. Отлетев от места событий шагов на пять, чернобородый остался недвижим. Остальные участники потасовки, узнав в неожиданном противнике Конана-киммерийца, пустились наутек.

С брезгливой гримасой, ибо варвар не жаловал тех, кто не мог или не хотел себя защитить,

Конан помог избитому здоровяку дойти до ближайшей таверны.

— Спасибо, — прошептал тот разбитыми губами. — Меня зовут Кушух, я родом из Немедии.

— Почему ты не защищался? Ты мог без труда раскидать их всех!

— Я знаю... но я не могу... — Избитый с трудом опустился на скамейку. — Не могу...

— Почему?

— На мне заклятие... Готов ли ты выслушать мою историю?

— Если принесут вина и мяса, — проворчал Конан и сделал знак трактирщику.

— Я родился в Немедии, в небольшом селении, близ границы с Коринфией, — начал избитый гигант.

— С детства я был силен, как бык, а в юности так возгордился своей силой, что стал дерзок и заносчив. Меня боялись все в нашем селении и окрестностях. Я мог ни за что, ни про что избить мужчину и даже ударить женщину, если она мне не покорялась. Меня боялись и ненавидели за мою силу...

— Не за силу! — перебил Конан

— Да, конечно... — грустно согласился Кушух. — Не за силу! За то, что я избивал людей... Ты прав...

— Ладно, продолжай, — сказал Конан, наполняя кружки.

Кушух с благодарностью кивнул и, морщась от боли в разбитых губах, единым духом осушил свою кружку.

— Жители нашего и соседних селений отправились к чародею Аль-Руфину. Они собрали все деньги, что у них были, и попросили о помощи. Но на сей раз чародей не стал брать плату. Выслушав рассказ одного из старейшин, дочь которого я изнасиловал, он наложил на меня это страшное заклятие. С тех пор я не могу ударить ни одного человека. Ни кулаком, ни мечом, ни чем-нибудь другим... И люди каким-то образом узнают об этом и бьют меня, где бы я ни появился. Редкий день мне удастся прожить без побоев.

— И сколько лет ты так мучаешься? — спросил Конан.

— Почти десять лет. Только сила помогает мне держаться... Любой другой давно был бы мертв.

— Ты не пробовал попросить колдуна снять заклятие? По-моему, ты уже достаточно наказан.

— Пять лет назад колдун Аль-Руфин умер... Мне теперь ничто не поможет... — По широкому лицу Кушуха потекли слезы.

— У меня есть знакомый чародей... — в раздумье начал Конан. — Пожалуй, я мог бы попросить его...

— А он достаточно силен, чтобы снять чары? — с надеждой спросил гигант. — Дело в том, что один уже пробовал, и ничего не вышло, стало только хуже.

— Я не разбираюсь в колдовстве, — с досадой бросил северянин. — Если ты сомневаешься, то не стоит и пытаться!

— Нет, нет! — Кушух схватил киммерийца за

руку. — Надо попробовать! Сделай это, и я навечно твой раб!

— Мне не нужны рабы, — с презрением процедил варвар.

— Подожди, — умолял Кушух, — ты ведь Конан? Я слышал, как эти шакалы, разбегаясь, выкрикивали твое имя! Ты Конан?

— Да, я Конан, — проворчал варвар, — что дальше?

— Я знаю, как тебя отблагодарить! Знаю! Ты ведь любишь большие сверкающие камни? Рубины, алмазы — я знаю, где их так много, что даже я, с моей силой, не смогу все унести.

Конан невольно еще раз окинул взором фигуру исполина. Пожалуй, впервые киммериец встретил человека, который, скорее всего, не уступал ему в силе. Обнаженное до пояса тело немедийца бугрилось мышцами. Поймав взгляд Конана, Кушух медленно поставил на стол согнутую в локте правую руку. В единственном открытом глазу его была усмешка.

— Так у нас в Немедии меряются силой. За всю жизнь никто не смог выстоять против меня и несколько мгновений.

В синих глазах Конана загорелся мрачный огонек. Он мог бы быть и поучтивее, этот немедиец! Видно, не всю дурь из него выбили! Просит помощи, и тут же хочет посрамить нового друга! Кром! Посмотрим, на что он способен!

Сцепившись ладонями и прочно уперев локти в стол, гиганты разом напрягли мышцы. Гомон в таверне утих. Такого зрелища завсегдатаи хар-

чевни еще не видели. Два исполина решили странным образом померяться силой! Побороться одними руками. Со стороны казалось, что за столом сидят каменные изваяния. Только страшно вздувшиеся мышцы и легкое подрагивание рук говорили о том, какую огромную силу прикладывают соперники друг к другу.

Кушух, увеличивая нажим, с усмешкой смотрел на противника. Он был уверен в победе. Рука киммерийца медленно клонилась к столу. Казалось, еще немного... Но синие глаза Конана, встретившись с ликующим взором немедийца, вспыхнули гневом. И варвар призвал на помощь Крома!

Он не позволял себе тревожить бога по пустякам, но теперь, похоже, настал момент, когда срочно требовалась поддержка. И бог не остался безучастным к мольбам своего героя. Конан ощутил прилив сил. Он знал, что сейчас Кром, склонившись с горы Бен Морх, с тревогой наблюдает за борьбой. Он, Конан, не посрамит своего заступника!

Теперь уже рука Кушуха была близка к тому, чтобы бесславно упасть на стол. Ликование на лице его уступило место удивлению, а затем и отчаянию. Со страхом смотрел он, как похожий на каменную глыбу кулак киммерийца медленно пригибает его руку к столу.

— Хватит, — прохрипел он, — хватит, я вижу, как ты силен!

— Борись! — сквозь зубы процедил Конан. — Борись до конца!

С искаженным покрасневшим лицом, на котором особенно страшно обозначились синяки и ссадины, Кушух из последних сил сдерживал натиск киммерийца. Но сил оставалось все меньше, и скоро рука его коснулась стола.

— Теперь я вижу, что ты действительно тот самый Конан-киммериец, о котором я столько слышал, — сказал Кушух, растирая локоть.

— А ты сомневался? — насмешливо спросил варвар, потряхивая рукой. — Так что ты там говорил о сокровищах, которые не сможешь унести?

* * *

Высоко в синем безоблачном небе нарезал круги орел-стервятник. Солнце палило нещадно. В распадке, под одиноким полузасохшим деревом, почти не дававшим тени, сидели двое мужчин. Неподдалеку паслись их лошади.

— Мы тут уже две седмицы, — недовольно проворчал Конан. — Где он, твой замок?

— Появится, — убежденно проговорил Кушух, — обязательно появится. Нужно только не заснуть в полночь...

— Лучше бы послушался Пелиаса и занялся очищением от грехов...

— Твой Пелиас, — начал в запале немедиец, но, взглянув на товарища, осекся, — по-моему, он просто морочил нам голову! Нравственное очищение — и проклятие спадет само! Да я, если хочешь знать... хм... давно уже очистился... с тех пор, как меня стали лущевать почем зря!

— А может, наоборот — ожесточился? — спросил Конан

Кушух с досадой отвернулся. Конан встал и потянулся. Продолжать разговор не хотелось. Вообще ничего не хотелось в такую жару. Хотелось скорее найти таинственный замок и сокровища, обещанные немедийцем.

Конан в раздумье покивал, вспоминая разговор с волшебником Пелиасом. Чародей сразу раскусил, что за птица этот Кушух. Не зря, нет, не зря наложено на него заклятие. И вряд ли ему удастся очиститься настолько, чтобы заклятие пало. Он коварен и хитер. И, кажется, вовсе не собирается исправляться.

И меня он взял с собой только потому, размышлял Конан, что сам не может дать отпор врагам. Ладно. Найдем сокровище, если он не врет, конечно, и разойдемся в разные стороны...

Замок... Киммериец усмехнулся. Он и раньше слышал легенду о появляющемся замке. Где-то тут, в Заморе, в предгорьях, близ Карпашских гор появляется замок. Как часто появляется — никто не знает, сколько стоит, прежде чем вновь исчезнуть — тоже. Две седмицы они рыщут по горам, прячась от местных разбойников...

— Послушай, — Конан вновь сел рядом с Кушухом, — почему ты думаешь, что он появится именно в этих местах? Горы — велики! Мы можем его годами искать!

— Он появится тут... я знаю. Я чувствую. — Кушух пристально посмотрел на Конана. — Я немного учился ремеслу колдуна!

— Ты? — удивился Конан. — Вот уж, не подумал бы!

— Да, учился. Я пытался узнать, как снять заклятие...

— Ну, видно ты недоучился...

— Подождем полуночи, — почему-то прошептал Кушух, — замок сегодня появится, я уверен.

Конан лег и забросил руки за голову. Время тянулось, как уставший верблюд. Полная луна печально выглянула из-за скалы. Кушух стоял чуть поодаль и всматривался вдаль.

Варвар совсем было задремал, как вдруг резкий крик немедийца заставил его привстать. На ближайшей горе, которая еще час назад — Конан мог в этом поклясться — была пуста... виднелся силуэт призрачного замка.

Кушух уже седлал лошадь.

— Торопись! — крикнул он. — Замок стоит недолго, иногда только час, иногда сутки и очень редко дольше. Потом исчезает.

— А если мы исчезнем вместе с ним? — спросил Конан, торопливо навьючивая лошадь.

Кушух приостановился. Задумчиво поскреб бороду.

— Не знаю... — выдавил он озабоченно.

— Да я и не надеялся, что ты знаешь. — Конан вскочил в седло. — Вперед!

Вблизи замок совсем не выглядел призрачным. Казалось, он стоял тут всегда. Огромный, неприступный, мрачный. Но не призрачный. Стены были сложены из тяжелых каменных блоков. Каждый блок был аккуратно обтесан и плотно

подогнан к другим. И только высота стен была несоразмерна с другими замками. Чтобы увидеть зубчатый верх стены, нужно было задирать голову так, будто хочешь поймать ртом орех, — Конан видел, как играют в эту игру дети. Подбрасываю орех — и сколько раз из десяти поймают...

— Чему ты улыбаешься? — прошептал Кушух. — Надо подумать, как нам попасть внутрь.

— Попробуем вначале через ворота, — беспечно сказал Конан, — вдруг они просто-напросто открыты?

— А может, их стерегут?

— Кто? Призраки? — Конан неслышно скользнул вдоль стены. — Коней привяжи, — донесся его шепот, — они что-то беспокоятся. Я думаю, в замок они не пойдут.

Почувствовав отчего-то легкий озноб, Кушух привязал коней к ближайшему дереву и поспешил вслед за киммерийцем. В неверном свете луны он всматривался в трепещущие тени, тщетно пытаясь увидеть товарища. Киммериец исчез.

— Он же минуту назад был у стены, — бормотал Кушух, — куда он делся?

Зачем-то он посмотрел наверх. Показалось, что на самом верху мелькнуло что-то белое. Отблеск лунного света? Кушух быстро шел вдоль стены в ту сторону, куда скрылся Конан.

Немедиец не был трусом. Но этот замок, эта таинственность, это странное исчезновение спутника... Кушух сам не заметил, как побежал. Где же Конан?

Из кустов выпрыгнула огромная тень. У Ку-

шуха оставалось время, чтобы испугаться, но не хватило времени, чтобы закричать. Тень сбила его с ног, прижала к земле, жесткой лапой заткнула рот.

— Тише, — прошептал Конан, — не вздумай заорать! Ты бежишь, как стало буйволов!

Кушух обмяк и несколько минут лежал, не в силах пошевелиться.

— Я был у ворот, — продолжал Конан, — они открыты. Решетка поднята и совсем не заржавела. Ее тут кто-то чистит?

— Я... я не знаю, — прохрипел Кушух.

— А где сокровища — ты хоть знаешь? — тихо, но с угрозой спросил Конан

— Да, — немедиец приглушенно откашлялся, — знаю... примерно.

Он глубоко вздохнул и поднялся на ноги. Конан несколько минут в упор смотрел на него. Потом пробормотал себе под нос:

— Замок будто приглашает войти. Зовет. Мне это не нравится. Я всегда предпочитал входить тихо и без приглашения. Но, похоже, что иначе туда не попасть.

И оба гиганта крадучись направились к воротам. Огромные чугунные створки были распахнуты. Решетка поднята. Все, как говорил Конан. Медлить было нельзя — замок мог исчезнуть в любую минуту.

Мягким кошачьим шагом Конан проскользнул в ворота. Кушух тенью следовал за ним. Компаньоны оказались в обширном дворе, вымощенном крупным камнем.

— Вперед, — шепнул Конан, указывая на двери одной из башен, — там тоже открыто.

Решетка позади них с грохотом упала. Эхо многократно отразилось от стен и башен замка. Закрываясь, загудели чугунные створки ворот.

— Проклятье, — прорычал Конан, — ловушка захлопнулась!

— Кто-то знает, что мы вошли... кто-то, кто нас ждал... — бормотал Кушух, дрожа всем телом.

— Ладно, нечего стоять как истуканам, — и Конан не прячась, зашагал к башне

Достигнув дверей, он замер и прислушался. Тишина после падения решетки оглушала.

Войдя внутрь, компаньоны огляделись. Тесная площадка. Две лестницы. Наверх и вниз.

— Нам надо вниз, — прошептал Кушух, — он спрятан где-то в подвалах...

— Он? — недоуменно спросил Конан. — Какой еще «он»?

— Ну, оно, сокровище... сундук с сокровищем, — забормотал немедиец.

Конан решительно шагнул на лестницу, ведущую вверх.

— Я хочу вначале осмотреться.

Винтовая лестница вывела на второй ярус замка. Длинный коридор, уходящий в темноту. Свисающие по углам пласты пыльной паутины. Запах плесени, сырости, запустения. Через узкие окна под самыми сводами скупо проникает лунный свет. По стенам висят незажженные факелы.

Конан молча указал спутнику на факел. Ку-

шух снял один и высек искру. Пламя колеблющимся светом осветило мрачные стены. Что-то не так было в этом замке. С самого начала... Слишком тихо, слишком мрачно, слишком много паутины свешивалось с потолка, слишком гулкими казались их шаги, когда они двинулись по коридору.

— Нужно было идти вниз, — бормотал Кушух, — нечего тут осматриваться.

— Странный запах, — остановился Конан, — такие запахи витают над полем битвы, по прошествии нескольких дней. Когда впитавшаяся в землю кровь начинает смердеть, даже если все убитые уже преданы земле. Сама земля смердит, особенно если жарко...

— Я ничего не чувствую. — Кушух потянул носом. — Нужно вниз идти.

Конан с сомнением глянул на своего спутника.

— Осмотрим вначале тут. Слышишь? — Он с силой сжал руку немедийца. — Слышишь?..

Издали волнами накатывал ропот, слышался звон кубков, пьяные выкрики.

— Это там, за углом. Жди меня здесь, иначе твой топот и мертвых разбудит, — и Конан скользнув вперед, скрылся за углом.

— Не надо было... про мертвых... не к месту... — прошептал Кушух, крепче сжав факел.

Теперь и до него донесся смрад протухшего мяса. Или крови. Конан, должно быть, в этом лучше разбирается. Он не так прост, этот варвар. Он что-то подозревает. Да и сам Кушух тоже хорош! Проговорился почти сразу... Тихо как! И

звуки пирушки затихли. Может, они там Конана увидели? Кушух вслушивался в тишину до звона в ушах. Как в склепе. «А откуда ты знаешь, как в склепе?» — спросил вдруг кто-то у него в голове.

— Что?! Кто?! — вскрикнул Кушух.

С ужасом он осмотрелся вокруг. Каменные стены будто приблизились. Так и норовят раздавить. Сомкнутся, и будешь вечно бродить по этому замку, раздавленный, с выдавленными глазами и тянущимся хвостом из вываленных в пыли кишок... Да, кишки тут будут все в пыли, и за ними станет тянуться длинный след, будто проползла змея... Тут столько пыли... Все следы... Вот след Конана — сколько же его уже нет? Час, два? Вечность? Вот странный след, будто змея проползла...

— Что?! Нет! Не может быть, — шептал Кушух, — этого не может быть... я... еще не раздавлен... я... Следы! Множество следов! Как это мы раньше не заметили? Да тут и птицы ходили — ишь, трехпалый след! Только слишком большой для птицы... И следы копыт. Особенно много следов копыт! Откуда тут лошади? Нет, нет, это не лошади... это другие...

Кушух чувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума. Бежать! Надо бежать из этого замка! Нет... бежать надо, но не сейчас. Надо найти бальзам, надо найти его, это чудодейственное средство, которое снимет заклятие и сделает его бессмертным!

— Но он там, в подземельях... В обширных страшных, темных подземельях, в которые я один

не смогу, просто не смогу пойти. Я трус, наверное. Я не смогу без Конана, без проклятого, не ведающего страха варвара, которого надо наказать. Наказать! Только вначале найти эликсир. Ну и сокровища, конечно. Там есть и сокровища... но тем, кто знает цену эликсира, эти сокровища и не нужны... хотя можно будет захватить... можно...

Мысли о бессмертии и богатстве немного рассеяли его страх. «Хорошо, — думал немедиец, — хорошо я буду потом жить, если...»

«Да, если тебе удастся пережить сегодняшний день!»

Кто это сказал у него в голове? Что за шутки? Где Конан? Он бросил его! Он нарочно ушел, бросив Кушуха тут, где появляются следы копыт и звучат в голове страшные, замогильные голоса!

Конан появился как всегда неожиданно. На лице — тревога и что-то еще, возможно отголоски пережитого страха.

— Там никого нет, — приглушенно сказал Конан, — там, в зале, где проходили пиршества и откуда слышались голоса — никого нет! Пойдем, посмотришь сам.

— Да зачем мне... — начал Кушух, но тут же поспешил вслед за своим спутником.

Огромный гулкий зал, заставленный рядами столов и скамеек, казался невероятной величины склепом. Огромная усыпальница. Кушух ощутил чье-то присутствие. Еще и еще... Они все тут. Они пируют. Они теперь вечно пируют. И только иногда для развлечения заманивают одиноких искателей сокровищ и эликсира...

Конан мрачно стоял у стены и, казалось, прислушивался.

— Клянусь Кромом! Это поднимается решетка! — воскликнул он. — Замок приглашает еще гостей!

Кушух ничего не слышал, но был уверен, что чуткое ухо варвара уловило скрип механизма. А грохот, с которым решетка через некоторое время упала, эхом отразился от каменных стен, и в тот же миг мощный вихрь бросил его на пол. Конан был отброшен к стене, но удержался на ногах. Через несколько мгновений со двора замка донесся шум битвы.

Оба гиганта бросились к бойницам. Поразительное зрелище предстало их взору. Двенадцать закутанных в черное гибких воинов бились с невидимым противником. Каждый из бойцов орудовал саблей с такой быстротой, что казалось, он заключил себя в оболочку из блестящей в лунном свете прозрачной ткани. Такой быстроты, такого мастерского владения оружием Конан не видел, пожалуй, никогда. Мощный двор замка наполнился звоном клинков, стонами и проклятиями.

— Кто эти черные? — прошептал Кушух. — Клянусь, они тоже не люди. Люди так не смогут, просто не смогут...

Но, несмотря на все свое умение, черные воины падали один за другим. Невозможно было противостоять натиску призраков. Вот осталось четверо, трое, двое, один... Этот последний сам как бы превратился в призрака и тенью метался

по двору, раздавая удары невидимым противникам.

Постепенно он начал отступать к стене. И последний раз взмахнув саблей, он вдруг, зажав оружие в зубах, черной тенью полез наверх. Он карабкался, как паук, раскинув ноги и руки. Миг — и черная фигурка скрылась на другой стороне стены.

— Сейчас они вернутся, нужно убираться отсюда! — И Конан стремительным шагом вышел из зала.

Прятаться не имело смысла. Их, конечно, видели, но почему-то пока не трогали. Через несколько мгновений из открытой двери огромного зала-склепа вновь раздавались отдаленные голоса пирующих. Звон кубков, пьяные выкрики, смех, ругань...

Конан молча шагал по темному коридору. Пора было спускаться в подземелье. Вот и винтовая лестница, уходящая в темноту...

* * *

После неудачной попытки проникнуть в замок и вынужденного бегства, Ишанатан отлеживался в ближайшей пещере. Именно в ней, в самом ее конце начинался незаметный, маленький — не больше волчьей норы — перламутровый тоннель, один из тех, что всегда приводят в центральную пещеру, где на черном троне сидит Повелитель. Этот старик, который мечтает вновь стать молодым. И вновь править железной рукой

жителями подземной страны. Точнее, не жителями, а рабами.

Бесчисленной армией рабов, добывающих для него алмазы. Зачем ему столько алмазов? Никогда он не превращал их в сверкающие бриллианты, не шлифовал, не огранял... Ишанатан знал потайную пещеру, где хранились сундуки с алмазами. Были там и другие драгоценные камни — не выбрасывать же, если уж нашлись — но главное для Повелителя — алмазы. Может, с их помощью он делает своих искусственных людей — зоргов? Он, Ишанатан — сделан из алмаза? Вряд ли... хотя... кто знает кухню чародея?

Ишанатан задумчиво осмотрел саблю. Ни одной щербинки не было на узорчатом клинке. Все же гномы — самые величайшие мастера всех времен. Повелитель хочет их уничтожить. Зачем? Почему бы не заключить с ними договор? Пусть бы ковали свое чудо-оружие для растущей армии зоргов! Повелитель от старости, должно быть, сошел с ума...

И вообще, что же теперь делать, размышляя предводитель зоргов, — эликсир я не добыл, показываться на глаза старику нельзя. На сей раз разговор будет и вовсе короткий. Может, просто подождать? Спрятаться, пока Повелитель не испустит дух?

Но как знать — сколько времени на это потребуется? Старик сумеет найти и отомстить за измену. И, кроме того, нужно поговорить с этим рабом, с Иваром! Спросить у него, почему все зорги погибли? Почему они не смогли биться

так, как бился он, Ишанатан? Да, нужно спросить, нужно...

Черной тенью скользнул зорг вглубь пещеры.

* * *

Лестница, ведущая в подземелья, замка казалась нескончаемой. Конан шел впереди с обнаженным мечом, Кушух — следом, высоко держа факел.

— Мы уже давно прошли первый ярус замка, — пробормотал Конан, — а конца этой проклятой лестнице не видно! Не иначе, она ведет в преисподнюю!

— Не говори так, — прошептал немедиец, — не к месту.

— Я вот все думаю, — продолжал Конан, — почему призраки нас не тронули? Тех, черных, искрошили всех, кроме самого ловкого, а нас — не тронули! Почему?

Кушух промолчал. Еще рано знать Конану о таких вещах. Еще больше он может насторожиться, и тогда — все сорвется. Весь план попросту рухнет. Рано, рано...

— По-моему, мы спускаемся не в подвалы замка, — Конан обернулся, — мы спускаемся в недра горы. В подземелье, которое, я думаю, к замку не имеет никакого отношения.

— Ты прав, — нехотя произнес Кушух, — исчезающий замок — только ворота в древнее подземное царство.

— Откуда ты знаешь? — Конану все меньше

нравился скрытный и хитрый спутник. Слишком многого он не сказал.

— Я собирал легенды об этих местах, — уклончиво ответил немедиец.

— Значит, древнее подземное царство? — проворчал Конан. — И что говорят легенды? Кто в нем жил? Или живет и по сей день?

— Легенды гласят, что созданы эти пещеры в недрах земли в незапамятные времена, — начал Кушух, — и кто их сотворил — неизвестно. Некоторые считают, что гномы — во времена расцвета. Другие говорят, что тут в огромных количествах плодились драконы. Упоминают и неких «первых людей» — разное говорят.

— А что легенды говорят о сокровищах?

— Что тут таятся несметные богатства! Что же еще?! И что много тысячелетий драконы сторожили подгорные кладовые.

Наконец бесконечная лестница кончилась. Перед людьми, дерзнувшими пробраться в это царство вечной тьмы, открылась арка, за которой виднелось множество ходов и тоннелей.

— Отдохнем, — предложил Кушух, — а заодно и поразмыслим, куда нам двигаться.

Конан мрачно заметил:

— Так ты, я вижу, понятия не имеешь, где тут те самые кладовые, которые драконы стерегли.

— Я знаю, что нужно идти по третьему тоннелю и считать ответвления и повороты. В нужные — сворачивать. Не беспокойся, Конан, — усмехнулся немедиец, — я приведу тебя туда, куда обещал.

После короткого отдыха Кушух уверенно пошел, вперед держа перед собой факел. Множество разветвлений, боковых ходов... Немедиец непрерывно бормотал под нос, считая повороты.

— Пришли, — неожиданно остановился Кушух, — тут, за этой дверью...

Перед ними высилась двустворчатая чугунная дверь, украшенная барельефами неведомых зверей.

— Тут должен быть хитрый замок, — бормотал Кушух, передав факел Конану и шаря руками по обе стороны двери. С некоторым удивлением смотрел варвар, как мечется вокруг двери его спутник, нажимая на все выступы и рассматривая трещины. Внезапно массивные створки раскрылись, как по волшебству. А, может, это и было волшебство.

Как одержимый, вбежал Кушух внутрь. Конан вошел следом. Не слишком большая пещера, стены — из цельного камня, никакой кладки. Пещера была целиком вырублена в скале. Вдоль стен — массивные, окованные железом сундуки. Несколько факелов на стенах. Конан тут же зажег их все.

— Ну, что? — Голос немедийца звенел. — Сможешь унести все то, что хранится в сундуках? Смотри! Смотри! — Он откидывал одну крышку за другой. — Смотри, Конан!

При свете факелов в сундуках переливались драгоценные камни — алмазы, рубины, сапфиры, опалы, изумруды... Огромной величины... В невероятных количествах...

Конан, как зачарованный, медленно переходил от одного сундука к другому.

— Набивай мешок! — И Кушух показал пример, зачерпнув несколько горстей кровавых рубинов.

Пока Конан не торопясь, складывал в заплечный мешок самые крупные камни, Кушух весело набил свой тем, что попало под руку, а затем незаметно скользнул в другой конец пещеры.

Там, в небольшой нише стояла резная каменная чаша, наполовину наполненная прозрачной, густой жидкостью. Прямо над чашей нависал переливающийся всеми цветами радуги странного вида сталактит. С конца его, раз в несколько лет, отрывалась капля.

По одной капле в несколько лет... Это и был эликсир молодости и вечной жизни.

— Мало, мадо натекло, — бормотал Кушух, — может не хватить... — Трясущимися руками он поднес чашу ко рту, глубоко вздохнул и выпил содержимое. Показалось, что он глотнул стукот огня. Но мгновенное жжение прошло, и немедиец почувствовал прилив сил. Зелье начинало действовать.

Итак, эликсир выпит, мешок с камнями надежно привязан за плечами, пора выполнить то, что задумано. Схватив факел, Кушух быстрым шагом прошел мимо Конана, и прежде чем киммериец понял, что его предали, — захлопнул чугунные створки. Двери закрылись с легким приглушенным стуком.

— Умели гномы делать... — усмехнулся неме-

диец. — И бесшумные, и легкие, и открыть можно только снаружи...

— Конан! — крикнул Кушух. — Посмотри, что спрятано в самом большом сундуке! Там, в конце пещеры! Посмотри, Конан, посмотри!

Конан все понял, как только захлопнулись двери. Уже зная, что это бесполезно, он, напрягая мышцы, уперся в створку плечом. Толкнул. Раз, другой... Затем, поднеся ближе факел, стал искать потайной камень, который мог бы открыть двери.

— Не пытайся, Конан открыть их изнутри! — веселился Кушух. — Они открываются только снаружи! Лучше посмотри в большом сундуке! Следующий, кто сюда придет, о тебе позаботится! Посмотри!

Скрипнув зубами, Конан оглянулся. Действительно один, самый большой сундук был закрыт. Подойдя и откинув крышку, Конан увидел, что сундук доверху набит скелетами.

* * *

— Вот такое оружие делали гномы, — заканчивал рассказ Ивар, сидя на камне в окружении товарищей.

— Значит, его можно отличить по узорам? — спросил кто-то.

— Да нет, по узорам-то как раз и ошибиться легко. Узорчатую-то сталь наши ковать научились! Отличить только по прочности можно! Хоть камни руби ей, хоть железо — не одной вы-

щерблины не будет! Да по гибкости — саблю из той стали, что гномы выковали, можно в колесо согнуть, если силу, конечно, применить огромную. А она разогнется — и как ни в чем не бывало! Вот что эту сталь отличает! Да только мало уже гномов остается. Мало и сабель делается.

— Ну, а те, что раньше они сделали — когда их, гномов, много было — куда ж те сабли делись?

— Знамо куда! Раньше-то воинов с оружием хоронили. Особенно знатных — у них, у знатных, и было это чудо-оружие. С ними оно в могиле и лежит. Мне даже курганы показывали, где похоронены знатные воины с саблями и кинжалами гномов.

— А если?..

— Да нельзя! Нельзя тревожить прах воинов! И вообще нельзя прах тревожить... — Ивар умолк, в задумчивости подперев седую голову костлявым кулаком.

Постепенно толпа стала редеть, люди расходились по рабочим местам — приглядывать за саркофагами, поддерживать нужную температуру, вовремя подсыпать нужные ингредиенты.

Глубоко задумавшись, сидел старый мастер, а когда поднял взгляд, то увидел перед собой Ишанатана, его потемневшее от гнева лицо, бешеные глаза.

— Скажи мне, раб, — прошипел зорг, — почему ты дал мне плохих воинов?

Ивар спокойно посмотрел в глаза искусственного человека и увидел в них свою смерть.

— Я надеялся, что вас всех перебьют, а Повелитель сдохнет без своего зелья. И тогда мы все сможем покинуть эти места, — просто сказал он.

— Раб! Жалкое, смертное существо! — шипел зорг. — Ты сдохнешь первым!

— Я не раб, я свободный человек и умру свободным! — Ивар смело глянул в лицо главному зоргу. Потом он вдруг увидел его обутые в черные сапоги ноги, потом пещера несколько раз перевернулась, и он стал смотреть в глаза Ишанатану откуда-то снизу...

И только тогда Ивар понял, что ему отрубили голову...

С криками напали на зорга люди. Но куда им, зачехленным без живительного солнечного света, против искусственного существа, убийцы, вооруженного к тому же оружием гномов! Молча окутался Ишанатан блестящим покрывалом из узорчатой стали, и начали один за другим распадаться на кровавые куски мастеровые люди дерзнувшие поднять руку на зорга.

* * *

Тщательно осмотрев пещеру, Конан понял, что попал в идеальную ловушку. Двери не открыты, стены, естественно, не пробить. Будь они сложены из камня, можно было попытаться расшатать мечом, вынуть несколько камней, прорваться наружу. Но долбить цельный камень...

С грустью присел гигант на один из сундуков с сокровищами. Еще раньше, увидев пустую ча-

шу, он понял, зачем шел сюда Кушух. Эликсир!.. Впрочем, сокровища он тоже не забыл прихватить. А ему, Конану — человеку, который выходил живым из стольких переделок, предстоит тут умереть и быть, через сотню лет, уложенным в самый большой сундук.

После чего пришедший выпьет или заберет с собой эликсир, набьет карманы драгоценными камнями и спокойно уйдет через чугунные колдовские двери, сработанные гномами. Уйдет, если его не предаст товарищ и не закроет тут, в этой идеальной мышеловке. В этой ловушке, в которую, судя по скелетам, попадали многие из тех, кто пришел сюда с товарищем за сокровищами или эликсиром. Факелы скоро погаснут, и смерть придет во тьме, в вечной тьме заброшенной подземной страны...

Внезапно двери бесшумно распахнулись, и мягкой, танцующей походкой в зал вошел закутанный в черное, остроносый, похожий на хорька человек. Конан вскочил. Несколько секунд два воина молча смотрели в глаза друг другу. Ишанатан не вынул саблю, Конан также не стал обнажать оружие. Только медленно, как бы нехотя подошел поближе к дверям. Зорг сделал несколько шагов в сторону, но не стал отходить от двери далеко. Очевидно, он знал ее свойства.

— Кто ты? — Ишанатан пристально смотрел в глаза киммерийца. — И как сюда попал?

— Я Конан из Киммерии. А как попал? — Варвар усмехнулся. — Меня подло бросил здесь мой товарищ.

— Конан? Я слышал о тебе! Зачем ты пришел сюда?

— За сокровищами. А вот мой бывший товарищ, имел еще одну цель...

— Он выпил его?! — вскричал зорг. — Выпил?! Отвечай!

— Сходи и посмотри, — спокойно сказал Конан и... едва успел отскочить. Зорг неуловимым движением выхватил саблю и рассек воздух в том месте, где секунду назад стоял его противник. Отпрыгнув и выхватив меч, Конан принял боевую стойку, ожидая нового нападения. Не оставалось сомнений, что перед ним тот самый человек в черном, который виртуозно дрался с призраками. Единственный оставшийся в живых из отряда, пришедшего в замок.

Быстрота его движений поражала. Только что в руке его была сабля — миг спустя она исчезла, а контуры воина стали расплываться, будто окутались серебристым туманом. На Конана надвигалась стальная завеса. Зорг наступал неуловимым, скольльзящим шагом.

Огромный меч киммерийца, со свистом опирав дугу, обрушился на противника. Такой удар пробивал любые доспехи, раскалывал, как орехи, щиты, ломал, как щепки, сабли и ятаганы. Но произошло невероятное — меч отскочил от сверкающей завесы, как от гранитной скалы!

Ишанатан наступал. Несмотря на всю быстроту, которой варвар так удивлял противников, по сравнению с зоргом он казался медлительным и даже неуклюжим. Времени оставалось немного —

скоро этот странный, похожий на быстрое, хищное животное боец загонит его в угол, где невозможно развернуться с мечом...

Попробовав еще один мощный пробивающий удар и получив тот же результат, Конан решил изменить тактику.

Широко размахнувшись, чтобы противник ожидал такого же удара, как и два предыдущих, он, резко крутанувшись волчком, присел и ударил мечом по шиколоткам черного воина.

Удивленно смотрел Ишанатан на лежащие рядом с ним его собственные ноги, обутые в дорожные сапоги. Причем, верхняя половина сапог осталась на нем, а нижняя, вместе со ступнями лежала рядом. Боли он не чувствовал — только безмерное удивление.

Этот воин оказался лучше его! Этот человек!.. Разве такое возможно? Значит, Повелитель создал не самых лучших воинов? А может, люди вообще не так плохи, как он думал? Может среди них много прекрасных бойцов? И когда нахлынула слепящая, туманящая сознание боль, он последним проблеском мысли понял, что относительно людей был и прав, и не прав одновременно. Просто он встретился с самым лучшим воином-человеком. Только и всего...

Одним быстрым ударом меча Конан прекратил мучения зорга. Немного постоял, как бы отдавая дань великолепному фехтовальщику, потом подошел к сундукам и продолжил набивать сумку алмазами.

* * *

Вверх, вверх по бесконечной лестнице — Конан спешит изо всех сил. Но даже его выносливости не хватает. Несколько коротких передышек на ступеньках и опять — вверх.

Наконец — знакомая башня. Двери во двор замка открыты. Мощеный двор, ворота распахнуты, решетка поднята! Скорее к выходу!.. Скорее миновать эти предательские ворота... Но — что это?! О, Кром! За воротами — нет ничего! Пустота. Провал. Прозрачная педена пустоты.

* * *

Со змеиным злорадством наблюдал Кушух, как исчезал замок. Вначале подернулся сизой дымкой, затем стал колыхаться, как марево, и, наконец, через краткий, неуловимый миг, на вершине холма уже ничего не было.

Посмеиваясь, немедиец оседлал своего коня, уздечку второго привязал к седлу, запустил руку в сумку со сверкающими при солнечном свете камнями, радостно вздохнул и неторопливо тронулся в обратный путь.

* * *

С трудом подняв отяжелевшую голову, обвел Повелитель мутным взором склонившихся перед ним зоргов. Дыхание с тяжелыми хрипами вырывалось из его одряхлевшего тела.

Из недр земли, постепенно нарастая, доносился тревожный гул. В последний раз вскинулся на черном троне страшный старик, захрипел и затих. Тело его, с помощью волшебного эликсира сохранявшее жизнь в течение тысячелетий, на глазах зоргов стало распадаться, оседать, крошиться. Через несколько мгновений на троне лежала только горсть темного праха.

Гул нарастал. Зорги внезапно почувствовали странные изменения в своих искусственно созданных телах. Рухнула сила, скрепляющая их мышцы, кости и сухожилия. Недоуменно падали искусственные существа, со страхом глядя друг на друга.

Земля стонала и содрогалась. Судороги проходили по всем перламутровым тоннелям, по огромным пещерам, созданным волшебной силой грозного старца. Подземный мир рушился. Земля поглощала то, что ей принадлежало спокон веков. Пещера, где на черном троне лежала горсть праха, раскололась надвое, и оставшиеся в живых зорги увидели разверзшуюся под ними пропасть, на дне которой клочкотала расплавленная магла.

И раскаленные недра поглотили останки того, кто дерзнул когда-то вторгнуться в святая святых матери-земли.

* * *

С тяжелым сердцем вернулся Конан в замок. Куда идти? На второй ярус, где пируют призра-

ки? Или забраться на самый верх — осмотреться? Вряд ли увидишь что-то новое... Что можно вообще увидеть, если вокруг пустота? Что остается? Ждать, когда замок вновь станет реальным, вновь появиться на старом месте? А где он сейчас? Как все это объяснить? Исчезающий замок...

Чтобы хоть чем-то заняться, Конан решил обследовать первый ярус. Такой же пыльный коридор. Та же паутина, свисающая с потолка. Все так же, как и на втором ярусе — не слышно только отдаленного эха призрачного пира. Наоборот — тяжелая, гнетущая тишина. Ни одного звука. Может, дело в том, что замка уже нет на прежнем месте? Он сейчас, скорее всего, просто не существует...

Конан медленно двинулся по коридору. Странно — не слышно даже его шагов. Если все так же, как на втором ярусе — сейчас, за поворотом будут двери. За дверями — возможно, такой же зал, как и наверху. Тот, верхний зал наполнен призраками. А что он встретит тут? Пустоту?

Странная нерешительность овладела Конаном. Стоит ли бродить сейчас по замку? Зачем? Может, лучше просто сесть у ворот и ждать?..

Повернув за угол, он в сомнении остановился. Такой же длинный коридор, такая же дверь не вдалеке. Все, как на втором ярусе. И... те же обитатели? Или другие — еще хуже? Показалось вдруг, что в конце коридора мелькнула тень. Что-то неуловимое — как бы выглянуло из-за следующего поворота и скрылось. Просто посмотрело на него. Убедилось, что он тут — чело-

век из плоти и крови! Он тут, он в их власти... Неприятный холодок пробежал по спине северянина.

Призраки... Разве можно их одолеть мечом?! Невольно Конан вспомнил, как расправились призраки с отрядом непрошенных гостей. Нужно ли ему идти и заглядывать в зал? Наверное, этот зал так же уставлен столами и скамейками. И там никого нет. И только эхо отдаленной пирушки разносится в гулкой пустоте. И кто же это, интересно, выглянул из-за угла? Они заметили меня, они увидели, что я иду, они готовятся к встрече...

Стиснув зубы, Конан медленно двинулся вперед. Вот она дверь — направо. Нужно только открыть и войти. Легкий порыв ветра холодком пробежал по спине. Будто чье-то ледяное дыхание...

Конан невесело усмехнулся — странные мысли лезут в голову! Ледяное дыхание! Ледяного дыхания не бывает... Разве что... у мертвых... Хотя, нет — какое же дыхание у мертвых? Мертвые не дышат. И если они и ходят иногда, оживленные колдовством, то — не дышат. Они не могут дышать холодом. Холод просто сам следует за ними. Повсюду. Вот и сейчас в замке стало прохладно.

Варвар невольно поежился. Почему вдруг у него замерзла спина? Потому что кто-то, или что-то за ней сейчас пробежало? Может он — тот, кто пробежал за спиной — задел его, окутал холодом? Вот опять! Будто кто-то прикоснулся!..

Конан прижался заledenевшей спиной к стене и вынул меч. Странная вялость была в мышцах. Скованность. Он со злостью стиснул зубы и несколько раз глубоко вздохнул. С легким ветерком нанесло запах. Опять тот самый гнилостный запах пролитой несколько дней назад крови.

Это заставляло задуматься. Сколько же крови было пролито в стенах этого замка? Сколько предсмертных криков слышали эти камни? Сколько проклятий, стонов... Ему показалось? Нет, там, за дверью действительно кто-то стонет. Там, наверху — пирушка, а тут — стоны? Может быть за дверью — камера пыток? Нужно войти и посмотреть... Но зачем? Разве от этого что-нибудь изменится? Нет, нужно войти!

Внезапно Конан вспомнил, как хлебнул однажды скисшего вина. Укус, кислятина, да еще и с запахом плесени... Протянув руку, уже взявшись за резную ручку, Конан почувствовал во рту привкус прокисшего вина и плесени... Нельзя медлить! Если сейчас промедлить — тогда он никогда не сможет заставить себя открыть эту дверь!

За спиной опять пробежал кто-то холодный. Киммериец не стал на сей раз оглядываться. Только вновь почувствовал ледяное дыхание.

Опять нахлынули воспоминания. Конан вспомнил, как когда-то хоронил товарища. Он вырыл глубокую могилу, чтобы не добрались до мертвого воина шакалы. Глубокую могилу. И когда он спустился в нее сам и стал опускать мертвого друга, то почувствовал холод. Холод земли. Мо-

гильный холод. И холод мертвого тела, которое будет тут закопано. Он тогда бережно уложил павшего друга, вложил ему в руку меч, поправил одежду — сделал все, как надо, несмотря на то, что ему так хотелось поскорее выбраться наверх. Несмотря на то, что холод постепенно проникал, казалось в самую кровь, леденил сердце, камнем ощущался в желудке.

Таким же могильным холодом на него повеяло и сейчас — от того, кто пробежал за спиной; от двери, которую он сейчас распахнет. От каменных холодных стен, от всего этого призрачного замка, пленником которого он стал.

Резко дернул варвар дверную ручку. Почти бесшумно, с легким скрипом раскрылись двери. Громче стали стоны, сильнее пахнуло гниением. Еще холоднее стало вокруг.

Сделав несколько шагов, Конан осмотрелся. Такой же зал. Только ни столов, ни скамеек. Вместо них — орудия пыток. Дыба, колесо, разного размера крюки для подвешивания за ребра. Неподалеку — горн, похожий на кузнечный, но имеющий совсем иное предназначение. Не дляковки нагревалось тут железо. Для других целей...

Тут же лежали предметы, которые накаляли когда-то на этом горне. Огромные щипцы — разрывать податливую, дымящуюся плоть и вытягивать жилы. Толстые иголки — загонять их, раскаленные докрасна, под ногти. Множество разного размера пруты...

Медленно обходил Конан эту пыточную мас-

терскую. Вот ужасное приспособление для постепенного, мучительного раздавливания ноги. Вот наковальня — вся в засохшей крови, и на ней молоток — расплющивать каждым ударом по одному пальцу на руках... Кровь и на молотке. И будто белые осколки костей разбросаны вокруг... Или это чудится? Кровь, стоны...

Отдаленные стенания опять донеслись до уха воина. Будто издалека ветром наносимые звуки — крики, вопли, мольбы о пощаде и над всем этим, перекрывая голоса несчастных узников — громкий, злобный смех! Смех насытившегося упыря, смех источающего злобу чудовища в человеческом облике. Того, кто был тут, в зале для пыток, хозяином.

Закачался внезапно один из крюков, мелькнул, казалось огонек в горне, слегка передвинулся один из прутков, будто некто пробовал, какой лучше взять, смотрел, выбирал. Заскрипело пыточное колесо. Раздался дикий вопль и хруст перебиваемых костей... Или все это чудится? Может, он просто все представил? Вот висит на дыбе обнаженный человек. Ногтей у него давно уже нет — кровавые сгустки на том месте, где были ногти. Какой-то смутный силуэт огромного и непомерно жирного человека в кожаном фартуке, забрызганном кровью, тянет за веревку, поднимая несчастного за руки, скрученные за спиной. Скоро руки вывернутся из суставов, и человек, испытывая ужасные муки, бессильно повиснет, раскачиваясь, как мешок...

Собрав все силы, Конан выбежал из зала и за-

хлопнул дверь. Вдали стихал злобный, торжествующий смех...

Скорее, на воздух, во двор, к воротам... Все по-прежнему — ворота открыты, решетка поднята... Но на сей раз, за воротами — мир! Зеленая трава, небольшие деревья. Мир вернулся. Точнее — вернулся замок!

Конан шагнул за ворота.

* * *

...Стены замка были под стать тому, другому, призрачному, из плена которого Конан освободился только два дня назад. Огромные башни тянулись к небу, казалось, островерхие вершины их задевали, царапали облака. Наполненный мутной водой ров окружал эту неприступную цитадель.

— Провалиться мне на месте, — пробурчал киммериец, — еще пару дней назад этой цитадели тут не было! Еще один исчезающий замок?

На дороге, ведущей к воротам, наконец показалась повозка. Изможденный, с потухшим взором немолодой крестьянин, ссутулившись, сидел в телеге, груженной бочками.

Остановив повозку, Конан спросил:

— Чей это замок?

— Нашего светлейшего хозяина, всемилостивейшего повелителя Кушуха.

— Что? — воскликнул Конан. — Ты сказал — Кушуха?!

— Да, так зовут нашего повелителя, — поклонился крестьянин.

— Скажи, — Конан решил сильно не пугать бедного человека, — скажи, когда построен этот замок?

— Господин, видно приехал издалека... — остро глянул крестьянин. — Этот замок начали строить год назад и теперь почти закончили. Небывалое дело — построить замок за год! Но господин наш так богат и могуществен... На строительство было собрано столько народу... Сейчас осталось лишь обустроить внутренние помещения, но господин уже живет в северной башне. Говорят, там такая роскошь!

— То есть, как — год назад? Три дня тому, я проезжал этой дорогой! Никакого замка... — Что-то было не так, и Конан это понял сразу, как только увидел крепость. И только теперь окончательно убедился — прошел ровно год!.. Его не было год! Не один день — год! Пока он был в призрачном замке — тут прошел год! Кушух за это время сумел воздвигнуть замок. Стал господином! Окружил себя неприступными стенами. Приказал называть себя повелителем!

— В северной башне, говоришь?.. — пробормотал он, скорее себе, но крестьянин услышал.

— В восточной части замка не достроена стена, — тихо сказал он, — там проще перелезть, хотя и ходят часовые. А в саму башню ведет подземный ход из колодца, что в ста шагах к югу. Я его строил. Всех строителей Кушух убил... и моего сына... а меня, видно, просто забыл. Я работал там не постоянно... — В глазах крестьянина стояли слезы.

Конан запустил руку в кошель и вынул горсть алмазов.

— Возьми, отец... сына это не вернет, но поможет тебе жить.

— Убей его, воин! — выкрикнул крестьянин. — Убей! Убей...

— Убью, — твердо сказал Конан, — отомщу за твоего сына... и за все остальное.

* * *

Ароматный дым поднимался из чаши, вокруг которой танцевали полуобнаженные красавицы. Развешенное по стенам оружие поражало великолепием отделки и величиной драгоценных камней на эфесах. Громадные телохранители, с ятаганами наголо, и ростом, и сложением, не уступавшие хозяину, застыли в дверях черными статуями.

Но тревожно было на душе у Кушуха. Сердце сжималось, чувствовало приближающуюся опасность. Весь год прожил он спокойно, уверенный в том, что Конан, надежно закрытый в пещере, погиб. Но два дня назад перестала радовать его роскошь, перестали привлекать прекрасные телюных танцовщиц, перестала доставлять удовольствие власть. Он чувствовал — Конан остался в живых. Конан выбрался из ловушки. Конан придет, чтобы отомстить, и месть его будет ужасна.

И ворочался ночью на мягкой кровати немдеец, и не сон объял его, а некая дрема, когда сновидения причудливо переплетаются с реаль-

ностью, когда, зная, что спишь — видишь, будто идешь; зная, что ты дома — видишь себя в прозрачном замке.

И видел Кушух: бежит он по лестнице, захлопнув двери сокровищницы, оставив там Конана, — бежит, а за ним следом несется, догоняя его, что-то непостижимо страшное. Неуловимое, непонятное. Вот-вот догонит, схватит... И тогда судьба его будет хуже смерти. Оледенеет он в вечном заморском бдении, и вечно — вечно — будет убежать от своего ужаса по нескончаемой лестнице в этом страшном, мрачном подземелье...

А ноги становятся все тяжелее... А сумка с сокровищами давит на плечи неимоверным грузом — тяжелее, чем мешок, наполненный булыжниками, тяжелее, чем отрубленные головы тех, кого он убил — крестьян, знавших про подземный ход. Про его надежду, про его последнюю возможность спастись, ибо, когда придет киммериец — не остановят его ни стены, ни двери, ни телохранители...

Кушух проснулся в холодном поту и увидел, что киммериец стоит с мечом в руке перед его ложем. Хотел закричать предатель, — но только хрип вылетел из его горла.

— Возьми любое оружие, — спокойно сказал Конан, — я не хочу убивать безоружного.

Непослушными руками снял Кушух со стены самый тяжелый ятаган. Взвесил в руке. Оттягивая момент схватки, хотел что-то спросить, но варвар покачал головой и приготовился к бою. И весь страх, вся ненависть, все напряжение по-

следних дней выплеснулось в дикой атаке немедийца. Его ятаган раз за разом наносил страшные удары, в которые он вкладывал всю свою силу.

Отступив на шаг, Конан, неожиданно для себя, применил тактику убитого им зорга. Конечно, действовать мечом с такой быстротой, как Ишанатан орудовал саблей, было невозможно, но это и не требовалось. Мощные удары ятагана разбивались о сверкающий кокон, которым окружил себя киммериец. Затем Конан сделал скользкий шаг вперед, — и тело Кушуха, разрубленное на несколько кусков, грузно осело на ковер, пропитав его кровью. Черной кровью предателя.

* * *

— Интересно, кто-нибудь достроит этот замок? — в раздумье пробурчал Конан, оглянувшись на темнеющую громаду. Вряд ли... Скорее всего, его теперь разберут по камешкам окрестные жители. Построят себе хорошие, прочные дома. И правильно! А я, как-никак, целый год не пробовал вина, не держал в объятиях красивых женщин! Нужно поторопиться!

И Конан направился в Шадизар, где, как он помнил, в одной таверне было отменное вино и лучше в Заморе красоти.

Ритуал Луны

Ролдовская пентаграмма пылала голубоватым пульсирующим светом. Даже маг Вариос, глядя на яркое свечение линий, вынужден был шурить глаза. Его слуга и помощник Грумми, с выражением благоговейного ужаса на худом, усталом лице, подавал хозяину чаши с порошками. Работа помощника колдуна требовала большой сосредоточенности. Грумми не хотелось даже думать о том, что случится, если он перепутает чаши. И потому, подавая хозяину очередную порцию зелья, он старался не смотреть на пылающий чертеж, из которого уже доносились тихие голоса, будто из соседней комнаты через приоткрытую дверь.

Грумми знал, что произойдет дальше. Голоса приблизятся, потом раздастся шум, будто бранятся сразу тысяча демонов, а потом... потом будет самое страшное. Явится тот, кого даже муд-

рый и злой Вариос боится до дрожи. Боится настолько, что вызывает лишь в крайнем случае, если нет другого выхода. Как теперь. Когда под угрозой само их существование — хозяина, и его, Грумми — бедного слуги, который не хочет, но вынужден прислуживать колдуну.

Грумми вспомнил, как впервые пришел к Вариосу. Пришел просить помощи, как делали многие, когда случалась беда. Кто ж еще поможет, как не колдун? И колдуны, чаще всего, помогали, требуя за услуги плату — иногда небольшую, иногда огромную. Никто не знал, от чего зависел размер платы. Поговаривали — от богатства хозяина. Колдун-де видит, с кого брать. Но Грумми знал много случаев, когда колдун начисто обирал бедняков, а с богатых брал гроши. Иногда — наоборот. Другие считали, что плата зависит от сложности и опасности задачи, за которую берется чародей. Как бы то ни было, Грумми готов был заплатить. Отдать последние деньги, только бы вернуть внезапно умершую мать.

Они с матерью жили достаточно уединенно. Грумми работал на строительстве домов — он был неплохим камнетесом — мать вела хозяйство, готовила вкусные обеды и ужины. И еще пилила сына за то, что он, дожив до тридцати лет, не обзавелся собственной семьей. Давно пора, ворчала мать, передать хозяйство молодой жене, а ей, матери, отдыхать и нянчить внуков. Но Грумми отшучивался — вот подзаработаю денюжат — и уж тогда!..

А потом мать внезапно умерла. Просто захри-

пела и стала падать — Грумми едва успел ее подхватить. Донес до кровати и обнаружил, что сердце матери не бьется, дыхание исчезло, а открытые глаза — не видят. Весь день Грумми обливался слезами, а к ночи пошел к башне колдуна. Вот так он и попал на службу к Вариосу. К мудрому и злому волшебнику.

Путь до темной, мрачной башни был неблизкий, и Грумми порядком устал, когда, наконец, уже глухой ночью, увидел зловещий силуэт, перстом указывающий в звездное небо. Долго стучался Грумми в дубовые двери. Гулко отдавались удары в темной башне. Наконец, откуда-то сбоку появился большой, черный, как сама ночь, кот. Тенью скользнул он к ногам человека, потерся, задрал хвост, затем уселся и с недовольным видом глянул на непрошенного гостя. Долго человек и кот смотрели друг на друга, затем кот исчез, а двери башни распахнулись и Грумми, ошалело вошел внутрь.

Из темноты на него надвигался странный силуэт. Казалось, навстречу двигалась сама тьма, сгустившись и приняв причудливую форму. Постепенно сгусток тьмы обрел очертания человека с сидящим на плече котом. Глаза кота горели неугасимым мрачным огнем.

Затем вспыхнул факел, и Грумми смог осмотреться. Башня была довольно тесной. Сложенная из грубо обтесанного камня, она выглядела невзрачно и неказисто. Если бы строил Грумми, стены были бы ровнее, а камни лучше подогнаны друг к другу. Посредине стоял большой стол,

вокруг несколько скамеек, в углу — лежанка. У стены — простая деревянная лестница на второй этаж. Где-то наверху, вероятно на чердаке, ухали совы. А тут, на первом этаже, из угла слышался крысиный писк. Кот, сидя на плече хозяина, поводил ушами, но не рвался сражаться со своим извечным врагом.

Нельзя было сказать, что колдун погряз в роскоши. Но ведь случалось, что он брал за свои услуги огромные деньги... На что он их тратил? Или — копил?

— Что привело тебя ко мне, человек? — спросил колдун низким голосом. Казалось, в его груди звучало гулкое эхо.

— Я... — начал Грумми и вспомнил о своем горе. Бросившись на колени, он залепетал:

— Мать... умерла... я все отдам... помогите...

— Встань, — коротко приказал колдун. — Когда она умерла?

— Сегодня утром, — сказал Грумми.

— Что ж, времени прошло немного... Я смогу оживить ее Ритуалом Луны, но за это ты должен будешь служить мне днем и ночью в течение трех лет!

— Я согласен, — прошептал Грумми.

— Хорошо. Завтра ночью тайно привезешь ее сюда. А пока... Днем ты должен сделать вот что...

С ужасом выслушал Грумми указания колдуна. Ну, взять горсть земли с самой свежей могилы — нетрудно. Поймать ядовитую змею — тоже несложно... Но похитить самую красивую девушку селения, связать и привести в башню!..

— Зачем? — осмелился он спросить.

Лицо колдуна слегка перекосило усмешкой.

— Нам понадобится помощница. Или ты не хочешь вернуть к жизни мать?!

Именно тогда Грумми впервые разглядел колдуна. Крупный мужчина средних лет, не толстый, но плотного сложения, по-своему красивый, грубоватой, мужицкой красотой. Длинные вьющиеся волосы с проседью, аккуратно подстриженная борода, тоже серебриющаяся сединой. И черные брови, мрачно нависающие над глазами, когда хозяин чем-то недоволен. А сами глаза — немного неуместные на этом грубоватом лице — серые, умные, печальные. Глаза человека, познавшего все науки и прозревшего грядущее.

И не осмелился Грумми больше ни о чем спрашивать. И взял он земли со свежей могилы, и поймал змею, и заманил на окраину селения красивую девушку, связал ее и привез тайно в башню. Долго смотрел на нее Вариос, хмурил густые брови, потом приказал развязать, и запер на самом верху башни, вместе с совами и нетопырями.

А когда ночью привез Грумми труп матери, приступили они к самому страшному — к оживлению мертвеца. И еще до того, как труп стал подавать первые, ужасные признаки неестественной жизни, пожалел несчастный сын, что затеял это недоброе дело.

Начертил Вариос на каменном полу башни пентаграмму, зажег в каждом углу специальные, ароматные свечи. И вспыхнули линии пентаграммы, когда начал колдун читать заклинания.

Тяжелыми камнями падали страшные, нечеловеческие слова. Бросал чародей по углам дьявольского чертежа порошки, и наполняли башню запахи — то ужасные, как смердение трупа, то ароматные, как благоухание цветущего сада. И бросил колдун голову змеи, и присыпал ее могильной землей, и тогда по телу мертвой женщины пробежали первые судороги. Она лежала в центре чудовищного чертежа, уже посиневшая, тронутая смертью, с пятнами на лбу и щеках, и скрюченные пальцы ее судорожно царапали пол.

— *Нелуон, таул, хомонореум*, — нараспев читал Вариос, и труп содрогался в судорогах.

— Не надо, не надо — заткнув уши, шептал Грумми, — не надо, остановись, колдун, остановись...

— *Клеммал, серугих...* — Страшные хрипы раздавались из середины пентаграммы, мертвец стонал и кашлял, извиваясь, как недавно обезглавленная колдуном ядовитая змея.

Грумми зажмурился, обхватив руками голову. Что же мы делаем?! Мы идем против природы, против воли богов! Мы пытаемся отобрать у них то, что они взяли себе!

— *Агла! Касоли! Варф!* — кричал колдун, и мертвая — нет, уже не мертвая — старуха открыла глаза.

— Скорее! — крикнул Вариос. — Веди девушку! И подай мне жертвенный нож!

Грумми бросился наверх, второпях упал, расцарапал колени, раскровенил ладони, притащил сонную от выпитого накануне зелья, обнаженную

девушку, поставил ее перед извивающейся в су-дорогах матерью, бросился за ножом...

И в этот момент в дверь постучали. Громко и требовательно. Так стучит вернувшийся домой хозяин — властно, нетерпеливо. Грумми вопросительно глянул на Вариоса. Колдун прислушивался, нахмурив брови. Просители так не стучат. Этот человек не просит — требует! И если дверь не открыть, он будет ее ломать. Но, может быть, удастся завершить ритуал...

— Нож! — крикнул чародей, но Грумми только растерянно моргал.

Снаружи послышались проклятия, и двери затрещали от мощных ударов. Казалось, затряслись стены башни. Спустя несколько секунд створки распахнулись, и вошел высокий воин богатырского сложения, с обнаженным мечом в руке. Отблески пентаграммы заиграли на широком отполированном клинке. Окинув взором происходящее, гигант воскликнул:

— Клянусь Кромом! Я чуть не опоздал!

Вариос не двинулся с места. Прищурившись, он изучал незванного гостя. Грумми хотел что-то сказать, но, глянув на меч, покачал головой.

Не обращая внимания на мужчин, гигант подошел к девушке:

— Ты — Рахима? Отец пообещал за твое спасение десять золотых монет. Еще немного — и я бы не смог их получить!

Вариос, наконец, вкрадчиво произнес:

— Тебя наняли ее спасти? Я дам вдвое больше! Двадцать монет! Подумай... Кто она тебе?

— Я так не работаю, колдун, — в синих глазах воина зажегся недобрый огонь, — поэтому закрой свою смрадную пасть!

Подойдя к обнаженной девушке, он обнял ее за талию, отчасти поддерживая, отчасти показывая, что берет ее под свою защиту. Девушка едва доставала гиганту до плеча.

— А, кроме того, она мне нравится! — уже весело рывкнул воин. — Эй, слуга, принеси ее одежду!

Грумми поспешил исполнить приказ незванного гостя.

— Почему ты пришел ко мне, герой, — прошипел Вариос

— Где же еще искать похищенную красавицу, как не в берлоге колдуна?!

Внезапно серые глаза чародея подернулись дымкой.

— И ты... и девушка... — прошептал он, — мы еще встретимся...

Грумми, косясь на огромный двуручный меч, помог девушке одеться.

— Прощай, колдун! Если мы встретимся еще раз, я тебе не завидую! — И воин, поддерживая девушку, вышел из башни.

— Все... предопределено... — шептал Вариос. — Вы оба придете ко мне... оба... — Он вдруг схватился за шею. Тяжело опустился на скамью, пытаясь отдышаться.

Громкие стоны вернули его к действительности. Старуха встала и, шатаясь, вышла из пентаграммы. Мертвые глаза ее были открыты, по те-

лу проходили судороги, на губах пузырилась пена. Пятна смерти на лице старухи стали еще заметнее. Сделав несколько шагов, она припала к рукам сына, на которых оставалась полусохшая кровь.

— Ритуал не закончен! — прохрипел Вариос. — Она не должна вкусить крови!

Но было поздно. В оцепенении смотрел Грумми, как жадно слизывает, сгрызает мертвая старуха кровавые сгустки с его рук. С проклятием оттащил колдун труп старухи от ее несчастного сына. Мертвая начала выть, пытаясь извернуться и укусить оживившего ее чародея. Только хлопнув за ней дубовые двери и подперев их крепкой палкой, ибо засов гигант сломал, как соломинку, колдун и его слуга почувствовали себя в безопасности.

Леденящий вой мертвеца вскоре стих вдали.

— Он мне ответит за это! — воскликнул Вариос. — Клянусь, он ответит!

— Кто? — непонимающе спросил Грумми, пытаясь стереть с рук остатки кровавых сгустков.

— Этот человек! Он придет... сам придет к нам!

Тяжело дыша, Вариос рванул ворот туники.

— А как же теперь... Как же мать? — Грумми растерянно смотрел на хозяина.

Отдышавшись, Вариос долго молчал, сдвинув брови.

— Она теперь стала чудовищем. Ритуал был нарушен, — он скрипнул зубами, — но ты должен отработать у меня три года, ибо таков был договор!

— Но ведь... — начал Грумми.

— А кроме того, — колдун усмехнулся, — тебе теперь из этой башни нет хода: она попробовала твою кровь и будет за тобой охотиться.

Грумми с ужасом слушал чародея. Что они наделали?! Зачем, зачем решили оживить труп? Горе ослепило его, и он решился на ужасное, черное дело. Его мать, его любимая мать, такая добрая, теперь стала чудовищем. Живым мертвецом! Она будет ловить по ночам одиноких путников, раздирать им горло и пить, лизать, сосать, лакать свежую кровь. И охотиться за ним — за сыном, который должен стать слугой колдуна.

— И как долго он... она будет...

— Пока кто-нибудь не убьет ее... хотя сделать это нелегко — убить того, кто уже мертв... — в раздумье сказал волшебник. — А тебе, друг мой и помощник, — добавил он с усмешкой, — придется теперь прятаться в этой башне.

* * *

Проснувшись, Конан с хрустом потянулся. Нежные женские руки тут же обвили его шею.

— Подожди, Рахима... — С легкой досадой он освободился от объятий лежащей рядом женщины, поднялся с лежанки и вновь потянулся. Зевнул. Женщина наблюдала за ним, как львица за пробуждающимся молодым и сильным львом — хозяином прайда.

Она была благодарна ему за чудесное спасенье и еще больше за то, что он увез ее из неболь-

шого селения в славный Шадизар, где они вели веселую, разгульную, такую интересную жизнь. И очень боялась, что этот варвар, знавший многих женщин, пресытится ею и отправит обратно к отцу, ведущему скучную жизнь мелкого торговца.

Киммериец не спеша умывался. Рахима в который раз заморожено следила за игрой мускулов своего возлюбленного. Казалось, не может природа дать одному человеку такую силу!

— Конан, обещай, что не бросишь меня! Покайся! — Она выскользнула из-под одеяла и вновь попыталась обнять своего спасителя.

— Хм, хм... — Конан вытирался. — Ты уже в который раз требуешь от меня клятвы... Я же говорил, что не даю таких обещаний женщинам...

— Покайся хотя бы, что никогда не прогонишь меня!

— Ну... не прогоню... не прогоню.

— Нет, ты покайся! Покайся именем своего бога!

С досадой повернулся к ней северянин... но, увидев прекрасное обнаженное тело возлюбленной, смягчился. Эти темные глаза, которые еще недавно приводили его в трепет! Это смуглое тело, просящее... нет, требующее ласки! Полные алые губки, надутые в вечной детской обиде... Если эту женщину одеть, как подобает, она затмит собой всех красавиц Шадизара!

И под влиянием нахлынувших чувств, Конан сказал слова, о которых впоследствии не раз пожалел:

— Клянусь Кромом, что не прогоню тебя. Только если сама захочешь уйти...

Радостно бросилась Рахима на шею гиганта и долго со слезами прижималась к нему горячим телом...

— Все это хорошо, — проворчал Конан, освобождаясь наконец от объятий, — но у нас кончаются деньги.

— Я буду с тобой, даже если ты станешь нищим! Если ты будешь просить милостыню, я буду сидеть рядом с тобой! Если ты пойдешь по миру, с посохом вместо меча — я пойду с тобой, — радостно щебетала Рахима.

Только тут понял варвар, какую ошибку он совершил, поклявшись именем Крома. Вздохнув, проворчал:

— Нищим, говоришь, пойду? С посохом, вместо меча? — Конан попытался представить себя, устало бредущего от селения к селению с посохом в руке, и засмеялся.

— У меня припрятана в одном месте кубышка с алмазами — нищим не стану! Да и без кубышки не стал бы...

— Мы пойдем откапывать клад?! — Рахима хлопала в ладоши.

— Пойдем, только добраться туда теперь нелегко. В тех краях опять появились шайки разбойников, и еще...

— И что еще? — встревоженным голосом спросила Рахима.

Конан замялся.

— И еще рассказывают о какой-то мертвой

старухе, оживленной волшебством, которая нападает на путников. Я сразу вспомнил...

— Ту, что была в башне? Я помню смутно... Меня чем-то опоили...

— Да, там лежала явно мертвая, но дергающаяся в судорогах старуха... Думаю, это она куролесит...

— Но ты же ее не боишься, Конан? Ты же ничего не боишься?

— Колдовства, — сказал варвар, — бояться все. Но мы все равно поедem.

* * *

На рассвете следующего дня два всадника — северянин на огромном коне и закутанная в плащ девушка на быстроногом пегом скакуне — выехали из Шадизара в направлении Карпашских гор.

— Я боюсь, Конан, я боюсь старухи, — сказала Рахима.

— Днем мы можем ее не бояться: нежить охотится ночью.

— Тогда я боюсь разбойников! Ты сам говорил, что в предгорьях от них нет проходу!

— Страх отнимает силы, — Конан привстал на стременах и огляделся, — постарайся не бояться.

— А я боюсь! Любимый, давай вернемся и будем лучше нищими!

— Нет, — проворчал Конан, — нищим я быть не согласен...

— Конан, — продолжала девушка, — а ты слы-

шишь, как будто за нами кто-то едет? Стук копыт... Я часто его слышу...

Всадники остановились. Конан прислушался. Минута, другая... Нет, только испуганное дыхание его спутницы... Хотя... что-то издали донеслось... Нет, скорее всего, почудилось.

— Даже если кто-то и едет, что с того?

— Это за нами, — прошептала девушка, — я знаю... это за нами...

— Поспешим, нам нужно к закату достичь холмов, я там помню хорошую пещеру для ночевки. — И Конан пустил коня в галоп.

* * *

Тишина окутывала Рахиму мягким, тяжелым пологом. Но иногда из глубины пещеры ей чудились голоса. Да только ли чудились? Конану хорошо — он положил меч у правой руки, левой обнял ее и мгновенно заснул. Конечно, спит он чутко, но вдруг не успеет проснуться, когда их окружают те, чьи голоса доносятся из темноты?

Нечего сказать — хорошая пещера для ночевки! Уж лучше спать под открытым небом, видеть звезды... А тут... Давят мрачные каменные своды. Нависают, будто вот-вот обрушатся! Где-то мерно капает вода. И тишина. Мертвая, звенящая. А когда начинаешь прислушиваться — и долго, долго слушаешь тишину — из глубины пещеры доносятся голоса! Конан сказал, что не знает, как далеко простирается вглубь земли эта пещера... А значит, он не знает, кто тут может жить. А тут

живут... Не может пещера быть совсем необитаемой. Кто-то тут живет, и это их голоса слышатся в тишине.

Рахима прижалась к горячему телу возлюбленного и постаралась ни о чем не думать. Он обещал, он клялся, что не прогонит ее... А кто знает — бог его, этот Кром... Как он относиться к клятвопреступникам? Может, вполне терпимо... Завезет в такую пещеру и бросит, а тут отсиживается та самая мертвая старуха...

Из темноты донесся усиленный эхом старушечий кашель. Нет, нет, думала девушка, старуха ночью охотится... *Вот она и охотится... за тобой!* Нет, в пещере она отсиживается только днем, а ночью она на охоте, бродит, ищет... *А зачем ей бродить, если ты сама к ней пришла?* Нет, она не здесь, она где-то далеко, мы еще туда не доехали... *Ты не можешь знать, где она... Может, она уже рядом! Может, она уже приближается к тебе шаркающей походкой?*

Рахима уткнулась в грудь Конана. Нет, она не может быть тут... она... Шаги! Послышались тяжелые шаркающие шаги. Так ходит ее мать, там, в селении, дома... Она уже старая, и ей трудно поднимать ноги, и она ими шаркает... Все старухи шаркают ногами. Вот и эта... Почему Конан спит, как мертвый? *Мертвецы... Мертвецы тебя окружают!* Надо его разбудить... А вдруг, все это мне только чудится? Разбужу, а он рассердится и бросит меня тут, на съедение страшной мертвой старухе — той, которая сейчас приближается к ним в темноте, шаркая ногами. Шаги. Ближе.

Уже гораздо ближе! Сейчас, вот сейчас она выйдет на лунный свет — уж лучше бы луна и не заглядывала в пещеру — и подойдет, вытягивая руки и глядя мертвыми тусклыми глазами. Да, именно так — ее неподвижные, подернутые пеленой смерти глаза — впялятся в меня, и я не смогу ни закричать, ни пошевелиться... Уже не могу! Уже. Я могу только смотреть и ждать...

* * *

Рассвет застал Конана и Рахиму уже в пути. Недовольно щурясь на яркий солнечный свет, девушка со смехом рассказывала возлюбленному о своих ночных страхах.

Вопреки ожиданиям, Конан не смеялся. Нахмурившись, он буркнул:

— Почему ты не разбудила меня?

— Но... я боялась... Ты стал бы смеяться...

Конан внимательно посмотрел на девушку.

— Я не стал бы смеяться. Следующий раз, если что-то услышишь, буди меня!

Рахима внезапно почувствовала озноб. Почему он так пристально на нее посмотрел? Может, она ему уже давно надоела? По телу прошла волна холода, и девушка плотнее закуталась в плащ.

* * *

И вот теперь Грумми, подавая хозяйину чаши с порошками и стараясь не смотреть на светящиеся линии, вспоминал о том, как попал он к Ва-

риосу. Уже два месяца служит он колдуну, и два месяца рыщет где-то его мать. Он слышал по ночам, как воет она у башни, как царапает окованные железом дубовые двери... Нет, не сможет он покинуть эту мрачную башню, даже и по истечении оговоренного срока. Если только... если только кто-нибудь не убьет этого страшного монстра... его мать, которая живет теперь ужасной, неестественной жизнью.

А по округе ходят рассказы о нападениях какой-то мертвой старухи, высасывающей кровь. Правда, некоторые рассказывали, что кровь пьет не старуха, а некий молодой пастух, бесследно исчезнувший... Другие говорили, о двух братьях, бывших раньше охранниками, но отставшими от каравана...

Как-то Вариос сказал странную фразу, которую Грумми запомнил, хотя и не сразу понял ее смысл. Волшебник почти не выходил из башни, но всегда знал, что творится в округе. И он сказал... Он сказал... «Тараканы начинают плодиться». Потом ушел наверх и долго не появлялся.

По настоящему задумался Грумми над смыслом сказанного, услышав однажды, как вторит высокому вою старухи более хриплый голос, потом еще один... и еще...

Как всегда вечером, перед сном, Грумми обходил башню. Проверил, закрыты ли двери. Попробовал решетки на окнах. Посмотрел, закрыта ли дверь в подземелье. Под башней, по словам хозяина, находилось обширное подземелье, в которое даже он, хозяин, никогда не ходил. Точнее,

спускался только один раз — обследовать... Одно-го раза и хватило. На лице хозяина было странное выражение, когда он рассказывал о подземелье. Будто вспомнился ему давний, полузабытый страх. Пережитый и надежно запрятанный в глубинах памяти ужас, который внезапно вырвался и вновь овладел слабой человеческой душой.

Да, хозяин увидел в подземелье что-то страшное. Не зря повесил на дверь огромный замок, а саму дверь оковал железом и скрепил самыми сильными заклятиями. Самыми сильными из всех, которые знал. Но даже и при этом он заставлял Грумми каждый вечер проверять замок. Грумми подходил к двери, осматривал замок, прислушивался. Ни звука не доносилось из-за двери. Только однажды ему послышался чей-то хрип. Казалось, с той стороны кто-то стоит и тоже прислушивается, принохивается, ждет, поскуливает от нетерпения...

С ужасом поспешил Грумми отойти от двери.

Потом он опять пытался расспросить хозяина. Вариос отвечал неохотно. Грумми только узнал, что подземелье было выкопано задолго до постройки башни. Хозяин построил башню на каком-то старом фундаменте. И что за здание стояло на нем раньше — никто не знает.

— Твоя задача, — сказал колдун, тяжело глянув на слугу, — проверять замок! И если заметишь, что он висит как-то не так, в другом положении, сразу позвать меня! И не слишком прислушиваться!

С тех пор Грумми не прислушивался у той

двери. Но зато часто стоял у другой — у входной двери в башню, которую снабдили новым засовом — и слушал вой существа, бывшего когда-то его матерью.

И однажды он услышал, что мать уже явно не одна бродит в окрестностях башни. Были и другие. Такие же. А, может и страшнее. Тогда и понял Грумми, что имел в виду Вариос, когда говорил: «Тараканы начинают плодиться». И это понимание наполнило сердце бывшего камнетеса безысходностью и ужасом от содеянного им однажды черного дела.

А потом Вариос сказал:

— Я видел, они роют землю к востоку от башни. Они знают про подземелье. Чувствуют его. Чувствуют тех, кто там закрыт. И хотят выпустить. Или хотят с их помощью добраться до нас. В любом случае, мы в опасности. Придется пойти на крайние меры.

И вот — эта пылающая пентаграмма. И голоса, предвещающие появление одного из самых страшных демонов... Но если не заставить его уничтожить нежить, которая развелась в округе... Правда, вызывать демона не менее опасно...

И опять читал заклинания Вариос, и на сей раз голос его дрожал от страха. И страшными, непроизносимыми были слова, которые затягивались внутрь светящегося колдовского чертежа. И тяжело дышал колдун, и дрожали руки у его слуги, когда он подавал очередную чашу...

Наконец, Вариос проскрежетал последнее слово самого длинного заклинания, и заклубилось в

башне облако. Не посмели и хозяин, и слуга взглянуть туда, где проступало сквозь дым лицо существа, явившегося на их зов. А если бы осмелились глянуть на тот страшный лик, то не вынесли бы этого зрелища их слабые души и отправились на вечное мучение туда, где правит этот ужасный демон.

— О чем ты просишь? — донесся гулкий, как эхо горного обвала, голос.

— Очисти землю от той, кого мы породили, и от ее последышей — от всех, кого она превратила в упырей! Забери их к себе!

— Какова будет твоя плата? Что сможешь ты дать за это?

— Все, что захочешь... — прошептал колдун.

— Хорошо. Я выполняю твою просьбу. А плату потребую позже.

Крупная дрожь била Вариоса, когда он ответил:

— Да будет так.

И вой, доносившийся из-за дверей башни, исчез, будто невидимая рука разом заткнула все смрадные глотки.

— Теперь, — прохрипел Вариос, — мы можем спокойно выходить из башни...

— Я так соскучился по солнцу, — тихо сказал Грумми, — но... плата? Какую он потребует плату? И когда?

— Молчи! — зашипел колдун. — Молчи! Никогда не говори об этом! Никогда. Не смей напоминать мне...

* * *

Конан и Рахима скакали среди зеленых холмов. Карпашиские горы, высившиеся на горизонте подобно облакам, поражали величественной красотой. Тревожили душу устремленными к небесам белоснежными пиками, манили таинственностью и недоступностью, как манит простого воина красавица, мелькнувшая в окне дворца его повелителя.

Предгорья кишели бандитами. Конан выбирал еле заметные тропинки вдалеке от дорог, а часто и вовсе направлял коня в распадки между холмами, где не было даже тропинок. Рахима притихла и только плотнее куталась в плащ, стараясь закрыть не только тело, но и лицо.

— Ты замерзла? — удивился Конан.

— Да, меня знобит...

— В такой жаркий день? Ты не заболела?

— Может быть...

— Теперь придется скакать без остановок. Уже недалеко развалины замка Кушуха...

— Кто это? — безразлично спросила девушка.

Конан был рад отвлечь ее от болезни. Долго и подробно он рассказывал, как встретил здоровяка Кушуха, на которого было наложено заклятие, как они поехали искать исчезающий замок... И умолк, только тогда, когда заметил, что Рахима его не слушает.

— Ты все еще боишься старухи?

— Старухи больше нет — чужим голосом сказала девушка, — из этого мира она исчезла...

Конан встревожился. У нее лихорадка. Похоже, начинается бред. Она уже нетвердо сидит на лошади. Нужно останавливаться на ночлег...

Остановиться пришлось под открытым небом. Рахима, закутавшись в плащ, впала в забытие. Конан, пустив пастись лошадей, мрачно сидел рядом. Впереди еще два дня пути. Девушка, судя по всему, серьезно больна. Вряд ли она сможет держаться в седле. Кром!.. Придется остановиться на несколько дней. Добыть какую-нибудь дичь... Поить ее мясным бульоном... И ждать выздоровления.

Всю ночь Рахима стонала и бредила. Выкрикивала непонятные слова. Пыталась бежать. Билась в судорогах. Под утро, когда больная забылась наконец тяжелым сном, Конан рискнул оставить ее и осмотреть окрестности. Может быть, если удастся, добыть свежее мясо...

Невдалеке виднелась башня. Та самая башня...

На сей раз Конану не пришлось вышибать дверь. Его встречал небольшого роста, остроносый человек с усталым лицом. Слуга. А в башне, куда Конан занес укутанную в плащ девушку, в ожидании стоял хозяин — человек крепкого сложения, с грубоватым лицом и умными, насмешливыми серыми глазами. Тот самый колдун. Молча указал он на лежанку. Конан бережно уложил свою спутницу, плотнее укрыл ее плащом.

— Я помню тебя, чародей.

— И я тебя, герой.

— Ты должен ей помочь, — Конан кивнул на

лежащую в беспамятстве женщину, — у нее лихорадка, она бредит.

— Должен? — притворно удивился Вариос. — Должен?

— Должен, должен, — проворчал Конан, положив руку на рукоятку меча.

По достоинству оценив этот жест, Вариос молча, шутовски поклонился. Несколько мгновений Конан и колдун пристально смотрели друг на друга.

— А хорошо, что ты, герой, опять пришел ко мне, — наконец мечтательно проговорил Вариос.

— Ты, помнится, говорил, что мы еще встретимся... Как ты намерен ее лечить?

— О, это не сложно, мой помощник приготовит мазь...

Через час Грумми принес откуда-то сверху чашу с дымящимся, остро пахнущим зельем.

— Твою возлюбленную необходимо натереть, пока снадобье не остыло, — усмехнулся колдун, — и делать это придется мне — только я знаю, как нужно втирать мазь.

Вариос блеснул глазами.

— Ты готов предоставить мне ее тело? — Но, заметив, как потемнело лицо северянина, пряча усмешку, добавил: — Для растирания... только для растирания!

Когда Конан кивнул, он быстрыми движениями раздел девушку и, глубоко вздохнув, стал натирать ее дрожащее тело теплой мазью, одновременно разминая и растирая мышцы. По мере того, как зелье впитывалось, больная приходила в

себя. Перестала дрожать, реже стонала и даже один раз открыла глаза. Но далеко блуждала в этот момент ее душа — взгляд оставался слепым и бессмысленным.

С особым усердием растирал колдун упругие груди девушки, и только когда Конан издал недовольное ворчание, поспешно перешел на плечи и шею.

— Эй, Грумми! — крикнул Конан. — Я думаю, что хозяин твой сейчас велит собрать что-нибудь на стол и угостить гостя!

— Да, да, — прогудел Вариос, — собери, угости...

Слуга без особой спешки стал собирать все для трапезы. И тут Вариос сдавленно вскрикнул. Конан мгновенно очутился рядом.

— Ничего, ничего, — испуганно пробормотал колдун, — я просто вывернул себе палец... Ничего страшного.

Точными движениями чародей натер лоб и затылок больной, которая лежала теперь расслабившись и, казалось, крепко спала. Бережно укутав свою спутницу и убедившись, что ей лучше, Конан сел за стол. Вино было очень даже неплохим, копченое мясо вкусным, а хлеб, хоть и грубоватого помола, но тоже вполне съедобным.

— А ты неплохо устроился, колдун, — сказал Конан, насытившись. — Кто тебе привозит вино?

— Разные люди... — уклончиво ответил Вариос. — Те, кто просит моего совета или помощи...

— А что ты посоветуешь мне? Как быть с девушкой? Скоро она поправится?

Вариос посмотрел на Конана долгим взглядом.

— Поправится, — повторил он, — обязательно поправится... Уже завтра она будет... Вполне здорова. — И легкая усмешка промелькнула в его серых глазах.

— Выкладывай, колдун, что у тебя на уме, — мрачно пробурчал варвар.

— Ничего... — Вариос улыбался слащавой улыбкой, не вязавшейся с его грубоватым лицом. — Я же сказал, что она поправится...

— Ну, добро, — перебил Конан, — посмотрим, что будет завтра.

* * *

К ночи Вариос поднялся на самый верхний — третий — этаж башни и затащил приставную лестницу. Теперь никто не мог забраться к нему, разве что сумел бы, подобно его коту, уцепиться когтями за неровные каменные стены. И все же на душе у колдуна было беспокойно. Спать он лег, прочитав несколько охранных заклинаний и поставив лежанку в центр магического круга. В течение ночи он несколько раз просыпался и подолгу прислушивался. После чего с ворчанием опускал тяжелую голову на подушку и вновь ненадолго засыпал.

Конан спал на полу, у стены. Грумми, чью лежанку заняла больная, маялся на жесткой скамейке, предварительно оттащив ее к противоположной стене башни, подальше от этого вспыхивающего варвара.

Ночью где-то наверху, в стропилах, выл ветер. Мрачно ухали совы. Почти неслышно верещали, нащупывая дорогу, летучие мыши. Урчал и мяукал кот.

Конану снился огромный паук, спускающийся на толстой нити к самому лицу. Паук долго шевелил мохнатыми лапами у губ спящего варвара, — ибо и во сне Конан видел себя спящим. Он спал и не мог пошевелиться. А паук копошился над ним, раздумывал, перебирал суставчатыми лапами, смотрел пучками мутных бельм, думал о чем-то своем, паучьем.

И вот-вот опустится ниже, вот-вот вонзит отравленное жало в незащищенную шею!.. И не может двинуться Конан, и шевелится, отвратительно копошится над ним паук, то выпуская, то втягивая страшное жало, раздумывая, бормоча что-то человеческим голосом.

Смутно сознавал северянин, что голос паука чем-то похож на голос его возлюбленной, той, которую он поклялся никогда не прогонять...

«Нет, не могу», — услышал Конан, и все исчезло. Кошмарный сон отпустил. Смог, наконец, пошевелиться варвар, повернуться на бок и заснуть спокойным, безмятежным сном.

Утром Вариос долго и удивленно разглядывал Конана. Что-то бормотал себе под нос и качал головой.

Затем подошел к лавке, где спал Грумми. Слуга лежал окоченевший, изогнувшийся в предсмертной судороге. На лице застыла гримаса ужаса и боли.

— Мертв, — бросил колдун, будто и не ожидал ничего другого.

Конан мрачно глянул в бесстрастное лицо чародея. Что могло убить несчастного слугу? Вариос, конечно, ничего не расскажет, хотя, похоже, знает причину. Грумми умер в муках. Тело сведено судорогой. Что это? Яд? Но зачем колдуну убивать своего слугу? Может, он хотел отравить киммерийца?

Но Конан вспомнил, как Вариос пробовал вчера вино из каждой новой бутылки. Нет, похоже, чародей тут ни при чем. Но он знает, в чем дело.

И еще один удар ожидал северянина, — подойдя к лежанке, где спала Рахима, он увидел, что черты ее лица застыли, а взгляд полуоткрытых глаз потускнел.

Его возлюбленная умерла.

Взревев, Конан бросился к колдуну. Одной рукой сгреб его за одежду и поднял, как щенка, в воздух, другой — на шаривал на поясе рукоятку кинжала.

— Остановись, Конан, — кричал Вариос, — она не умерла! Остановись, я все объясню.

— Что ты мелешь?! Я достаточно видел мертвых на своем веку! Она умерла. И, клянусь, ты ответишь за ее смерть!

— Подожди, — вдруг спокойно сказал Вариос, — разве ты не видел во сне паука? Мне он тоже снился. Спускающийся паук...

Конан отпустил чародея. Да, теперь он вспомнил — мерзкий паук копошился над ним, бормотал, но не смог вонзить в него жало.

— Рассказывай, — тяжело сказал Конан, — и не вздумай юлить.

Вариос, поправив одежду, сел за стол, налил себе и Конану вина, выпил единым духом, собираясь с мыслями. Конан сел, но к вину не приотронулся.

— Помнишь, герой, как ты спас эту девушку, когда ворвался к нам во время ритуала?

Конан кивнул.

— Так вот: ритуал, благодаря тебе, не был завершен, и мы получили...

— Что это был за ритуал? — перебил Конан.

— Ритуал оживления мертвого тела, — ровным голосом продолжал колдун. — Я оживляла мать Грумми, по его просьбе...

— Дальше.

— А дальше полагалось принести жертву, но ты помешал, и мать... — Вариос замялся, — ...мать Грумми ожила, но вместе с тем, осталась мертвой. Стала чудовищем! Вдобавок ко всему, попробовала крови сына... Она бродила в окрестностях, нападала на путников и высасывала кровь.

— Где она теперь? — спросил Конан.

— Она стала слишком опасна, и я... мне пришлось... ну, словом, ценой невероятных усилий я сумел убрать ее из этого мира. Но, очевидно, перед тем, она успела повстречать твою девушку.

— Когда? — недоуменно спросил Конан. — Я всегда был с ней рядом!

— Ты мог и не заметить, герой. Она, вероятно, пришла, ночью, во время сна...

Конан потер лоб. Да, кажется Рахима, после ночи в пещере, рассказывала про какие-то ужасы, чудившиеся ей в темноте...

— Так ты поэтому вскрикнул?! Ты увидел на ней...

— Да. Следы укуса.

— Почему ты мне не сказал, колдун? — гневно произнес северянин. — Ты хотел...

— Да, — спокойно ответил Вариос, — я хотел, чтобы она укусила тебя. Ведь это ты во всем виноват! Но она не смогла... Очевидно, очень сильно любила... любит тебя.

— Как может любить труп? — воскликнул Конан. — Ведь она теперь мертва!

— И да, и нет. Она живет теперь другой жизнью, и мы не должны позволить ей пить кровь. Иначе, через короткий промежуток времени, этих тварей тут будет, как тараканов.

— Что же нужно делать?

— Нужно надежно запереть их.

— Их? Кого?... Ах да, еще твой слуга...

— Да, бедный Грумми... Под этой башней есть подземелье — туда нужно отнести мертвецов. Оттуда им не будет ходу... Только тогда мы будем уверены, что они не причинят никому вреда.

— Хорошо, открывай свои подвалы, колдун...

Конан долго смотрел в лицо возлюбленной.

Бедная девушка! Он, Конан, спас ее от смерти, а в результате ей оказалось уготована худшая доля. Там, во мраке подземелья будет бродить она, снедаемая вечной жаждой, мучаясь и, возможно, проклиная своего спасителя. Как хотела она, как

просила, чтобы он ее не бросал... И вот теперь... Ну, теперь, он свободен от клятвы. Она умерла. Будем считать, что она умерла. Кром это видит. Он не осудит. Просто она будет похоронена не в могиле, а в подземелье.

Тяжело вздохнув, Конан поднял на руки легкое тело Рахимы и шагнул в темноту, нащупывая ногами ступеньки. Вариос зажег факел, висевший на стене за дверью. Стало светлее, и варвар увидел уходящую в темноту лестницу. Из глубины пахло сыростью. Прижимая к себе холодное тело девушки, Конан осторожно спускался по ступеням. Тянуло запахами гнили, разложения, тления.

— Положи ее на площадке и возвращайся за Грумми! — крикнул Вариос.

— А своего слугу, — Конан оглянулся, — ты отнесешь сам, колдун!

— Хорошо. — Чародей взвалил окоченевшее тело Грумми на плечи, немного помедлил, о чем-то раздумывая, затем шагнул на ступени.

Почувствовав под ногами ровную поверхность, Конан осторожно положил тело девушки на пол. Свет факела метался далеко наверху. Тут, внизу — темнота, могильная сырость и запахи. Может, колдун попросту сваливал сюда трупы? Если бы удалось принести в жертву девушку — стал бы он ее хоронить? Скорее всего — бросил бы в подземелье. Жаль, что факел остался наверху... возможно, тут навалены горы трупов...

Конан провел ладонью по лицу девушки, ощутив ледяной холод. Что теперь? Нужно ли ее

как-то похоронить? Может, тут есть старые склепы? Странно складывается жизнь — он спас Рахиму от смерти, но обрек на вечное замогильное бдение в сыром подzemелье... Где там колдун со своим слугой?!

С рычанием Конан бросился наверх. Не будь он так угнетен смертью девушки, он бы понял раньше!.. Он бы сообразил!..

Почти у самых дверей — у закрытых дверей! — лежало сведенное судорогой, окоченевшее тело Грумми.

Кром! Второй раз за последнее время он попал в ловушку! Неужели коварство Кушуха ничему его не научило?!

В бешенстве Конан обрушил тяжелый кулак на окованную железом дверь. Если бы она открывалась в другую сторону!.. Он вышиб бы любой замок!

Но тяжелая дверь могла распахнуться только внутрь, а с этой стороны не было даже ручки. Хорошая, крепкая, надежная дверь... Сделана на совесть и, вероятно, с учетом того, что ее будут пытаться открыть изнутри.

Проклятье!

Конан еще раз гулко впечатал кулак в толстые листы железа, надежно предохранявшие дерево даже от ударов меча.

— Это бесполезно, герой, — раздался спокойный голос колдуна, — тебе придется познакомиться с обитателями подземелья. Да помогут тебе боги.

* * *

Больше всего злился Конан на самого себя. Как можно было настолько забыть?!. Как можно было довериться колдуну?!

Оставалось надеяться, что эта ловушка все же не столь совершенна, как та, в которую заманил его недавно Кушух в подземных лабиринтах Исчезающего замка.

Взяв факел, Конан вновь направился вниз, намереваясь обследовать подземелье. Факел, по счастью, светил в полную силу.

Пройдя мимо мертвого тела Грумми, он остановился. Что-то было не так! Что-то изменилось... Труп слуги... Его поза... Прежде мертвец, скорчившись, лежал на боку.

Конан вернулся и поднес факел. Несомненно, поза мертвеца изменилась. Теперь он, вытянувшись, лежал на спине.

Полуоткрытые глаза поблескивали белками. И выражение лица... Утром в лице слуги читалось страдание. Теперь, скорее, безмятежность... Казалось, даже легкая улыбка тронула мертвые губы Грумми. Конан наклонился, вглядываясь в лицо мертвеца. Опять изменение... Теперь, похоже, злорадная усмешка, как у его хозяина...

Может, процессы разложения заставили свежие судорогой мышцы расслабиться? А выражение... При свете факела трудно быть уверенным...

Но почему так не хочется поворачиваться к нему спиной? Кажется, что он смотрит, ждет...

Стоит отвернуться... и — что тогда? Прыгнет на спину?

Сжав челюсти, Конан заставил себя повернуться и продолжить спуск. Позади было тихо. Нет, кажется, слышался какой-то звук... Звук когтей, скребущих по камню... Не останавливаться! Факел не может гореть вечно, а нужно осмотреть подземелье и найти выход!.. Теперь, будто кто-то тихо спускается следом... Или это эхо его шагов?

Что имел в виду колдун, сказав про обитателей подземелья, с которыми ему придется познакомиться? Вряд ли — крыс, которых тут, конечно, множество. Нет, чародей говорил о других обитателях...

В душе любого, даже самого отважного человека, найдется место страху. Смелый тоже боится. Может, чуть меньше, чем тот, кто рожден трусом... Главное — храбрец может преодолеть страх, а трус — нет. Смелый, размышляя Конан, шагая по ступенькам, может подавить страх, загнать его вглубь, запереть, не позволить ему овладеть своей душой. Страх, конечно, будет время от времени выползать — холодной, длинной змеей леденить сердце, шевелить волосы, заставлять цепенеть мышцы...

Конан достиг конца лестницы. Что-то и тут изменилось... Где?.. О, Кром! Где его Рахима?! Где тело Рахимы?! Где *мертвое тело* девушки? Утащили? Значит, действительно тут... А почему — утащили? Конан перевел дыхание. А что, если она *сама ушла*? Но это... что? Невозможно? В этом ми-

ре нет ничего невозможного! Тем более тут, в подземелье, над которым высится мрачная башня колдуна! Чародей говорил о старухе, о нечисти, которую она наплодила...

Медленно, стараясь не производить лишнего шума, Конан обнажил меч. Если придется... Если придется, он разрубит даже свою любимую! Нет, *мертвое тело* своей любимой. Ибо это будет уже не она. Это будет монстр, ужасная нежить, которая не должна осквернять землю! Но ведь... ведь она не стала — не смогла его укусить... она его любила. Любила, даже став чудовищем...

Вдалеке, где-то в самых глубинах подземелья раздался далекий вой. Похожий на волчий, но все же другой. Выл не волк. Выл... человек? Не человек, конечно, уже не человек... Но как же велико это подземелье! Конан поднял факел.

Прямо и направо — коридоры, выложенные неровным, сочащимся влагой камнем. Еще один, с земляными стенками, как большая нора, темнел слева. И опять лестница. Конечно же — вниз. Именно оттуда, кажется, и доносился вой.

Куда идти? Вниз? Уничтожить того, кто воет, пока он не напал сзади в темноте? Конан глянул на факел. Насколько его хватит? Нужно искать выход, а внизу его вряд ли найдешь...

Решительным шагом северянин направился в тоннель, напоминающий нору. Язычком пламени факела отклонились. Похоже, где-то постукает воздух...

С земляного свода свисали причудливые корни, извивались в неверном свете факела, мета-

лись черными тенями, норовили вцепиться в волосы.

Позади вновь послышался далекий вой. Еще один — более хриплый... Это уже впереди... Его окружают? Да, похоже, его окружают те самые твари, о которых говорил колдун.

Конан взял меч наизготовку и спокойно пошел вперед. Тоннель достаточно широк для замаха... Страх уже не было. Страх остался там, где лежит, готовясь к неестественному пробуждению, тело Грумми, где лежала Рахима. С кем он встретится сейчас? Это не так уж важно: меч разрубит и живого, и мертвого.

Вой теперь доносился, казалось, со всех сторон. Конан не останавливаясь, шагал по тоннелю. Темнота, напуганная светом факела, нехотя раступалась перед ним, и тут же стремительно смыкалась позади. Корни теперь уже явственно шевелились — от них приходилось уворачиваться, как от цепких, корявых пальцев — жадных, норовящих вцепиться в горло.

Неровные стены тоннеля бугрились вздутиями, похожими на созревшие нарывы... Вот-вот лопнут, источая гной и выбросят в мир... что? Очередного монстра? Очередное сосущее кровь чудище?

С тревогой заметил Конан, что тоннель сужается. Теперь уже не только с потолка свешивались живые корни — и с боков тянулись их мерзкие лапы-щупальца, готовые в любую минуту вцепиться в руку, в бок — разорвать, углубиться в мягкую, сочащуюся кровью плоть.

Если тоннель слишком сузится... Конан несколько раз взмахнул мечом. Пока еще места достаточно. Но вот дальше... Многоголосый вой катился лавиной.

Внезапно сбоку открылась темная дыра. Не тоннель — просто лаз, не более полутора метров высотой. Посмотреть, что там... Или кто там...

Согнувшись, Конан осветил внутреннюю полость — небольшую пещеру. Достаточно объемную, чтобы размахнуться. Если встать немного сбоку от входа — можно спокойно перерубать на двоє каждого, кто сунется!

Скользнув в пещеру, Конан воткнул в стену факел. Выбрал позицию. Теперь он готов.

Вой приближался. Высокие, вибрирующие голоса. С яростным хрипом. С присвистом, с шипением.

Конан застыл в ожидании. Приближение неведомой опасности и вынужденное ожидание, когда секунды превращаются в минуты, минуты — в часы, а часы — в вечность... Впрочем, вряд ли ему придется столько ждать.

Теперь можно было слышать, что к вою примешиваются другие звуки — стоны, выкрики. Человеческая речь из пасти чудовища?

Казалось, будто стая волков, царапая когтями земляной пол, промчалась мимо. Звуки удалялись. Конан позволил себе немного расслабиться. Не почуяли? Проскочили мимо? Вряд ли это надолго. Скоро они поймут, что сбились со следа. И вернуться. Интересно, как они выглядят? Как волки? Скорее, топот этой воющей и визжащей

стаи напоминал топот своры собак. Волки так не шумят...

В отверстие одним движением проскользнуло существо и остановилось, ослепленное светом факела.

— О боги! Рахима! — воскликнул Конан. — Что с тобой стало?!

Существо не дышало. Обнаженное, посиневшее тело, принадлежащее когда-то его возлюбленной, застыло в абсолютной неподвижности. Темные пятна тления на груди, животе и, что самое неприятное, на лице. Впрочем, лицом это назвать уже нельзя. Глаза — прекрасные глаза Рахимы — налились кровью и злобой, нижние веки обвисли, открывая полости, полные гноя, рот в жутком оскале обнажил неимоверно удлинившиеся зубы.

Существо зашипело и приготовилось к прыжку.

— Рахима! Ты меня узнаешь? — ласково говорил воин. — Это же я, Конан, тот, которого ты любила! Разве ты меня не помнишь?

Варвар-киммериец представлял собой идеальную боевую машину. Губы его шептали успокаивающие слова, а тело, независимо от этого, готовилось к бою. До предела обострилось восприятие, мышцы приготовились к резкой, взрывной нагрузке, и сосредоточенность на предстоящей схватке стала абсолютной. Сейчас Конан был не менее быстр и не менее опасен, чем застывшее перед ним страшное существо, не принадлежащее более к этому миру.

Тварь метнулась вправо-влево и прыгнула.

Невероятно быстрые, неуловимые глазом движения! Конана спасли рефлексы воина и первобытное чутье варвара. Казалось, сами боги направили удар его меча... Разрубленная до пояса мертвая женщина, с ненавистью глядя в глаза бывшего возлюбленного, умирала вторично...

Вновь раздался вой стаи. Они возвращались. Конан встал, как и намечал, немного в стороне от входа. Тварь — на сей раз, действительно похожая на животное — с воем скользнула в пещеру. Еще один точный удар — и разрубленное пополам чудовище издыхает, разбрызгивая черную кровь.

Вторая тварь — еще удар. Третья, четвертая, седьмая, десятая... Последним был Грумми. Изменившийся, но пока еще похожий на человека...

Тринадцать волкообразных тварей насчитал воин. И еще два монстра — Рахима и Грумми... Грустно стоял Конан над останками своей возлюбленной. Но все же... все же — это лучше, чем превратиться в...

Теперь можно было рассмотреть этих похожих на волков чудовищ. Покрытые шерстью тела, но лапы мощнее и сильнее... а головы... не человеческие, конечно, но... Все они раньше были людьми. Какие-то следы человеческих черт на оскаленных мордах... Возможно, именно такой стала бы его Рахима... Меч освободил ее от этой участи.

Убедившись, что монстры издохли, Конан пробрался к выходу.

Тоннель... Он действительно сужался... Но, почувствовав однажды свежее дуновение, воин под-

нял голову и увидел луну и звезды. Кто-то сверху прорыл длинный, пологий лаз...

* * *

К удивлению Конана, двери башни были распахнуты. Обнажив меч, он осторожно вошел внутрь. На стенах горели факелы. Черный кот ласково потерся о его ноги...

Вложив меч в ножны, Конан долго смотрел на слегка раскачивающегося на длинной веревке человека. И хотя лицо его посинело и вздулось, а почерневший язык вывалился изо рта, в нем еще можно было узнать колдуна Вариоса.

А под ним, пульсируя, как насыщающаяся пиявка, горела голубоватым светом демоническая пентаграмма с зажженными по углам ароматными свечами.

Последний из племени Вармина

Громное заходящее солнце печально прощалось с раскаленной землей. Отбрасывая причудливые колдовские тени, по пыльной дороге неторопливо двигались два всадника.

Один из них, высокий широкоплечий воин — владетель породистого вороного жеребца — привстал на стременах и огляделся.

— Теперь уже недалеко, — негромко сказал он спутнику — человеку маленького роста, скорее даже карлику, неуклюже сидевшему в седле небольшой пегой кобылы.

Карлик вытянул длинный крючковатый нос, украшенный двумя большими бородавками.

— Ах, Конан, если бы ты осмотрел верхние ярусы башни... А теперь *она*, скорее всего, исчезла...

— Вряд ли кто-нибудь станет шариться в логове повесившегося колдуна, — проворчал воин. — Если она у него была, значит, там и лежит.

— Хорошо бы... — Карлик вздохнул, почесал аккуратную, любовно подстриженную бородку и тронул пятками кобылу. — Поспешим: скоро стемнеет, а приехать в те края ночью...

— Там никого нет! — перебил Конан. — Старуху уничтожил сам колдун, а я перебил тех, что сидели в подземелье! Я же тебе рассказывал!

— А ты уверен, что перебил всех? — настороженно спросил карлик.

— Можешь спуститься и проверить сам.

— Да уж, наверное, придется спуститься. Я думаю, что подземелье, над которым стоял храм, построенный самим Вармином, где-то обязательно соединяется с его царством. Ах, какой это был храм, — продолжал карлик мечтательно, — какие фрески, какие самоцветы украшали алтарь! Все разграблено, разрушено... И в довершении всего, на развалинах колдун воздвиг свою мерзкую башню!

— Подожди, Хепат, ты же говорил, что тебе нужна только книга? — Конан недовольно глянул на спутника. — Теперь ты собираешься спускаться в подземелье!

— Книга в первую очередь, — кивнул карлик, — но разве тебе не хочется отыскать вход в древнее царство гномов? В царство, где лежат и ждут нового хозяина сундуки с драгоценными камнями? Где из золота лили кружки для воды и вина?

Конан крякнул. Посмотрел на солнце. Почесал за ушами коня, нетерпеливо переступавшего копытами.

— Конечно... сокровища, это хорошо. Но у меня в одном месте тоже припрятан горшок с алмазами — может, мне лучше откопать его, а не гоняться за призрачными сундуками?

— Ты не веришь? Ты не веришь последнему гному из племени великого Вармина?! — Хепат гордо выпрямился и чуть не выпал из седла.

— Хуже лошади может быть только корабль, — пробормотал он и продолжил:

— Конан, я видел эти сокровища. Мне они не нужны. Мне нужна книга и еще одна вещь — она лежит в самом сердце старинного царства гномов... Если ты будешь моим спутником и защитником... все сокровища...

— Ладно, я же поехал с тобой! О чем тут еще говорить?!

— Конечно, я очень рад... И если мы спустимся в подземелье и отыщем вход в древнее царство...

Конан промолчал. Хепат неуверенно продолжал:

— Вначале мы отыщем книгу... Она даст мне силу...

— Колдовскую силу, — мрачно уточнил Конан.

— Колдуны бывают разные... Я уверен, что никогда не стану злым...

* * *

Через два часа жара спала, повеяло прохладой. Лошади, чувствуя скорый отдых, бежали резво. Тем не менее, к башне товарищи подъехали уже в сумерках. Спешившись и посмотрев,

как Хепат ерзает в седле, примериваясь и в то же время опасаясь спрыгнуть, Конан взял его за шиворот, снял с лошади и поставил на землю. Гном встряхнулся и как будто хотел что-то сказать, но, глянув на темный силуэт башни, передумал. Точнее, сказал, но совсем не то, что хотел:

— Конан, неприкаянная душа колдуна может все еще обитать в башне...

Посмотрев на редечные волосы на макушке гнома, варвар пробурчал:

— Страшиновато? Но ты же хочешь стать колдуном?! Привыкай!

— Я не собираюсь иметь дело с демонами и духами! — с негодованием ответил гном, запрокинув голову и сясь разглядеть в сумерках лицо товарища.

Далекий, заунывный вой донесся со стороны башни. Челюсти Хепата громко лязгнули.

— Те, в подземелье, тоже выли... но вроде по-другому... — Конан в раздумье поскреб гладко выбритый подбородок. — Скорее всего, это просто волки.

Однако гном заметил, что рука его товарища опустилась на рукоять меча.

— Я думаю, лошадей нужно завести в башню.

— Да, конечно, — согласился гном, — если только они пойдут...

— Пойдут, если не хотят, чтобы их сожрали волки.

— Да, да... если это волки...

Конан вздохнул, вручил Хепату два поводка, обнажил огромный обоюдоострый меч и реши-

тельно двинулся к дверям. Гном торопился следом, отчаянно дергая уздечки. Вой повторился. На сей раз, гораздо ближе. Пегая кобыла испуганно заржала. Хепат зашипел на нее, как разъяренный кот, и с утроенной силой потащил коней к распахнутым дверям мрачной башни. Пахнуло сыростью. Гном, упираясь, изо всех сил тянул лошадей. Кобыла опять заржала, и, будто в ответ, многоголосый вой донесся из-за башни.

Совсем рядом! Где же Конан? Почему он не поможет?! Хепат чуть не плакал от отчаяния. Сейчас выскочит стая и набросится сначала на коней, потом на него, или нет — сначала на него, Хепата, а уж потом на коней!

Сильная рука вырвала у него уздечки, и через минуту и кони, и гном очутились внутри башни. Затхлая темнота накрыла Хепата будто одеялом.

— Не могу найти факел, — пробормотал Конан, — должно быть, он с другой стороны...

Ну, темнотой-то гнома не испугать, с облегчением думал Хепат. Он стоял у самых дверей, поглаживая массивный запор и прислушиваясь к далекому теперь вою. Очевидно, стая устремилась на поиски новой добычи. Хепат сосредоточился и, как умеют делать все гномы, расширил зрачки. Темнота отступила. В сером сумраке он увидел вслепую шарящего по стене Конана, нервно переступающих копытами коней и большой, квадратный стол в обрамлении четырех массивных скамеек. И... длинную фигуру повесившегося колдуна. В страхе Хепат зажмурился и тут же проклял себя за это проявление трусости.

Он никогда не отличался храбростью, как его старшие братья. Он был — да! — немного трусоват, но, зато, пока его братья становились доблестными воинами, он многое изучил и многое узнал. Братья, конечно, над ним смеялись — но где они теперь? Где его смелые братья? Сгинули. Погибли в неравном бою, потому что в их понятии отступить — значит струсить! А он, Хепат, отступил и остался жив. Жаль, что братья его не послушали. В той битве погибли последние гномы из племени Вармина.

Когда-то царство великого Вармина процветало, хоть никогда не было большим. Правитель предпочитал жить обособленно. Может быть поэтому численность племени постепенно уменьшалась, дети часто умирали или рождались уродами; их бросали в бездонную расщелину, из которой тянуло гарью и серой. Этот провал в недра земли в плохие годы, когда слишком многие табу нарушались, сердился и изрыгал пламя, в котором однажды, не успев убежать, сгорели десять достойных гномов. А в битве с дикарями, забравшимися случайно в одну из пещер, погибли последние отпрыски племени Вармина.

Хотя, нет — последний, он, Хепат, все еще жив и собирается вернуться в старое царство. Хоть ненадолго, но вернуться. А для этого надо найти иной путь, ибо тот, которым он пользовался с братьями, теперь недоступен. Кроважадные дикари с лицами на груди и невероятно длинными руками, захватили несколько пещер. Хорошо, что Хепат успел нажать на потайной рычаг и навсе-

гда завалить проход, ведущий в основные пещеры царства Вармина. Тогда трусость помогла ему спасти от разграбления древнее царство. Вот только, не рано ли нажал он на рычаг? Может, братья были еще живы? Может, они согласились бы отступить? Нет, не согласились бы... А дикари могли ворваться в любой момент... Он поступил правильно. И тем не менее, постоянное чувство вины мешало ему жить, преследовало по ночам тягостными снами, в которых он, раз за разом, оставлял братьев на растерзание дикарям. Но все-таки тогда его трусость помогла перекрыть проход в царство Вармина.

А вот теперь трусость сослужила ему плохую службу. Испугавшись мертвеца, он зажмурился, да так крепко, что перед глазами поплыли красные и желтые круги. И зрачки, конечно, вернулись в первоначальное положение. Теперь его вновь окружала вязкая темнота. И вновь навалились запахи — сырости, плесени и тления. И он стоял жалкий и несчастный, вспоминая жуткий раскачивающийся силуэт на веревке. А почему он раскачивался? Сквозняка в башне вроде не было! А труп колдуна — это он видел ясно — медленно качался, будто... будто...

Хепат вспомнил, как он, еще совсем мальчишкой качался с братьями на качелях. Братья показали, как можно раскачиваться без посторонней помощи — раньше его, самого маленького, всегда подталкивал кто-то из старших. Раскачиваться оказалось очень просто. Надо было ритмично откидываться назад, а затем подаваться вперед.

Вперед-назад. И можно развлекаться самому. Как этот страшный труп колдуна... Ему скучно висеть тут одному... вот он, и развлекается... Скучно одному... А теперь он и не один... Хепат представил, как растянутся в ухмылке застывшие мертвые губы колдуна, как радостно вдруг блеснут тусклые глаза, как исчезнет в них смертная пелена и пробудится отвратительная, противояственная жизнь...

Что же Конан никак не может найти факел? И почему так тихо? Даже лошади перестали бить копытами, и кажется, к чему-то прислушиваются... Может, надо крикнуть? Спросить Конана, почему он так долго ищет факел? Но он рассердится, этот вспыльчивый варвар. Чего доброго, еще скажет — иди, ищи сам. И что тогда? Искать факел? Шарить в темноте, опасаясь наткнуться на холодное тело висельника? Хотя, нет... он же висит в центре... Если не слез... Может, он уже слез с веревки и теперь в темноте приближается к нему, бедному гному... И кто знает, как скоро его иссохшие, холодные руки схватят, вопьются, вонзят отросшие когти...

Раздался частый дробный стук. Кто это стучит?! Будто кто-то чужой — чуждый этому миру и этой жизни, ненавидящий саму жизнь, пытается войти, пробраться внутрь... Хотя... он же и так — внутри... Зачем, зачем он стучит?.. Может быть... да, стук похож... будто стучат костью о кость...

Вспыхнул факел, и Хепат понял, что это за дробный стук костей раздавался в темноте — это

стучали его собственные зубы. Со стыдом, от которого кровь бросилась в лицо, гном понял, что от испуга начал выбивать зубами джигу. Слышали Конан? Он, будет смеяться...

Впрочем, гном тут же забыл обо всем, впившись взглядом в мертвеца. Перед ним, вытянувшись, висела мумия. Труп высох, съежился, и совсем не раскачивался. Застыл в выжидании. Вывалившийся язык его походил на птичью лапу, глаза запали так, что было непонятно — то ли они просто высохли, то ли их выели черви или выклевали птицы. А могут ли птицы осмелиться на такое — выклевать глаза колдуну? Наверху гулко заухала сова, и Хепат подпрыгнул от неожиданности. Наверное, могут... Но эта сова... Она охраняла труп хозяина... Нет, глаза у него на месте... Пройдет немного времени, и он, Хепат, в этом убедится... Тяжело дыша, гном вдруг понял — вскоре ему предстоит встретиться взглядом с колдуном... С мертвым колдуном.

Конан зажег еще один факел.

— Похоже, нам придется остаться тут на ночь. Где-то в окрестностях рыщет волчья стая!

— Остаться... здесь?.. — пролепетал гном. — А как же... а я думал, мы возьмем книгу и...

— И двинемся ночью? Чтобы попасть волкам на ужин?! — Конан осмотрел запор на двери, усмехнулся, очевидно, что-то вспомнив, затем подошел к другой двери — закрывающей вход в подземелье. Долго стоял, нахмурившись. Потрогал массивный замок. Ничего не сказав, вернулся. Сел за стол.

Оробевший Хепат стоял рядом. Лошади опять стали бить копытами. Кобыла тонко заржала, будто на что-то жаловалась. Ночевать с мумией? Да еще в башне, где мечется, не зная покоя, черная душа колдуна?!

— Не бойся, старина, — в синих глазах Конана гном заметил сочувствие, — мы поспим наверху, а мумия будет висеть тут, внизу. Ничего страшного!

— Да, конечно, — взбодрился Хепат, — наверху, это хорошо. Там же и книга где-то...

Он со стыдом подумал, что из-за своих страхов совсем забыл о цели их путешествия — о книге, в которой должна быть заключена мудрость древних чародеев.

* * *

Книга лежала на виду. На грубо сколоченном столе, сиротливо стоявшем у стены на втором ярусе башни. Кроме стола, тут имелась низкая жесткая лежанка и два грубо сработанных стула. В узкое окно, или даже, скорее, бойницу, заглядывала ущербная луна. Товарищи молча разглядывали загадочную книгу. В толстом кожаном потертом переплете, немного обгоревшая с одной стороны, она лежала, как приманка. Как кусок мяса в волчьей ловушке.

— Он что, постоянно ее читал? — в недоумении произнес Конан.

— Нет, такие книги постоянно не читают, — прошептал Хепат, — в них заглядывают только

тогда, когда возникает необходимость... Да и то, предварительно произносят охранительные заклинания. Тут что-то не так...

— А, может, у него просто тайника не было? Зачем ему тайник? Воры к нему не полезли бы даже за бочкой золота!

— Нет... что-то не так, — шептал гном, — прежде чем прикоснуться к книге, нужно подумать...

— Я поднимусь на третий ярус, — сказал Конан, — посмотрю, что там... А ты пока подумай...

Захватив факел, северянин по шаткой лесенке поднялся наверх. Хепат опять остался один в темноте. И вновь он ощутил если не страх, то, по крайней мере, тревогу. Темнота... Темнота его не пугала. Если бы не мертвец на веревке, там, внизу!.. Хепат прислушался. Вот тяжелые шаги киммерийца наверху. Скрипят половицы. Внизу тихо. Тихо ли? Переступил копытами конь. Еще какой-то звук... Скрип? Похоже на скрип. Именно так скрипели качели, когда он в детстве учился раскачиваться. Колдун опять стал играть в свои игры! Мертвый колдун, если он не погребен с соблюдением необходимых обрядов, — страшнее живого... Гораздо страшнее. С живым еще можно договориться... С мертвым — никогда... Мертвые скорбят о своей кончине и ненавидят живых. Хепат вспомнил, какие звуки раздавались иногда в пещерах, где гномы хоронили умерших. Стоны, вздохи, временами плач, стенания. Никто не отваживался без дела подходить к тем пещерам. Только для совершения обряда погребения и

вместе со жрецом. И только после того, как он прочитает охранительные заклинания, крепко запирающие дверь в царство мертвых...

Спустился Конан.

— Там тоже лежанка и скамейка. Еще два сундука с одеждой. Я проверил — ничего ценного.

Гном, подавляя дрожь, сидел молча. Зевнув во весь рот, Конан продолжал:

— Ты можешь спать тут, а я — наверху, — но, поймав испуганный взгляд Хепата, добавил: — или наоборот.

— Нет... лучше тут... Ты ложись на лежанку, а я посижу еще, подумаю... — залепетал гном.

Крякнув и пробормотав: «Как хочешь», Конан загасил факел, растянулся на узкой лежанке и через несколько минут уже похрапывал.

Помимо воли, Хепат вновь стал прислушиваться. Снизу явственно доносились какие-то звуки... Крысиный писк... Конское фыркание... И что-то еще. Трудно было расслышать. Мешал храп Конана, мешало завывание ветра наверху. Гном задержал дыхание и весь превратился в слух. И услышал то, чего так боялся, — скрип. Так скрипеть могла только веревка, на которой висел высохший труп колдуна. Зачем он раскачивается? Для чего? Хочет сорваться? Освободиться от петли?

Стараясь дышать как можно тише, Хепат встал со стула, на цыпочках подошел к спящему другу и присел, скорчился у его ног.

Заржали кони. Внизу творилось что-то нехорошее. Хепату послышалось приглушенное бор-

мотание, будто кто-то вполголоса читал заклинания. Замяукал кот. Странно, успел подумать гном, никакого кота мы не заметили, — где же он прятался? Неразборчивое вначале бормотание, теперь слышалось ясно и отчетливо. С ужасом разобрал Хепат некоторые слова древнего заклинания. Нужно будить киммерийца! Нужно... что? Бежать? Но как? Ведь внизу оживший мертвец!..

Ощувив чье-то прикосновение, гном вздрогнул, едва удержавшись от крика. Хвала богам! Это Конан. Конечно, он давно не спит... Конечно, этот шум, эти заклинания и мертвого поднимут!.. «Поднимут... мертвого... Поднимут... мертвого», — застучало в голове Хепата.

Внизу раздался глухой удар. Будто что-то тяжелое упало на пол.

Конан совершенно бесшумно поднялся и запалил факел. Даже в эти минуты Хепат успел удивиться, как стремительно, плавно и бесшумно двигался гигант-киммериец. Словно тень, скользнул он к люку и, склонившись, осветил первый этаж башни.

Хепат посмотрел на книгу.

Она была открыта...

— Проклятье! — воскликнул вдруг Конан и быстро отошел от люка. Факел он теперь держал в левой руке, а в правой неожиданно появился меч.

— Конан, книга... — прошептал гном, указав дрожащим пальцем на стол.

Страница медленно переворачивалась, будто

кто-то невидимый стоял, склонившись над столом, и читал колдовской текст.

— Книга... книга... — лепетал гном.

— Вижу, — процедил Конан и одним движением задвинул Хепата себе за спину, подальше от стола. Затем, вставив факел в держатель, взял меч двумя руками и замер, не спуская глаз с люка. Внизу как будто все стихло. Тянулись минуты. Конан был неподвижен, как статуя. Из-за спины выглядывал трясущийся Хепат. И когда ему показалось, что все затихло, что, помолившись богам, они смогут пережить эту страшную ночь, — заскрипела лестница.

— Проклятье! — вновь воскликнул Конан. — Он идет сюда! За нами... или за книгой!

Раздался шелест страниц — книга закрылась. Хепату даже подумалось, что все виденное было просто мороком — и книгу никто не открывал... Но нет — теперь она лежала на самом краю стола. Ее передвинули...

В тишине скрип ступеней казался невыносимо громким. Каждый звук отдавался внутри тупой, саднящей болью. Кто-то медленно поднимался к ним на второй ярус башни.

Кто это? Что? Зачем? — мысленно твердил гном. Почему он не остался внизу? Неужели он — мертвый и страшный в своей смерти — идет к ним? Что же теперь будет? Сможет ли меч Конана убить мертвого? Можно ли вообще убить мертвеца?!

Хепат со стоном уткнулся в спину товарища и закрыл глаза. Мерно и неотвратно скрипела ле-

стница. Настороженно замер Конан. Время остановилось. Кровь пульсировала в висках. Пот заливал глаза. Секунды... минуты... годы... вечность... Ничто уже не может измениться в этом мире...

Конан поднял меч. Значит... Значит... Уже скоро... Неожиданно для себя, гном выглянул из-за спины друга и тут же пожалел об этом.

Из квадратного отверстия в настиле второго яруса на него смотрел колдун. Неподвижные мертвые глаза не мигали. Ссохшийся черный язык по-прежнему высовывался изо рта. На вытянувшейся и неестественно изогнутой шее болтался обрывок веревки. Не сводя с Хепата оставившегося взгляда, колдун стал медленно подниматься. Казалось, он с большим трудом заставляет двигаться окоченевшее тело.

Но почему медлит Конан?! Чего ждет? Гном застонал и опять спрятался за такой большой, надежной спиной друга. Но даже в этот страшный миг, он не смел указывать Конану. Он только мысленно просил — ударь скорее! Попробуй — может, тебе удастся убить мертвеца. Попробуй!

Но Конан медлил. Куда пойдет колдун? Если за книгой — пусть забирает и уходит. Он, Конан, не собирается вступать в поединок с живым мертвецом из-за проклятой колдовской книги...

Неестественной дерганой походкой труп медленно прошел к столу. Высохшие пальцы с трудом обхватили книгу. Послышалось хриплое клочкотание. Смех? Прижимая к груди колдовскую

книгу, мертвец повернулся к Конану. В запавших глазах мелькнула искорка торжества. Затем онемевшие губы его с трудом зашевелились, и слышались слова заклинания. Вторя мертвецу, закричал кот, заухала сова, завывали за стенами волки. Вдалеке прогрехотал гром. Чердак гулко вздохнул порывом ветра.

Ярким пламенем вспыхнул труп колдуна, и почти мгновенно распался, превратившись вместе с колдовской книгой в горсть черного пепла. Продолжал кричать невидимый кот, но волчий вой затихал где-то в дали, а сова захлопала крыльями и с прощальным уханьем улетела в ночь. Стих ветер. Отдаленным эхом прокатился последний, уходящий раскат грома.

Конан подхватил обессиленного гнома и, морщась, уложил на лежанку. Он не любил явных проявлений слабости. Хепат лежал, как тряпичная кукла. Страх отнял у него все силы.

— Исчезла твоя книга, — бросил киммериец. — Хотя твоей она и не была, а теперь уж и не будет.

Гном безучастно смотрел в потолок.

— Ладно, — проворчал Конан, — спи тут, а я пошел наверх: теперь-то бояться нечего...

* * *

Наутро Хепат проснулся разбитым, с головной болью и ломотой в костях.

— Я так хотел завладеть этой книгой, — жаловался он, — я постиг бы мудрость всех поколений...

— Вряд ли колдовская книга научила бы тебя мудрости, — перебил Конан, — скорее, превратила бы в черного колдуна, которому ненавистно все живое.

Гном задумался, затем кивнул.

— Возможно, ты и прав, Конан...

Днем, когда в узкие окна лился веселый солнечный свет, башня не казалась такой мрачной, как ночью или в сумерках. Просто нелепое, грубо построенное сооружение. Хепат подумал, что он вполне мог бы тут жить — теперь, когда душа колдуна навеки покинула земную юдоль.

Конан вывел коней и отпустил пастись. Затем принес сумку с нехитрой снедью и сел за стол.

— Помнится, у колдуна было неплохое вино, интересно, где он его прятал...

Хепат повел носом и принюхался. Нахмурившись, он втягивал воздух, как шакал, приблизившийся к человеческому жилью, но опасющийся подходить ближе. Конан с интересом смотрел на маленького спутника. Гном медленно двинулся к стене.

— Так и есть! — торжествующе крикнул он, откидывая крышку небольшого погребка. — Тут все пропитано винным запахом! Наверное, не один раз колдун проливал вино, нацеживая из этих сосудов...

Вспомнив про колдуна, Хепат сник, вновь переживая ночной ужас. Конан подошел и удивленно присвистнул: на дне погребка лежали глыбы самого настоящего льда. Между ними стояли глиняные сосуды с длинными горлышками. А в

плотно закрытом бочонке, утонувшем во льду, нашлось прекрасное копченое мясо.

— Клянусь Кромом, мне тут нравится! — воскликнул Конан. — Но как он сохранил лед? Днем такая жара...

— Ты забыл о книге, — печально сказал гном. — Заклинания... там можно было найти любые заклинания, в том числе и замораживающие...

За обедом друзья обсуждали план дальнейших действий. После второй кружки разговор ожил, а после четвертой — наоборот, стал очень серьезным. Конан склонялся к тому, чтобы немедленно отправиться за горшком с алмазами. Гнома он решил взять в долю.

— Если не попадем в лапы к разбойникам, погуляем на славу, — он радостно хлопнул товарища по плечу и потянулся к кувшину.

Поднявшись с пола и вновь усевшись за стол — на сей раз подальше от Конана, — Хепат заплетающимся языком стал доказывать необходимость отыскать вход в древнее царство Вармина. Уж там сокровищ!.. Что твой горшок?!

Затем, забыв обо всем, он начал сосредоточенно нарезать мясо. Конан долго смотрел, как длинный нож гнома медленно отрезает ровные, красивые ломтики, затем, потеряв терпение, схватил оставшийся кусок и, откусив половину, запил изрядным глотком вина. Хепат с укоризной посмотрел на жующего друга и вспомнил о сокровищах подземного царства.

— Там... там... там... — пытался он начать рас-

сказ, затем громко икнул и продолжал уже без запинки. Он красочно описывал отделанные самоцветами пещеры, подземные озера с кристально чистой водой, многочисленные тайные ходы и, конечно, огромные сундуки, набитые золотом, алмазами, изумрудами, аметистами, топазами...

— Все, все сокровища, которые веками собирали гномы, — станут твоими... нашими... Мы возродим древнее царство... Мы станем там жить! Позовем к себе всех... Для нас будут танцевать лучшие красавицы...

Тут гном подозрительно посмотрел на огромного друга.

— Ты не смотри, что я маленький!.. Женщины от меня без ума!.. Я... я помню, как открыл однажды сундук, запустил руки в изумруды, и вся пещера озарилась зеленым светом!..

От этих рассказов у Конана закружилась голова. Возникла острая необходимость освежиться вином. С удивлением он обнаружил, что три больших кувшина, которые они достали, — пусты. Хепат, продолжая говорить про изумруды, пошел к погребку, запнулся, упал и мгновенно заснул. Добродушно посмеиваясь, Конан перенес друга на лежанку, затем достал из запасов колдуна еще два кувшина — самых больших...

* * *

На следующее утро друзья пошли искать лошадей. Конан мрачно осматривал окрестности башни. Хепат с тяжелой головой тащился сле-

дом. К полудню стало ясно, что кони пропали. К вечеру друзья нашли их кости.

— Как же мы забыли про волков?.. — бормотал Конан

Гном тоже выглядел удрученным, но втайне был рад: теперь ничто не помешает им спуститься под землю.

Вечером друзья доели запасы мяса и допили вино. Погребок опустел, и лед в нем растаял. Может, дело было и не в заклинаниях — просто раньше погребок открывали не так часто...

— Пора двигаться. — Конан приторочил за плечами сумку с запасом продуктов: теперь питаться предстояло вяленным мясом и сухарями — тем, что они привезли с собой. Гном нес мех с водой и несколько хорошо просмоленных факелов. В последний раз окинув хмурым взором их временное пристанище, Конан, к своему удивлению, увидел большого черного кота, настороженно сидящего на столе. Желтые глаза кота горели мрачным огнем. Тем не менее, он с готовностью побежал к людям и стал тереться о сапоги.

— Где же он прятался? — удивился Конан

Гном долго молчал, затем неуверенно сказал:

— Когда я спал, мне показалось... что какой-то кот подошел, потерся, потом повернулся задом и зачем-то потряс хвостом.

— Так вот почему от тебя идет кошачий запах! — захохотал Конан

Гном обиженно потянул носом.

— У нас в пещерах кошки не живут... я эти запахи не знаю.

— Зато запах вина знаешь! А ведь если бы ты не нашел вино — мы не потеряли бы коней!

— Но тогда, — парировал Хепат, — мы не пошли бы в подземелье и не нашли бы...

— Мы еще ничего не нашли, — оборвал его Конан, — и неизвестно, найдем ли!

Подхватив тяжелую скамью, он с легкостью сбил замок с двери, ведущей в подземелья. Затем зажег факел, вздохнул и шагнул на знакомые ступени. Гном с важным видом отобрал факел, протиснулся вперед и бодро пошагал вниз, всем своим видом показывая, что тут главный он, Хепат — последний гном из славного племени великого Вармина! Конан пожал плечами и двинулся следом. Кот с недовольным видом распушил хвост, утробно мяукнул, но решил не отставать.

И снова Конан стоял там, где начинались два горизонтальных коридора, выложенных камнем и один — с земляными сводами, который в прошлый раз вывел его на поверхность. Кроме того, была еще одна лестница, ведущая вниз. Гном осторожно принялся.

— Там, — он указал на земляной тоннель, — кхоно, живые корни, туда нельзя.

— Именно там я и нашел выход, — усмехнулся Конан, — а твои кхоно не слишком-то проворны.

— А нам, — продолжал гном, не слушая спутника, — туда, вниз, — он направился к темному провалу.

Конан бесцеремонно придержал его за ворот.

— А куда ведут эти? — он показал на горизонтальные тоннели.

Гном с опаской покрутил круглой головой.

— Скорее всего, это вход в лабиринт. Ловушка для новичков.

— Интересно, а кто прокопал эту нору, по которой я выбрался? И зачем?

Гном помолчал, и Конан с удивлением увидел, что он дрожит всем телом.

— Кхоно, — тихим голосом повторил наконец Хепат, — кхоно...

— Корни? Но как они могли прокопать тоннель?!

— Прокопал мбинг... они гнали его, кусали... он копал... потом его съели. Ты просто не дошел до конца... Если бы дошел — увидел бы скелет мбинга. Но и сам не смог бы вернуться... Этот тоннель — ловушка!

— Что-то слишком много тут ловушек, — проворчал Конан. — А что там, внизу?

— Возможно, тоже лабиринт. Но там должен быть выход в пещеры царства Вармина... Должен...

— Что ж, пошли.

* * *

Под ногами хлюпала вода. Серые стены грозились навсегда поглотить неосторожных путников, дерзнувших нарушить их вековой покой.

— Остался последний факел, — прорычал Конан, — а ты все еще водишь нас по кругу!

Гном обессилено присел, прислонившись к влажной стене.

— Я... это какой-то другой лабиринт... гномы таких не строили. Но мы найдем выход... немного отдохнем и найдем...

— Некогда отдыхать! — Конан рывком поставил Хепата на ноги. — Скоро мы окажемся в полной темноте, а это смерть! Вперед!

Гном побрел вдоль стены, шатаясь от усталости. Все пропало, думал он, конец. Как он, гном, подземный житель, мог заблудиться?! Как мог он не распознать чужой лабиринт?! Это работа не гномов. Кто же тогда строил эту чудовищную ловушку?

Страшная догадка сверкнула в усталом мозгу Хепата. Что если он ошибся с самого начала?! Что если башня построена на других развалинах? Может быть, на этом месте никогда и не стоял храм Вармина? И тут нет никакого входа в древнее царство его исчезнувшего племени?

От отчаяния гном застонал, и тут же мигнул и погас последний факел.

— Будь проклято это подземелье! — воскликнул Конан. — Будь прокляты твои сундуки с драгоценными камнями, гном!

— Прости меня, Конан, — всхлипнул Хепат. — Прости... мы теперь тут погибнем... — Он почувствовал, как что-то мягкое ткнулось в руку. Кот! Он не бросил нас. Хороший, добрый котик. Он пришел нас подбодрить... Но где же он был? Он ведь не шел с нами... Хотя, какая разница?.. Шел позади...

— Иди, котик, — прошептал гном, — не стоит тебе погибать с нами...

— Что ты бормочешь?! — грянул из темноты голос Конана.

— Кот... к нам вернулся черный кот...

— Держи его! Не отпускай! — Конан стал торопливо искать в сумке веревку.

Через несколько минут привязанный кот, обиженно мяукая, повел друзей к выходу из лабиринта. Последняя надежда! Возможно, кот, своим звериным чутьем найдет выход. Последняя, слабая надежда в крошечной тьме...

Кот натягивал веревку, как хорошая собака. Конан едва поспевал, выставив вперед свободную руку, а Хепат, вцепившись в пояс друга, передвигался бегом.

Однако скоро веревка ослабла. Кот остановился. Друзья терпеливо ждали.

— Ты не боишься смерти, Конан? — прошептал Хепат

— Как тебе сказать... Смерть всегда рядом. Я просто привык.

Внезапно кот довольно заурчал.

— Похоже, поймал мышь, — пробормотал гном.

В темноте раздавался хруст костей и громкое чавканье.

— Не решит ли он тут поселиться? Вода есть, мыши тоже... Что еще надо коту? — Конан усмехнулся. — А мы тут долго не протянем. Мы мышей ловить не умеем...

Пообедав, кот решил передохнуть и, запрыгнув Конану на плечо, распластался, как воротник. Киммериец услышал довольное, сытое мурлыканье.

— Придется ждать.

— А он поспит, проголодается и опять пойдет ловить мышей... — с досадой произнес гном.

— Я положился на тебя, — жестко сказал Конан, — и ты завел меня сюда! Теперь я буду полагаться на кота.

Через минуту он услышал всхлипывания — Хепат плакал.

— Прости меня, Конан... я...

— Ладно, старина! Кот не останется жить в лабиринте. Тут даже ему будет неудобно. Я уверен, он нас выведет.

* * *

— Я отдам ему свою долю мяса, — Хепат гладил, растянувшегося на столе довольного кота, — я, гном, заблудился, а он нас вывел!

Конан усмехнулся.

— Теперь самое разумное будет нести его в сумке на случай...

— На какой... случай?... — удивился гном

— На случай, если мы вновь заблудимся. Я не привык отступать. На сей раз, пойдем горизонтальным тоннелем.

Хепат смотрел на спутника раскрыв рот. После всего... после стольких часов отчаяния в полной темноте... Он готов опять рискнуть?! Только тут гном в полной мере осознал духовную мощь своего спутника. И не сокровища его влекут... Во всяком случае, не только сокровища. Сундуки, набитые золотом — это просто приз, конечная

точка... У него ведь закопан где-то горшок с алмазами — деньги для него не главное... А что? Гном осторожно глянул в синие глаза гиганта.

— Конан... почему?..

— Почему я не отступлюсь?

— Да... что заставляет тебя... после всего...

— Видишь ли, старина, — Конан выпил воды из меха и поморщился, — мне приходилось отступать, но только тогда, когда иного выхода не было. Мы должны пройти по тоннелям!

— Конан... я недавно подумал... Я мог ошибиться — возможно, эта башня построена на других развалинах, и тут нет выхода в царство Вармина...

— Пойдем завтра, — коротко сказал Конан и, заметив страх в глазах друга, добавил: — Я нагружу тебя двумя десятками факелов! У колдуна наверху есть запас...

* * *

Тоннель, постепенно понижаясь, уходил в темноту. Тяжело нависали мокрые каменные своды. Шаги рождали отдаленное эхо, и казалось, что кто-то идет следом.

Несколько раз друзья останавливались и прислушивались. Нет, никого, только вязкая, звенящая тишина.

— Или преследователи так же быстро останавливаются, или это только эхо... — Конан топнул ногой. Звук затих, задавленный нависающей над ними толщей земли. Эхо было, но очень слабое.

— Внизу мы вообще не слышали никакого эха, — прошептал Хепат.

— Внизу мы сразу вступили в лабиринт, там сплошные повороты... А тут — прямой каменный коридор.

Гном погладил кота, голова которого высывалась из сумки, висевшей на плече Конана, и ничего не ответил. Затем, привычно закинув за спину вязанку факелов, двинулся вперед, держа в свободной руке очередной — третий по счету — горящий просмоленный стержень.

И вновь позади послышались шаги. Конан все больше хмурился. Может ли эхо раздаваться только сзади? И может ли оно быть таким... многоголосым? Идут они вдвоем, а преследуют их, кажется, не менее десятка человек... И сколько может тянуться этот тоннель?! Прямой, как стрела, наклонно вонзившаяся в землю... ни одного поворота... Этот ход ведет к определенной цели. Никаких лабиринтов. Подвело чутье нашего великого гнома — потомка славного Вармина... Нужно проверить, что там, или кто там, позади... Возможность только одна — остаться и подождать!

— Хепат, — начал Конан и тут же подумал, какой страх испытает гном, оставшись один. Но что делать?.. — Слушай, друг мой, ты иди вперед с факелом, а я останусь тут и проверю. Если все будет хорошо — я тебя сразу догоню.

Факел задрожал в руке гнома. Переведя дыхание, он хрипло сказал:

— Что ж, тебе виднее... Долго не задерживай-

ся... И еще — отдай мне сумку, она будет мешать...

Похоже, гном был уверен, что его товарищу предстоит нешуточная схватка.

Прижавшись к холодному камню, Конан смотрел, как исчезает вдали огонек факела, казавшийся таким крохотным в этом бесконечном мрачном тоннеле. Ясно слышались удаляющиеся шаги.

И тут же из темноты донесся другой звук — нет, это не эхо! Кто-то шел по их следам.

Огонек факела превратился в тусклую звездочку, а скоро и вовсе исчез. Темнота наполнилась звуками. Мерно капала вода, шуршали мыши. Что они тут едят? Может, у них есть выходы наружу? Этакие длинные норки — длинные, как это проклятый тоннель... И они выходят, видят солнце, греются... А ночью над ними — не холодный, сырой свод, а ласковые, мохнатые звезды...

Шаги... шаги преследователей! Стихла даже мышинная возня.

Конан, затаившись в темноте, ждал. Интересно, они — те, кто идет следом — видят во мраке или будут освещать дорогу факелами? Шаги приближаются, а света факелов не видно. Значит, глаза преследователей приспособлены к темноте!

Это совсем плохо. Орудовать мечом в крошечной тьме, вслепую, пытаясь поразить врага, который хорошо тебя видит — задача непростая.

Конан обнажил меч и приготовился.

* * *

Сердце Хепата, казалось, готовится выпрыгнуть из груди. Он давно понял, что Конан будет устраивать засаду. И когда это произошло, он не удивился. Он спокойно пошел дальше, как и было приказано. Вот только сердце... Бьется так, что ничего другого не слышно. Не оглядываться!.. Иначе можно не выдержать и бросится назад. Нет, надо идти... Идти одному!

Хепат вспомнил, как часто бродил он в одиночестве по лабиринтам царства Вармина. Он даже любил одиночество. Когда ты один — ты сам себе хозяин. Где хочешь — присядь, отдохни. Остановись — полюбуйся красотами отдаленных пещер. Не с кем поговорить? Так ведь, можно мурлыкать песенку или, в конце концов, разговаривать с самим собой. Да, одиночество его не пугало. Он любил одиночество...

Почему же сейчас ему так страшно?! Он перестал быть гномом? Может быть, прожив несколько лет среди людей, считавших его просто карликом, он и в самом деле перестал быть гномом? Нет, здесь другое... Ни одна, даже самая отдаленная пещера, ни один тоннель там, в царстве Вармина, не внушали ему страха! Тут дело в другом... Зло впиталось в эти каменные осклизлые стены. Слишком много зла! Оно струится вместе с водой со сводов, оно течет по стенам, оно обволакивает путника невидимым туманом, парализует мозг, ослабляет волю...

Позади раздался ужасный рев. Звук ударила

гнома, как дубинкой. Факел упал и погас. А рев невидимого зверя все доносился из темноты, парализуя мышцы...

* * *

Холодный камень обжигал спину, зато рукоять меча приятно согревала ладонь. Конан перестал дышать, вслушиваясь в приближающиеся шаги. Уже скоро. Насколько хорошо преследователи видят в темноте? Заметят ли его, прижавшегося к стене? Если видят не очень хорошо — могут и не заметить. Следовательно, нужно их испугать... появиться внезапно... возникнуть из ничего, из серых теней...

Он ждал до последней минуты. До тех пор, пока невидимые в темноте преследователи не подошли на удар меча. Затем, издав свой страшный боевой клич, одним прыжком выскочил на середину тоннеля и со страшной силой описал мечом дугу на уровне груди. Меч со свистом рассек воздух. Никого? Но по-прежнему раздавался — теперь удаляющийся — звук шагов! Казалось, преследователи прошли сквозь него и спокойно шествуют дальше.

Теперь не оставалось ничего другого, как нащупать рукой стену и двигаться вслеп за странным, неуязвимым противником.

Кто это? Призраки?

Но разве призраки стучат каблуками?..

* * *

Хепат дрожащими руками пытался зажечь факел. Искры не желали попадать на трут, но зато обильно сыпались на землю. Проклятье! Он должен успокоиться! Но отзвуки страшного рева, казалось, еще не затихли... Что это было? На Конана напал какой-то зверь? И его рык, усиленный эхом... Но что-то смущало. В этом зверином реве все же было что-то человеческое... Может... Ну, конечно!..

Хепат с облегчением рассмеялся. Это был боевой клич Конана — великого воина, его друга! Клич, лишаящий врагов воли! Заставляющий трепетать даже самые смелые сердца! Даже он, Хепат — последний из великого племени Вармина — слегка испугался! Руки перестали трястись, и гном запалил наконец факел. Но где же Конан? Если он издал боевой клич, значит, была схватка. Каков ее итог? И что делать ему, Хепату? Идти вперед или подождать?

Поздно — шаги преследователей приближаются! Топот нескольких человек. Значит, Конан погиб? Во всяком случае, он не сумел их остановить! Может, он ранен и ему нужна помощь? Но как к нему пройти? Они уже близко! Они не пропустят!

Из последних сил гном сжал рукоятку кинжала. Лево́й рукой он высоко поднял факел. Противники приближались. Сейчас он увидит их... Он выступят из темноты, и тогда...

* * *

Конан, временами касаясь ладонью влажной стены, пробирался вслед за невидимыми и неуязвимыми преследователями. Он решил больше не ломать голову над неразрешимыми пока загадками. Сейчас важно не отставать от тех, кто прошел сквозь него, как ветер сквозь... Нет, ветер не проходит сквозь преграду — он ее огибает! Чувствовалось, что вот-вот придет разгадка. Огибает... Но они не могли его обогнуть — меч вихрем прошел от стены, до стены!..

Вдали зажглась звездочка. Хепат! Видимо, он остановился и ждет! И сейчас к нему приближаются *те*... Конан побежал. Только бы не опоздать!

* * *

Хепат, трусливый гном — последний из племени славного Вармина — приготовился встретить смерть. Он гордо стоял с кинжалом в одной руке и факелом в другой. Страха не было. Он считал себя уже мертвым, и теперь следовало позаботиться о том, чтобы не выглядеть испуганным в глазах врагов. Хотя бы казаться смелым, мужественным воином! Таким, каким он никогда не был, но какими были его братья! Он не посрамит свой род! Он не отступит, как... как тогда...

Из темноты выступили странные силуэты. Хепат прищурился. К нему приближались существа меньше его ростом! Гномы среди гномов! И обступив его, они заговорили на древнем, полуза-

бытом наречии. Хепат обессилено сел прямо на мокрый пол. Бледные, будто прозрачные лица... Огромные, выпуклые глаза с вертикальными зрачками... Одеты в шкуры каких-то чешуйчатых тварей, но довольно хорошо сшитые... На ногах добротные сапоги. За поясом у каждого длинный кинжал, украшенный изумрудами и алмазами... И говорящие на полузабытом языке! Это язык древних властителей подземного мира, живших задолго до появления гномов! Перед ним стояли самые древние жители пещер! Живая легенда!

Внезапно они замолчали и стали вглядываться в темноту. Один из них поднял бледную руку ладонью вперед. Жест, понятный всем. Жест дружелюбия.

Конан спокойно подошел к маленьким преследователям. Пять человек... человек? Нет, конечно, это не люди. Даже меньше гномов. Вот, значит, почему его меч не причинил им вреда — он попросту просвистел у них над головами! А ведь он и сам бы догадался... Еще немного — и догадался бы!

Конан присел, разглядывая одного из преследователей, по-видимому, старшего. Именно он показал пустую ладонь. Человек и маленький подземный житель долго смотрели в глаза друг другу, и Конан почувствовал дружелюбие маленького существа. Дружелюбие и просьбу о помощи:

Тем временем Хепат вспоминал древний язык. Он обменивался фразами с другим созданием,

которое терпеливо, по несколько раз повторяло каждое слово.

Затем все с интересом разглядывали кота, который недовольно выглядывал из сумки.

* * *

— Они мне рассказали, как попасть в заброшенное ныне царство моих предков. И еще они просили о помощи... — сказал Хепат после того, как маленькие существа исчезли в темноте.

Друзья сидели на корточках, прислонившись к холодной стене.

— Это самые древние жители пещер! Их подземные царства процветали задолго до того, как появился первый гном! — Голос Хепата дрожал от волнения. — В старых легендах упоминались некие существа, живущие где-то рядом. Их так и называли — «живущие рядом». В более поздних сказаниях, о них уже ничего не говорилось. Считалось, что они исчезли.

— Не все, как видно, — сказал Конан, — а какая им нужна помощь?

— Им кто-то досаждают... Нужно закрыть проход в их последнее жилище. Теснимые врагами, они давно ушли на глубины, к самым корням гор, но и там до них кто-то добрался...

— Кто же и почему их преследует? Кому они теперь мешают?

— Я многого не понял, — признался гном, — но мне кажется, что до них добрались те самые дикири, которые погубили мое племя...

— Странные существа, — тихо сказал Конан, вспомнив, как, прощаясь, каждый из них подходил к нему и, коснувшись руки или плеча, долго смотрел в глаза, — кажется, они многое понимают без слов...

— Да, мне тоже так показалось. И язык я вспомнил как-то очень уж быстро...

— Они заново вложили его в твою пустую голову, — усмехнулся Конан

— Ну, что же, — Хепат не счел нужным отвечать на шутку и поднялся, — пора идти. Этот тоннель приведет нас в огромную пещеру. Именно там поселились дикири. А дальше начнется самое трудное...

* * *

Пещера, к которой вышли друзья, неожиданно для Конана, оказалась освещена слабым зеленоватым светом. Светилась какие-то мхи или лишайники на стенах. «Пуго», — пояснил гном. Редкие растения. Гномы их разводили и приживляли на камне, но приживались они плохо и, зачастую, проще было воткнуть в стену факел, чем возиться с капризными растениями. Однако там, где пуго приросли, они держались крепко, довольно быстро разрастались и служили неплохим источником света.

Сама пещера была огромна. Своды терялись в темноте — наверху пуго не росли. В стенах виднелись многочисленные отверстия — тоннели, ходы, лазы и, может быть, просто норы. Большую

часть пещеры занимало озеро. Неподвижная гладь воды отражала светящиеся пятна пуга. Озеро обегала неширокая мощеная дорожка. На берегу, на равном расстоянии друг от друга, стояли высокие каменные истуканы. Грубо обработанные, мрачные — все они были повернуты лицом к озеру, будто терпеливо ожидали появления некоего духа воды, либо наоборот — стремились оборонить жителей пещеры от того, кто обитает в глубинах. Кое-где входы в тоннели обрамлялись небольшими колоннами, украшенными причудливой резьбой. Некоторые отверстия располагались довольно высоко, и к ним вели истертые ступени.

Конан не спешил выходить из скрывавшего их тоннеля. Затушив факел и оставаясь в темноте, друзья долго разглядывали раскинувшуюся перед ними пещеру.

Хепат нараспев, словно читая старинные предания, рассказывал, что несколько тысячелетий назад здесь жили древние. Об этом говорили некоторые легенды. Эта пещера была центром древнего царства «живущих рядом». Они приносили жертвы своему богу, живущему в глубине озера. Но иногда бог гневался и забирал к себе слишком многих... Может быть, поэтому они ушли вглубь земли?.. Как бы то ни было, скоро в пещере поселились гномы. Они не приносили в жертву своих товарищей и, вообще, считали подводного бога мерзким чудовищем.

— Вероятно, здесь обитали подданные Григли — наши соседи. Сильное и многочисленное

племя. Не смотря на это, они исчезли лет на сто раньше нас.

— А теперь? — спросил Конан. — Что рассказывали древние?

— Теперь тут, за озером, поселились воинственные дикари, которые делают вылазки во все тоннели и уже убили нескольких древних. И многих, многих гномов...

— А как вода? Пить ее можно? Наш мех почти пуст...

— Лучше вначале выпустим кота, хватит ему сидеть за спиной. Пусть он и попробует...

— Что ж, выпускай.

Хепат развязал сумку, и кот, недовольный и взъерошенный, резво помчался к озеру. Припав к воде, он долго лакал, затем внезапно насторожился и замер, выгнув спину. Тревожная рябь торопливо пробежала по зеркальной поверхности озера. Блестящее черное щупальце медленно поднялось над водой. Кот распушил хвост, приподнялся на лапах так, что стал чуть не вдвое выше, и угрожающе зашипел. Конан легко, едва касаясь земли, побежал к озеру. Щупальце, покачиваясь, нацелилось на застывшего кота.

— Беги же! Беги дурак! Спасайся! — шепотом кричал гном. Ему показалось, что у самой поверхности воды он видит два огромных зеленых глаза.

Щупальце, подобно огромному хлысту, метнулось к добыче. Молнией сверкнул меч Конана, и мгновение спустя черный обрубок, извиваясь, упал на песок. Вода вспенилась. Кот заорал и

длинными скачками помчался вдоль озера. Хепат заметил, что он, не сбавляя хода, скрылся в одном из многочисленных тоннелей.

В озере, казалось, бился огромный клубок змей. Несколько раз на поверхности мелькнула часть разбухшей черной туши чудовища. Конан так же быстро вернулся в тоннель и, качая головой, наблюдал за гневом монстра, лишившегося конечности.

— О, Конан, ты оскорбил древнего бога... что же теперь будет?.. — чуть не плакал Хепат.

— Но ведь гномы, насколько я помню твои слова, не считали это чудовище богом, — спокойно сказал Конан.

— Так-то оно так... Но шуму он наделает... И все из-за этого мерзкого кота!

— Который, между прочим, спас нам жизнь! Теперь мы квиты. Я уверен, что наш кот посетит неподалеку, в какой-нибудь норе. Мышей тут в изобилии.

— Но когда он захочет пить...

— Он не пойдет к озеру, — закончил Конан, — найдет другой источник. Да и нам бы это не помешало...

— Найдем, — махнул рукой гном, — к озеру бегут сотни ручьев. Мы сейчас осмотримся...

— Тебе не кажется, — перебил Конан, — что справа, вдоль озера что-то движется?

Хепат прищурился.

— Похоже. Наверное, нас заметили дикари.

Теперь можно было ясно различить восемь человек, гуськом бегущих по тропинке.

— Могли и заметить, а скорее всего слышали шум. — Конан неспешно обнажил меч. — Отступим вглубь тоннеля, в темноту. Может, они просто хотят посмотреть, почему так разбушевался их бог...

— Вряд ли они молятся этому богу.

— А почему бы и нет? Ведь даже древние признавали это чудовище божеством...

— Конан, мне кажется, они бегут сюда. Они нас заметили, — голос Хепата слегка дрожал.

— Тогда сдадимся в плен, — серьезно сказал Конан, — я отдам им меч, а ты кинжал.

— Никогда! — воскликнул гном. — Этот кинжал подарил мне отец! Я никогда... — И только теперь он сообразил, что его друг шутит.

Таинственные дикари между тем были уже в сотне метров от тоннеля. Рослые, почти сплошь покрытые шерстью, с сильными длинными руками, они бежали вперевалку, сильно раскачиваясь. На плече каждый нес увесистую дубину.

— Это они, — прошептал Хепат, — люди с лицами на груди! Им невозможно отрубить голову!

И действительно, невероятная сутулость дикарей производила впечатление полного отсутствия голов у них на плечах.

Дикари остановилась против тоннеля, в котором укрылись друзья, и стали приняхиваться. Их вывернутые ноздри раздувались и пульсировали, налитые кровью глазки злобно всматривались в темноту.

— Что будем делать? — прошептал Хепат испуганно.

— Что делать? — удивился Конан. — А как ты думаешь?

— Мы будем сражаться! — твердо сказал гном и вытащил из-за пояса кинжал.

Даже в этот момент Конан не мог не улыбнуться, глядя на своего маленького товарища, готового смело выступить против страшных противников, убивших когда-то его братьев.

Поймав за воротник шагнувшего вперед гнома, он серьезно сказал:

— Встань позади, только не попади под удар меча, и смотри, чтобы никто не зашел мне за спину.

— А если зайдет? — звенящим голосом спросил гном.

— А если зайдет — ты его убьешь! — терпеливо пояснил Конан, сделав несколько разминочных движений.

Раздался хриплый крик — видимо, команда, — и дикари кучей бросились к тоннелю. Хепат отступил в темноту — прикрывать спину Конана. Оскаленные пасти, безумные глаза, мощные волосатые лапы, шишковатые дубины — это зрелище было не для гнома, и он предпочел на некоторое время закрыть глаза.

Когда рычание дикарей наполнило своды тоннеля, глаза пришлось открыть — как же иначе прикрывать друга? К своему удивлению, Хепат увидел, что один дикарь уже корчится на земле, из тела второго Конан извлекает меч, а третий, оскалив желтые клыки, замахивается шишковатой дубиной. Остальные толпились позади, под-

бадривая соплеменников дикими криками. Все это Хепат увидел, как при вспышке молнии. Далее персонажи этой кровавой картины пришли в движение. Его друг, высвободив меч из грудной клетки дикаря, уклонился от удара дубиной, одновременно приседая и направляя удар меча вниз. Ошеломленный гном увидел, что Конан отрубил противнику ногу с такой же легкостью, с какой дровосек валит небольшое дерево.

Дикарь визжал, из обрубка хлестала алая кровь — такая же, как у всех. И больно ему так же, как и всем, подумал гном. В нем боролись жалость и ненависть. Жалость к живому существу, умирающему и страдающему от боли, и ненависть к убийцам братьев — кровожадным, мерзким тварям.

Хепат подполз к дикарю и, движимый скорее все же милосердием, нежели ненавистью, вонзил кинжал ему в сердце.

В этот момент Конан издал боевой клич. Хепат чуть не выронил кинжал, а дикари задрожали, опустив дубинки. Воспользовавшись заминкой, киммериец перепрыгнул через убитых и широким горизонтальным движением меча вспорол животы двум рядом стоящим противникам. Не прошло и минуты, как пятеро нападавших были мертвы. Хепат никогда не видел друга в битве и теперь не мог прийти в себя от изумления и ужаса.

Ему приходилось участвовать в сражениях. Он бился сам, и видел, как сражаются другие — и гномы, и люди. Но такого вихря, такой стреми-

тельности в сочетании с огромной силой, ему видеть не приходилось. Теперь он был уверен, что Конан может одолеть и сто, и тысячу противников без особого труда. Хепат не мог даже увидеть Конана в каком-то одном месте — казалось, тот был везде. Сверкал меч, и падали, падали с визгом противники. Когда гном пришел в себя, Конан вытирал меч о шкуру последнего убитого дикаря.

С ужасом смотрел Хепат на друга-великана. Тот даже не запыхался! Какую страшную силу, какую выносливость дали боги этому человеку! Быть ему королем! Хепат вдруг ясно увидел Конана, сидящим на троне. Согнулись в поклоне придворные... Рядом с тронном стоит прекрасная женщина — королева... И скучающее лицо его друга — не слишком-то весело быть королем...

— Что? — спросил гном, очнувшись.

— Пора уходить, — повторил Конан, — они обязательно пришлют еще один отряд.

Да тебе хоть десять отрядов, подумал Хепат, ты с такой же скоростью расправишься и с ними!.. Да, древние знали, к кому обратиться за помощью.

А вслух сказал:

— Уходим направо, в седьмое отверстие. Оно небольшое, не бросается в глаза. Потом нужно будет перекрыть тоннель, ведущий в царство древних.

— Как мы это сделаем? — спросил Конан, быстро шагая вдоль отвесной стены пещеры.

— Мы устроим обвал. В нескольких местах. Так сказали древние.

Конан остановился у небольшого, в рост человека, отверстия в гранитной стене. Седьмой тоннель.

Темный вход, только где-то вдали светилось пятно удивительных растений.

— Столетиями гномы сажали тут пуго, — удовлетворенно сказал Хепат, — похоже, что факелы нам больше не понадобятся.

Два соседних тоннеля были гораздо шире, и вход в них украшали резные колонны.

— А эти куда ведут? — кивнул Конан.

— Про другие тоннели древние ничего не говорили. Тут тысячи разных ходов... А в царство Вармина мы сможем попасть после того, как устроим обвал. Там, в одном месте откроется потайной ход...

* * *

В таверне сизыми клубами плавал табачный дым. Бородатые гномы выпускали изо рта трубки только затем, чтобы опрокинуть кружку темного эля. Тусклые масляные светильники немилосердно чадили. Низкие каменные своды постоянно напоминали Конану о том, что он не гном и не маленький «живущий рядом». Люди, впрочем, здесь тоже были. Но они все-таки немного не доставали головами до потолка. Несколько человек самого бродяжьего вида, вооруженные короткими мечами и двумя-тремя кинжалами, сидели за длинным столом. У одного за спиной висел лук и колчан со стрелами. Бродяги пили вино и

подозрительно поглядывали на Конана. Хепат, приняв приглашение гномов и выпив с ними несколько кружек эля, вернулся обратно на пружинящих ногах.

— Это гномы из племени Сакку, — слегка заплетающимся языком поведал он, — они тут часто бывают. Говорят, здесь можно выгодно продать камешки, оружие... Словом, эта таверна — место сбора всех, кто хочет что-то продать или купить, не выбираясь на поверхность.

— Любопытное место, — проворчал Конан, берясь за кружку, — и кормят тут неплохо, и вино хорошее.

— А главное, публика интересная, — подхватил Хепат. — Ну, людей ты, конечно, заметил. Бродяги и головорезы. Гномов тоже полно. Накурили — дышать нечем! Мы такие длинные трубки не делали. Да и табак у нас был получше... А вон там, в углу — их и не видно отсюда — сидят два существа очень странного вида. Похожи на ящериц. На них стараются не смотреть, будто не замечают...

— Видел я когда-то ящериц-воинов... — задумчиво сказал Конан.

— А хозяин этой таверны, — продолжал Хепат, — по-моему, не совсем человек...

Конан невольно бросил взгляд на коренастого, толстого человека (человека?), распекающего слугу за нерасторопность. Отвесив парню пару оплеух, он повернулся, и Конан заметил его острые уши, слишком маленький для человека нос, чересчур раскосые глаза...

— Кто же он?

— Трудно сказать, — гном изучающе прищурился, — тут, под землей, встречаются разные гибриды... Я однажды видел, правда, мельком, змею с лицом человека!

— А, может, гнома? — усмехнулся Конан.

— Что — гнома? — не понял Хепат.

— Может, змея была с лицом гнома, а не человека, — терпеливо пояснил Конан. — Ты не заметил — была ли у нее борода?

Хепат обиделся и промолчал, утопив нос в кружке. Гномы за соседним столом затянули веселую песню. Слуги едва успевали подносить им кувшины с элем.

Обида Хепата скоро прошла, и он, подперев кулаком отросшую бороду, продолжил:

— А однажды я забрел в незнакомые пещеры и наткнулся на странную тварь. Помесь медведя и оленя... мохнатый... с рогами... Или вот... в одной пещеры жил...

Конан допил кувшин, заказал еще и мрачно посмотрел на пьяного товарища.

— Гибриды, ящерицы, рога у медведя!.. За этот обед мы еще заплатим. А за следующий?..

Хепат поерзал на скамье, будто сел на гвоздь, и незаметно, чтобы не обидеть хозяев, пытается устроиться поудобнее.

— Я клянусь, что найду дорогу в царство Вармина... — торжественно начал он.

— Помнится, ты и раньше так говорил! А древние толковали тебе, что откроется потайной лаз...

— Ну, кто же знал, что ты устроишь такой об-

вал?! — слово «такой» гном произнес с нажимом и некоторым страхом. — Если там и был лаз, ты завалил его.

Конан вспомнил, как они, следуя указаниям древних, искали нужный камень, извлечение которого из стены привело бы к небольшому обвалу. Именно так нужно было перекрыть вход в подземную страну «живущих рядом». Может, он вынул не тот камень? Или время подточило этот древний тоннель, эту ловушку, и она сработала не так, как надо? Во всяком случае, обвал получился такой, что они едва успели унести ноги.

После чего несколько дней блуждали в лабиринтах тоннелей, пока, наконец, неожиданно не вышли к этому «перекрестку подземных дорог» — просторной пещере, в стенах которой были выдолблены небольшие уютные норы — жилища, склады продовольствия, таверны. Народ на этом «перекрестке» хоть и не толпился, но...

Чаще всего встречались важные, молчаливые гномы. Иногда из тоннелей выходили целые процессии, степенно шествовали мимо Конана и Хепата и, не удостоив их взглядом, скрывались в одном из проходов. А когда друзья заглянули в одну из рукотворных пещер, откуда доносились веселые голоса, они буквально остоленели от неожиданности. Конану показалось, что он очутился в одной из харчевен на окраине Шадизара. Хепат же вспомнил старые времена, когда был жив владыка Вармин, и гномы частенько собирались выпить за его здоровье в таких же небольших уютных пещерах.

В таверне моментально стихли разговоры, когда у входа возникли два новых посетителя — великан с длинным мечом и гном с острыми, пытливыми глазками. Подбежавший хозяин усадил гостей за стол, и постепенно на них перестали обращать внимание.

— Я спрашивал гномов, — Хепат кивнул на сородичей, дымивших трубками, — они примерно рассказали, где искать царство Вармина, но точно не знают... Правда, они сказали еще кое-что...

— Что?

— Ну... они советовали не ходить туда... Там... Словом, они слышали, что всеми сокровищами теперь завладел...

— Дракон? — с интересом спросил Конан

— Вроде, нет... Они не знают... но тот, кто там поселился, так страшен...

— Что от его взгляда сходят с ума и люди, и гномы?

— Откуда ты знаешь?! — ужаснулся Хепат. — Значит, ты тоже слышал?..

— Я много чего слышал, — усмехнулся Конан, — чаще всего, это были просто сказки.

Гном покачал головой. Он тоже слышал разные страшные сказки. Их так любили рассказывать его братья... Но в сказках все было ясно. Если даже в начале рассказа и таилась некая загадка — в конце она обязательно разъяснялась. Сказки рассказывали о драконах, циклопах, колдунах... О битвах с известными врагами... А тут — безымянный ужас... Сходят с ума... Нет, это не сказка! Но разве убедишь в этом Конана?!

А, кроме того, он, Хепат, последний из племени... он ведь обещал... А обещание надо выполнять, даже если придется расстаться со здравым рассудком. Впрочем, кажется, испытания начнутся прямо сейчас...

Хепат заметил, что один из пятерых бродяг, давно косившихся на Конана, покачиваясь, идет к их столу.

Мутные глаза незнакомца явно не предвещали дружеской беседы. Бродяга начал без обиняков:

— Слушай, приятель, ты мне не нравишься. Так что лучше...

Конан, продолжая сидеть, махнул рукой, и парень отлетел на несколько шагов. Он имел несчастье опрокинуть головой тяжелую скамейку, и поэтому остался недвижим даже после того, как слуги поставили скамью на место. Вскочили остальные четверо. С самой грязной бранью, которую только смогли измыслить их затуманенные алкоголем головы, он надвинулись на Конана.

Хепат заметил, что ни один из них не прикоснулся ни к мечу, ни к кинжалу. Очевидно, узрев длинный меч противника, они предпочли рукопашную. А может быть, по каким-то причинам, здесь не принято убивать? Хепат задумался о возможных причинах, но так ничего и не надумал. Освежившись несколькими глотками вина, он вспомнил, что запрещено обнажать оружие только в храме, — но это славное место, где они так весело проводили время, никак не походило на святилище.

К этому времени сквернословы приблизились,

и один был настолько невежлив, что выбил кружку из рук Конана. Хепат хихикнул. Самоубийцы!.. Он приказал слуге принести новую кружку, но его никто не услышал. Поднялся шум.

Конан в гнев вскочил, забыв пригнуть голову... Окончательно рассвирепев, он двинулся на противника...

Потягивая вино, Хепат с интересом наблюдал, как летают по таверне невежливые бродяги. Самое интересное было в том, что пиршество, в общем, продолжалось. Иногда, конечно, случалось, что очередной сквернослов, прилетев в самый дальний конец пещеры, невзначай опрокидывал уставленный кувшинами стол, но слуги быстро наводили порядок, и трапеза продолжалась. Оружия никто так и не обнажил, и это особенно понравилось гному.

А когда Конан с невозмутимым видом вновь уселся за стол, ему захлопали все, кто был в состоянии шевелить руками. Другие разразились невнятными криками одобрения. А хозяин-получеловек, распорядившись унести пятерых сквернословов, бесплатно преподнес Конану самый большой кувшин вина. Словом, Хепат был очень доволен обедом и на время забыл о том страшном, что ожидало их в заброшенном царстве Вармина.

* * *

Уже два дня пробирались друзья по заброшенным, полужасыпаным тоннелям. Иногда они вы-

ходили в пещеры естественного происхождения, представляющие собой настоящие лабиринты. Но Хепат, безошибочно выбирая направление, вдохновенно вел их к царству предков. В нем, наконец, пробудилось чутье подземного жителя.

Порой Конану казалось, что гном шагает наугад. Сворачивает в первые попавшиеся тоннели. Не задумываясь, перебирается через завалы. Лезет в какие-то незаметные норы.

Но Хепат был так уверен, так тверд в выборе маршрута, что Конан проникся уважением к его чутью.

Поистине, думал он, гномы должны обладать чувством направления, позволяющим ориентироваться под землей, иначе им просто не выжить. Правда — искоса глянув на друга, северянин почесал голову — они и не выжили... Хепат, вон, последний из племени... Да и других становится все меньше... И все же чувство направления им дано, на это, пожалуй, можно положиться.

— Уже скоро, — возвестил вдруг Хепат, сворачивая в очередной тоннель, — я ощущаю...

— Что именно? — Конан с интересом посмотрел на маленького друга.

— Что приближаемся к царству моих отцов... И присутствие чего-то страшного... Мы обречены... Как можно сражаться с безымянным ужасом?

— Но у этого ужаса должно быть тело, которое можно поразить мечом!

— А если у него не будет тела? — с тоской спросил гном. — Что тогда?

— Тогда и посмотрим, — пробурчал Конан

Друзья молча зашагали по вновь открывшемуся тоннелю, который неожиданно закончился глухой стеной. Конан стукнул кулаком по каменной кладке, перегородивающей путь. Раздался гулкий звук.

— Стена не слишком толстая, можно попытаться пробить в ней отверстие.

— Но кто и зачем, отгородил царство Вармина? — с дрожью спросил гном. — Это подтверждает...

— Ладно, — перебил Конан, — кладка, похоже, не очень прочная, попробуем расшатать...

Он ухватился за нижний камень, выступавший более других, и принялся его раскачивать. Скоро камень зашатался, как пьяный наемник. А через некоторое время Конан выворотил его из стены.

Хепат присел на корточки, наблюдая, как трудится его друг, и жалея, что ничем не может помочь.

— Пожалуй, можно пролезть, — прохрипел Конан, выворачивая очередную глыбу.

Не теряя времени, он лег на пол и неожиданно ловко полез в отверстие. Не успел Хепат оглянуться, как его друг исчез. С кряхтением опустившись на четвереньки, гном просунул голову в пролом. Секунду он был неподвижен, а затем вскочил и с ужасным криком пустился бежать. Прочь! Прочь от этого ужаса! Там смерть, там разложение, там самые отвратительные монстры бродят по некогда прекрасному царству, стена

от голода и теряя гниющую плоть. Они мертвы! Они все мертвы и стремятся поедать живых. Их терзает вечный голод! Вот зачем тут была стена — чтобы они не вырвались наружу. А теперь?! Что будет теперь, когда Конан проделал проход? Они полезут, распространяя вонь и роняя червей! Они придут за нами! Конан обезумел, решив разрушить стену! И где он теперь? Что с ним стало? Его рвут на части когтистые трупы! Обглаживают ненасытные чудовища! Его... его...

И Хепат вдруг понял, что он бросил друга в беде. Куда он бежит?! Как посмел он поддаться страху?! Он должен защищать спину друга, а он бежит, как последний трус. Как тогда, когда он оставил погибать братьев!.. Да, они не стали бы отступать...

Но он... Он должен был сражаться рядом и погибнуть с честью, как они! А он... струсил. Он тогда попросту струсил! Проход могли закрыть и без него. Для этого все было подготовлено, и тяжело раненный, уже не способный сражаться, гном ждал нужного момента. Его глаза!.. Какими глазами смотрел он на Хепата! Самый младший из братьев струсил — потерял меч и щит! И отступил, что для гномов племени Вармина было невозможно, невысказано, невероятно... Этот старый воин вскоре умер от ран, но даже страдая от боли и жажды, он не заговорил с трусом, не попросил его принести воды... А когда Хепат, догадавшись, принес в шлеме родниковую воду, воин не обратил на нее внимания... И умер, как герой. Как и положено умирать гному...

А он, Хепат, с невыносимой болью, со слезами, брызнувшими на кольчугу, понял, что он — жалкий трус!

И вот теперь — он опять убежал! Трус! Не сбавляя темпа, Хепат повернулся и побежал обратно. Другу нужна помощь! Только бы успеть! Только бы успеть прикрыть его спину!

Когда запыхавшийся гном прибежал к стене, Конан сидел на камне. Меч его по-прежнему покоился в ножнах, но лицо блестело от пота.

— Страшновато там... — хрипло сказал киммерец. — Никого нет, а страх наваливается, будто скала. Того и гляди раздавит...

Гном, тяжело дыша, присел рядом.

— Конан, — с трудом выговорил он, — извини, что я...

— Ты молодец, что сумел вернуться, — Конан хлопнул его по плечу.

— Сколько раз обещал себе не садиться рядом, — проворчал Хепат, поднимаясь с земли. Он откатил подальше один из камней, сел и тяжело вздохнул.

— Значит, там никого нет?

— Я прошел шагов двести и никого не встретил, — пробормотал Конан, вытирая пот со лба, — но страху натерпелся...

— Странно... мне сейчас кажется, что какой-то мертвец, вроде нашего висельника-колдуна, стоит на той стороне и собирается...

Хепат вдруг вскочил и собрался бежать, но, заметив укоризненный взгляд друга, заставил себя вновь усесться на камень.

— Я боюсь... — прошептал он. — Я никогда не смогу войти туда...

— Тогда я пойду один. Ты мне расскажешь, как пройти к сокровищам...

— Нет! Я один не останусь! Я убегу... Или страх убьет меня...

— Ну, ты можешь подождать меня в другом месте... Давай договоримся...

— Нет! Не бросай меня, Конан, — еле слышно сказал гном. — Не бросай... я уже заражен страхом... я буду бояться везде!

Конан поудобнее уселся на угловатом камне, окинул взором сырые своды тоннеля.

— Тогда только один выход... — в раздумье сказал он. — Только один.

— Какой?

— Тренировка.

* * *

Хепат вошел в облако. Туман. Откуда здесь туман? Что тут таится, укрывшись мокрым белым пологом? Как в тяжелом кошмарном сне, передвигал он непослушные, ватные ноги. Надо идти. Надо двигаться, несмотря на то, что холодеют руки и трудно дышать. Он попытался глубоко вздохнуть, но горло перехватил спазм. Тут смерть! Смерть от удушья. Схватившись за горло, Хепат упал на колени. Он широко открыл рот и с силой втянул холодный, насыщенный влагой воздух. Приходилось заставлять легкие работать. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Стало немного

легче. Но слышались шаги. Кто-то приближался. Невидимый в тумане враг. Чудовище. Возможно один из тех, кто шагает, теряя гниющую плоть...

Гном с трудом выпрямился. Ничего не видно, но звук, кажется, идет оттуда... Он повернулся, приготовившись встретить страшного врага лицом к лицу. Опять шаги... позади... Его окружают! Хепат почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Руки дрожали. Донесся запах гнили. Секунду спустя, его окутал ужасный смрад, будто он находился в склепе, куда недавно положили несколько покойников.

Мертвецы! Его окружают мертвецы! Скоро, скоро он увидит их выеденные червями глаза. Их открытые пасти дохнут зловонием... а потом... А потом, они вгрызутся в его плоть и будут рвать ее на части...

Несчастный гном почувствовал холодное прикосновение к спине. С криком он обернулся, но позади никого не было. Волосы на голове теперь шевелились непрерывно. Опять прикосновение холодных рук... Кто-то сзади пытается обхватить его шею. Какой смрад! Нечем дышать! Сейчас, сейчас в него вопьются желтые клыки мертвецов!..

Хепат вновь упал на колени. Тело отказывалось служить. Бессильно опустились руки. Из тумана медленно выплывало отвратительное лицо мертвеца. В глазницах шевелились черви. Темный провал открытого рта изрыгал такой смрад, что щипало глаза.

Почти теряя сознание, гном увидел костяные руки, протянутые к его горлу.

О боги! Это конец. Ему, Хепату, последнему гному из племени Вармина, суждено быть растерзанным ожившими мертвецами! Что остается? Закрывать глаза и не видеть... А как поступил бы Конан? Тоже закрыл глаза? Также упал бы на колени?!

И гном ощутил силу. Только перед неминуемой гибелью появляется у живых существ эта сила — последняя, отчаянная попытка жизни защитить себя.

Отказывает парализованный ужасом разум — он больше не нужен: теперь всем управляет сила! Исчезает привычное чувство самосохранения — оно только помешает в последней, страшной битве за жизнь!

И слабые становятся богатырями, трусливые — храбрецами, те, кто никогда не держал в руках оружия — искусными воинами.

Издав зычный боевой клич, гном вскочил, сжимая в руке кинжал. Бабочкой порхал он по тоннелю, нанося удары во всех направлениях. Он колот, рубил, пиная, прыгал и метался, как дикий зверь...

Постепенно странный туман рассеялся, а никаких полусгнивших мертвецов вокруг не оказалось. Тяжело дыша, Хепат остановился в недоумении. Он готов был поклясться, что сталь рубила кости, удары отбрасывали чьи-то тяжелые тела.

Никого нет? Никого и не было? Только страх?

Он боролся не с мертвецами, он боролся с собственным страхом.

— Отлично, друг мой! — сказал Конан, похлопывая гнома по плечу, предусмотрительно придерживая его другой рукой.

— Что это было? — прохрипел Хепат. — Мне казалось...

— Это был просто страх. Один только страх. Ты сумел победить. Еще несколько таких тренировок, и ты будешь готов идти дальше!

— А ты? — Гном поднял на друга затуманенный взор. — Тебе страшно?

— Конечно, страшно. Но мне легче — я могу в любой момент вызвать у себя то состояние, которое пришло к тебе в конце. У нас в Киммерии многие войны умеют в нужные моменты, что называется, впадать в безумие.

— Берсерки? — тихо спросил гном. — Я слышал о таких... Значит, это и есть?.. Я теперь... берсерк?

— Ну, почти, — Конан улыбнулся. — Теперь отдохнем и немного закусим. Можем сделать это с той стороны стены.

* * *

Несколько часов дружба, изнемогая от страха, продвигались по слабо освещенному тоннелю. Растений пуго тут было куда меньше. Кроме того, Хепат заметил, что они вянут и осыпаются.

Всепоглощающий страх, вероятно, действовал и на них.

С тех пор как друзья вступили в заброшенное, давно опустевшее царство Вармина, леденящий страх не отпускал ни на минуту. Гному приходилось несколько раз вызывать у себя состояние берсерка. После этого страх на время рассеивался, отступал. Конан только утирал пот со лба — это был единственный признак того, что ему тоже страшно.

— Сокровищница там, — Хепат махнул вялой рукой на стену. — Скоро будет разветвление. Эти места я хорошо помню.

Дрожа всем телом, он остановился. Взгляд его наполнился безумием.

— Там, за углом... там стоит...

— Да, я чувствую... — прохрипел Конан, — но, скорее всего, там никого нет... Однако приготовиться необходимо.

Твердой рукой он обнажил меч и почувствовал, как отступил, съежился страх. Несколько раз глубоко вздохнув, он неслышно пробежал расстояние, до того места, где тоннель пересекался с другим, более широким, и исчез за углом. Хепат знал, что Конан рядом, что он сражается с монстром... или со страхом, но паника от одиночества захлестнула, как мутная волна.

Один... Гном попытался сжать кулаки, но пальцы не слушались.

Один, ты теперь один, — твердил кто-то у него в голове. Конан исчез, ты его больше не увидишь. Ты — один. А одному тут не выжить. Тебя скоро обступят полустгнившие мертвецы... Они уже идут... Они близко...

Хепат застонал. Где же друг? Почему его нет так долго? И почему так тихо?

Конан, переводя дыхание, показался из-за угла. Вложил меч в ножны. Еще раз вздохнул.

— Там никого нет...

Хепат из последних сил ухватился за огромную руку друга. Она — эта мощная рука, покрытая буграми мышц и шрамами, — его единственная опора. Только бы Конан не бросил его здесь, в царстве страха.

— Я думаю, мы близки к цели... — проговорил Конан. — Похоже, что тот, кто насылает ужас, где-то неподалеку.

Хепат и сам чувствовал, что терзающий их души страх увеличился неимоверно. Теперь даже Конану — закаленному воину — не хватало дыхания. Даже у него иногда — Хепат заметил это с удивлением — дрожали руки. Но шаг киммерийца по-прежнему оставался твердым, а взгляд холодным, как ледник, в котором отражается синее небо.

Вцепившись в руку друга, как испуганный ребенок, Хепат с трудом передвигал отяжелевшие ноги. Сапоги, как каменные... Одежда — тяжелый груз на плечах...

Несколько раз они пересекали естественного происхождения пещеры — большие и маленькие, сверкающие красотой, и темные, будто огромные, пустые бочки. Но не было сил даже поднять взор. Шаркая ногами, друзья из последних сил продвигались вперед.

— Теперь... будет небольшая пещера... трон-

ный зал, — хрипел гном, — там, за тронном... вход в потайной... тоннель... и там... сокровища.

Тяжело дыша, Конан заставил себя оглядеться. Они стояли у входа в небольшую пещеру, явно искусственного происхождения. Стараниями искусных камнетесов, из стен выступали темные лики чудовищ. Свод ощерился зубами огромного монстра, с языка которого в подставленную каменную чашу капала вода. В общем, если бы Конан мог сейчас говорить, он бы сказал, что тронный зал производит мрачноватое впечатление.

У противоположной стены возвышался массивный каменный трон. Стоящие рядом идолы угрюмо смотрели на путников рубиновыми глазами.

Страх накрывал лавиной. Стоило друзьям сделать несколько шагов, как на них обрушилась такая волна непереносимого, сводящего с ума ужаса, что Хепат, вскрикнув, потерял сознание, а Конан со стоном обхватил руками голову. В глазах потемнело. На губах чувствовался привкус крови. В висках пульсировала боль.

Стиснув зубы, Конан заставил себя взглянуть на трон. Это должно быть там... Источник сводящего с ума ужаса... Некто, распространяющий мутные волны непереносимого страха...

Тяжело дыша, чувствуя, как по спине ручьями струится пот, Конан, преодолевая себя, двинулся вперед. Ужас ударил с утроенной силой. Гигант, шатаясь, с трудом удерживался на ногах.

Нужно всего лишь дойти до трона и взмахнуть мечом... Вряд ли это существо сможет защи-

щаться... Его оружие — страх. И если преодолеть страх, то...

Сосредоточившись, Конан заставил себя войти в нужное состояние. Варвара-берсерка не испугать! Меч молнией сверкнул в его руке.

Издавая нечеловеческое рычание, киммериец, с поднятым мечом, шаг за шагом приближался к трону. Дойти и убить! Убить это существо, терзающее его душу! Побеждая ужас возбуждением берсерка, Конан достиг наконец трона.

Мерзкая, покрытая слизью многоножка — раздутая, как морской еж, суча лапками, лежала на сиденье древнего трона. Ее злобные красные глазки непрерывно пульсировали, источая такой ужас, что Конан на миг лишился сознания. Но могучая воля воина-берсерка вырвала его из темноты, и, собрав последние силы, он опустил меч на мерзкое существо.

Брызнула темная жидкость. Две половинки твари извиваясь, затихали на оскверненном троне. Глаза, мгновение назад излучавшие убийственную ненависть, потускнели.

И страх отпустил. Исчез, растаял, как туман на ветру. Прекратилось давление на мозг. Настал миг, а может, вечность, блаженного покоя. Конан глубоко вздохнул и с облегчением рассмеялся.

— Мы победили! — крикнул он зашевелившемуся другу. — Мы победили эту тварь! Мы победили страх!

Он высоко поднял меч и вновь засмеялся.

— Кто это был? — Хепат с трудом поднялся. Страх отпускал его медленно, неохотно. Но гном

чувствовал, что исчезло главное — исчез источник ужаса, и теперь все будет хорошо. — Кто же это? Откуда он взялся?

— Какая-то небольшая тварь... — Конан указал мечом на останки. — Кто знает, откуда она выползла... раньше я ни о чем подобном не слышал.

— Я слышал... — прошептал гном. — Кажется, я слышал... В старой легенде говорилось о чистом ужасе, замурованном в недрах горы. Легенда гласила, что победить его невозможно... что никто никогда его не видел... а те, кто подходил к его логову слишком близко, — сходили с ума или умирали. А другая легенда рассказывала, что один воин сразился с этим ужасом, но проиграл... И там эта тварь описывалась как ужасный великан с множеством рук и горящим, как уголья, взглядом.

— А великан оказался козявкой, — усмехнулся Конан.

— Да оно и понятно, — продолжил гном, — великан побеждает силой, а вот такая мерзость могла действовать только страхом.

— Именно в страхе — ее сила. Но не пора ли нам заняться сокровищами? — Конан с интересом огляделся. — Я не вижу никакого входа в сокровищницу.

— Вход — за тронном. Нужно отодвинуть его в сторону...

Друзья переглянулись.

— Однако это будет не простая задача, — Хепат почесал затылок.

Конан прикинул вес трона. Да, сдвинуть его с места — все равно что поднять слона!

— Как же Вармин входил в сокровищницу?

— Приходил отряд самых сильных гномов с веревками. Они в течение дня возились с тронном, и лишь к вечеру проход оказывался свободен.

— Ну, что ж, попробуем вдвоем и без веревки? — Конан серьезно посмотрел на своего маленького спутника.

Друзья уперлись ногами в землю, а руками в трон. Закряхтел Хепат, вздулись мышцы у Конана, но резная каменная глыба даже не пошевелилась. Через некоторое время стало ясно, что сдвинуть трон не удастся. Конан крякнул с досады. Хепат виновато опустил голову. Он должен был подумать о том, как добраться до сокровищницы! Но что тут можно было придумать? Пригласить заранее человек десять компаньонов?..

— А за что они цепляли веревки? — Конан смотрел на трон. Действительно, резная глыба не имела выступов и стояла вплотную к стене. Чтобы обвязать трон, его следовало хотя бы слегка отодвинуть от стены. Конан брезгливо сбросил увядшие останки многоножки и, смахнув пыль, стал ощупывать украшенную резьбой спинку.

— Да они же — одно целое! — воскликнул он, сердито глядя на Хепата. — Трон не просто стоит вплотную к стене — он высечен из скалы, как все эти чудовища! Как эта морда наверху!

— Неужели меня обманули?! — забормотал гном. — Мне говорили, что сокровища за тронном...

— Что?! — заревел Конан. — Так ты сам их даже не видел? Тебе говорили?!

— Я видел их, — гордо выпрямившись, произнес Хепат, — но в старом хранилище. Один из моих братьев был стражем. Он водил меня и показывал... Я видел сундуки, наполненные камнями, золотом... Я запускал в них руки... — В доказательство гном показал Конану мозолистые ладони. — Потом выдолбили новую пещеру, в нее перенесли сокровища и спрятали за тронем. Так мне сказал брат!

Гном расправил поникшие плечи:

— Хепат, последний из племени Вармина, никогда не опустится до лжи!

— Ладно, — смягчаясь, сказал Конан, — во всяком случае, я думаю, что отряд с веревками приходишь только для того, чтобы морочить голову. Тут должен быть какой-то секрет. Будем искать...

* * *

Секрет оказался простым, но чтобы отыскать его друзьям потребовалось много времени. В стене, недалеко от трона, нашелся «волшебный» камень. Надавив на него, Конан привел в движение систему рычагов и противовесов. Казалось, в самых недрах горы что-то заворчал, заскрежетало, задвигалось.

Медленно и нехотя часть стены вместе с тронем и идолами с рубиновыми глазами выдвинулась вперед. Открылся небольшой темный лаз.

Пуго в проходе не росли, и Хепат запалил факел, который упорно носил в заплочной сумке.

Низкий коридор привел друзей в помещение, где вдоль стен стояли массивные, окованные железом сундуки.

— Ну, вот, — у гнома запершило в горле, и он гулко откашлялся, — вот и сокровища!

— А почему у всех сундуков сбиты замки? — хмуро поинтересовался Конан.

Откинув крышку ближайшего сундука, он извлек из щели единственный закатившийся туда камешек. Остальные сундуки также были пусты. По углам и щелям удалось набрать горсти две камней. Конан молчал. Хепат непрерывно костерил неизвестных грабителей, ругаясь и на языке гномов, и на языке людей. Несколько особенно длинных проклятий он произнес на древнем языке «живущих рядом».

— Постой, — сказал Конан, — ты, помнится, хотел добыть еще какую-то вещь... Когда мы отправились за книгой...

— Это волшебный посох, — грустно сказал Хепат, — но без книги он бесполезен... да и искать его долго... Надоели мне подземелья! Давно я солнца не видел...

Конан едва не лишился дара речи.

— Чтобы гном говорил, что ему надоели подземелья?!

— Я, наверное, плохой гном... И слишком долго жил среди людей. Я полюбил солнце. Я так тосковал по нему последнее время...

— Зато здесь, под землей, ты научился побеж-

дать страх! — Конан занес было руку, чтобы хлопнуть друга по плечу, но вовремя остановился.

Долгое время друзья молча сидели на пустых сундуках. Пора было возвращаться.

— Ну, что ж, — сказал наконец Конан, разглядывая найденные самоцветы, — чтобы как следует погулять и повеселиться, нам хватит. А потом поедем откапывать горшок с алмазами!

Глава первая

*Лето 1285 года по основанию
королевства Аквилонского,
Великое герцогство Райдор, Бритуния.*

Сегодня Конан просыпался долго и мучительно. Вылезать из-под теплого мехового одеяла решительно не хотелось, по телу разлилась неприятная и совершенно непривычная слабость, голову будто залили расплавленным свинцом, а про вкус во рту лучше вообще не упоминать — мерзость непередаваемая...

«Надо обязательно вспомнить, что вчера произошло, — мысли катились тяжело и гулко, ровно гранитные булыжники под гору. — Сначала мы с Гваем зашли в «Три меча», это совершенно точно... Потом... А что было потом? Вроде бы я отправился в «Синюю розочку». Или все-таки в «Приют странника»? Кажется, подрался с кем-то, но с кем именно не помню... И самое главное —

каким образом я оказался дома? Сам дойти не смог бы, это совершенно точно. Прибыли? Кто? Гвайнард? Нет, он вроде потерялся сразу после кутежа в «Трех мечах»... Боги, как же мне скверно! Старею, что ли? Тридцать шесть лет — это тебе не восемнадцать, надо быть поосторожнее...»

Грохнула дверь и на пороге комнаты нарисовался Эйнар, возмутительно свежий и бодрый. Киммериец, узрев жизнерадостную эйнаровскую улыбку непроизвольно икнул и к горлу подкатил неприятный скользкий комок.

— Пьянь, — припечатал варвара Эйнар. — Ты хоть помнишь, что вчера вытворял?

— Не особенно... — хрипло отозвался Конан. — Слушай, принеси воды, разведенной вином, а?

— Не дожدهшься, — бессердечно хихикнул верный друг и соратник. — Вставай, топай в кладовку и хлебай рассол из бочки. Говорят, помогает. Ты хоть знаешь, что полдень недавно отзвонили? Все давным-давно на ногах! Хватит раскидать, обед скоро.

При мысли о варвара едва не вытошнило. Эйнар, скотина такая, запустил в Конана валявшейся на соседней кровати подушкой и мигом нырнул в дверной проем, опасаясь справедливого возмездия, которого впрочем, не последовало — киммериец решил отложить причитающуюся нахалу взбучку на потом.

Для начала следовало одеться. Штаны здесь, нижняя и верхняя рубахи — вот они, безрукавка валяется на полу. Все это прекрасно, но где же сапоги?

Левый сапог обнаружился под кроватью, а куда подевался правый? Конан, преодолевая головную боль, тщательно исследовал комнату, однако пропажу не обнаружил.

Выглянул за порог — так и есть! Сапог валялся в коридоре, сразу у двери.

— У меня что, ноги за минувшую ночь подросли? — вслух озадачился варвар. Обувка неожиданно оказалась безбожно мала. — Постойте... Это не мои сапоги!

Как всякий опытный путешественник киммериец придавал обуви весьма большое значение. Сапоги должны быть сшиты из мягкой продубленной кожи, идеально подходить к ноге по размеру, обязаны быть непромокаемыми, с ровной подошвой без каблука. Еще желательны металлические накладки на носке и пятке. Все минувшие годы Конан заказывал сапоги только у лучших мастеров — последние, конечно, брали за труды большие деньги, но зато варвар всегда был уверен, что покупает хорошую вещь. Испортить ноги кровавыми мозолями во время дальнего пути — самое последнее дело!

Сапоги, которые Конан сейчас держал в руках тоже были неплохими, но до придирчивых требований киммерийца никак не дотягивали. Кожа жестковата, носок сбит, да и высота голенища совершенно другая — Конан предпочитал, чтобы голенище не достигало колена на полную ладонь, а у этих загадочных сапог оно оказалось совсем коротким. Опять же обнаружился деревянный каблук, каковых Конан не терпел — его собствен-

ные сапоги обычно обтягивали ногу подобно кожаному чулку...

— Эйнара убью! — провозгласил киммериец и поморщился от звука собственного голоса. В череп будто раскаленное шило вставили. — Не иначе, его выходки!

Раздражение Конана усилил тот факт, что из левого сапога выпала дохлая мышь. Как она там оказалась даже гадать не пришлось — проклятуший Эйнар всегда являлся большим любителем глупых шуток.

Мысленно сплюнув, киммериец выбросил трупик мышонка в открытое окно и босиком отправился в «Арсенал», как прозвали охотники самую обширную комнату своего дома на Волчьей улице. В общем-то, Арсенал одновременно являлся и общей столовой, и помещением, где проходили маленькие военные советы Ночной Стражи, и хранилищем оружия, живописно развешенного на стенах.

— С утречком, — донельзя мрачный и небритый Гвайнарда, восседавший за столом и целомудренно попивающий козье молоко уставился на Конана. — Слушай, ты не брал мои сапоги?

До замутненного вчерашними винными парами разума киммерийца не сразу дошел смысл данной фразы. Конан углядел кувшин со светлым домашним пивом и все помыслы устремились к сему вожаденному сосуду. Первая кружка, вторая... Отлично! Теперь можно жить и действовать!

— Что ты сказал? — варвар устремил на пред-

водителя охотников по-детски невинный взгляд ясных голубых глаз.

— Сапоги пропали, — деревянным голосом отозвался Гвай. — Мои любимые, из бурой замши. Вместо сапог утром обнаружил какие-то жуткие опорки, такие даже распоследнему нищему носить не приличествует...

— Так... — протянул киммериец и побарабанил пальцами по столу. — Эйнар! Бегом сюда! Живо!

Броллайхэн, выкroив на лице озадаченное выражение, выглянул из-за двери, ведущей на кухню. В руках держал влажное льняное полотенце.

— Чего орешь?

— Ты подожди, подожди. Не бойся. Убивать мы тебя не будем, только слегка помучаем.

— Да в чем дело-то? — Эйнар продолжал хранить удивленно-обиженный облик. — Когда ты в меня по утрам подушками кидаешься — я молчу, а стоит...

— Сапоги верни, — задушевно сказал Конан. — Мои и Гвайнарда. Ты припрятал?

— Какие, к демонам сапоги! — тут броллайхэн возмутился уже не на шутку. — Одного приводит — точнее приносит! — домой городская стража, другой является посреди ночи, голоса похабные песни на всю улицу, оба выглядят так, будто искупались в винной бочке... А мне и Асгерд, между прочим, пришлось давать взятку капитану кордегардии, чтоб не доносил куда следует о ваших безобразиях!

— Безобразиях? — Гвай мучительно наморщил лоб. — Каких?

— Безобразных безобразиях! Его милость Конан Канах, извольте видеть, соблагоизволил учинить разгром в заведении госпожи Альдерры, да такой, что хозяйке «Розочки» теперь придется заново вставлять две оконных рамы и покупать новую фарфоровую посуду у кхитайских купцов, а фарфор из Пайкина стоит недешево! Конан, ответь, чем тебе не угодили два наемника из купеческого каравана, пришедшие отдохнуть в «Розочку»? Парни тебе ничего не сделали, а ты за чем-то вышвырнул их в окно!

— Видимо, рожи не понравились, — вздохнул киммериец, начавший припоминать кое-какие подробности вчерашнего вечера. — Сегодня схожу к госпоже Альдерре с извинениями. И расплачусь за ущерб, конечно. А что Гвай вытворял?

Эйнар возвел очи горе:

— Хвала богам, месьор Гвайнард оказался не столь буен. Он всего лишь спустил в «Приюте странника» сорок два золотых аурея, сиречь почти треть нашего прошлого заработка и упился до такой степени, что ближе к ночи мог произнести только два слова: «ы-ы-ы» и «селянки». А когда рухнул под стол, позабыв о прекрасных селянках, его мигом прибрала к рукам городская стража. По счастью капитан знает, что мы любимчики светлейшего герцога, и нарушителя благочиния препроводили не в холодную, а домой. И все равно, пришлось задабривать полусотника десятком шеллинов — очень уж был недоволен. Ты за чем пытался подражаться с гвардейцами?

— Не помню, — честно признался Гвайнард.

— В следующий раз... — Арсенал почтила своим вниманием Астерд, доселе воевавшая на кухне с горшками и сковородами, — в следующий раз все заработанные нами деньги будут храниться у меня. А вы, други любезные, будете получать каждый день по шеллину на сладости. И не медяком больше! Между прочим, я подвергаю свою жизнь не меньшей опасности, чем вы, большие и сильные мужчины с разумом, младенца, и мне причитается равная доля заработанного!

— Ну что такое лишние сорок-пятьдесят ауреев? — попытался вяло оправдаться Конан. — У нас куча денег! Только за бруксу из Ронина мы получили куда больше, чем можем потратить за весь год!

— Требуется заказать новые сети из серебряной проволоки, — начала загибать пальцы Астерд. — Напомнить, в какую сумму обойдется работа мастера Алаша? Стрелы, два посеребренных клинка работы граскаальских двергов, снадобья для ночного зрения у алхимика Гизульфа, я присмотрела в лавке магических принадлежностей несколько очень полезных амулетов, и покупать их надо как можно скорее, чтобы герцогский алхимик не перехватил для своей дурацкой коллекции... Кстати, наш сосед, месьор Харт, с женой и четырьмя детьми живет всего на двести ауреев в год! Тьфу на вас!

Астерд развернулась и отбыла на кухню, не забыв как следует хлопнуть дверью.

— М-да, что-то мы вчера увлеклись, — обескуражено проговорил Конан. — Но зато отдохнули

на три седмицы вперед. И сапоги еще... Эйнар, ты их точно не брал?

Броллайхэн только покрутил пальцем у виска и отправился вслед за Асгерд, не забыв бросить напоследок:

— Хоть бы котлы помогли почистить, олухи! А то за хозяйством следим только я, Асгерд да госпожа Тюра! В ее возрасте тяжело быть домоправительницей!

Эйнар хлопнул дверью не менее громко, оставив бравых охотников в состоянии огорченной растерянности.

* * *

Не стоит даже говорить о том, что таинственно исчезнувшие сапоги так и не обнаружили, а появление в доме двух пар совершенно чужой обуви осталось неразрешенной загадкой.

Настырный Конан, слегка отойдя от чудовищного похмелья, перевернул дом от погреба и подвала до конька крыши, однако ни своих, ни гваевских сапог не обнаружил. Затем варвар извлек из сундука, где хранились вещи, совершенно новую и не разношенную пару, недовольно ворча обулся, прихватил припрятанный «на черный день» кошелек с золотом, забрал из яслей Гнедо-го, и отправился в город, разгребать последствия вчерашнего гульбища.

Само собой, первым делом киммериец навес-тил сапожника, снял мерку и заплатил мастеру вперед — обошлось недешево, тридцать два шел-

лина пайрогийской чеканки. Засим Конан почтил визитом «Синюю Розочку» — единственный в Райдоре веселый дом, где варвар был частым и весьма щедрым гостем (благо даже по меркам богатых держав наподобие Немедии или Аквилонии охотники на монстров зарабатывали своим ремеслом очень неплохие деньги).

Златоволосая госпожа Альтерра — пухлая, невысокая и томная дама, вошедшая в возраст, когда поэты с куртуазной сдержанностью именуют женскую красоту «увядающей» — встретила Конана на удивление радушно. Кому как не содержательнице дома свиданий понимать маленькие мужские слабости? Киммериец тяжеломерно принес извинения за вчерашнюю не слишком удачную вечеринку, с неудовольствием покосился на плотников и стекольщиков, восстанавливающих ажурные рамы окон главной залы «Розочки» и уверил почтеннейшую матрону, что ничего подобного впредь не повторится.

Хозяйка милостиво сообщила, что все происшедшее — это «глупости» и «всякое в жизни случается», после чего из милейшей тетушки, присматривающей за своими прелестными курочками, превратилась в сущего монстра, рядом с которым все виденные Конаном за последние седмицы арфаксаты, бруксы, мантикоры или вампиры показались бы стайкой невинных ягнят, мирно выпасаемых юными пастушками на залитой солнцем цветущей лужайке.

Звериный оскал «женщины дела и золота» был варвару не слишком приятен, но как человек че-

стный, он согласился, что оплатить причиненный ущерб необходимо. Сколько-сколько? Шесть десятков ауреев? Нет, милостивая госпожа Альдерра, стоимость привозимого из Турана стекла высока, но не настолько же! Фарфор? И это — настоящий кхитайский фарфор? Чепуха! Я бывал в Кхитае несколько лет тому назад и умею различать! Офирская подделка!

Сговорились на тридцати золотых и Конан счел эту сумму немного завышенной, но справедливой.

Осведомился насчет сапог — не забывал ли? И не перепутал ли с чужими (что было невероятно, ибо пара, обнаруженная Конаном с утра на ногу решительно не належала)? Госпожа Альдерра ответила, что на нее прошлым вечером свалилось множество иных забот и следить за сапогами гостей ей было, мягко говоря, несподручно. Впрочем, никто из других посетителей не жаловался на пропажу.

При сердечном прощании Конан подарил любезной хозяйшке небольшую, но красивую золотую безделушку кофийской работы и с тем отбыл домой, сочтя свой долг выполненным.

Оказывается, вся компания была в сборе, разместившись вокруг стола. Сдвинули в сторону оставшуюся от обеда посуду и зачем-то расстелили большую карту Пограничья и Закатной Бритунии, придавив углы глиняными плашками. Физиономии сумрачные — неужто случилось что-то?

— Явился? — Гвай мельком взглянул на варва-

ра и снова уткнулся в карту. — Как всегда пропускаешь все самое интересное! Почитай письмо — только что с гонцом доставили!

Асгерд перебрала киммерийцу пергаментный свиток со сломанной печатью в виде окруженной сосновым венком волчьей головы — гильдейский символ Ночной Стражи!

«Приветствую Гвайнарда из Гандерланда!..»

Варвар развернул послание и поморщился. Написано по-немедийски, а этом языке Конан говорил не слишком хорошо, а читал еще хуже. Однако, у автора депеши была твердая рука и разобрать смысл не составило особого труда.

«С сожалением сообщаю об исчезновении отряда Рульфа Нумалийского. Последнее сообщение от Рульфа пришло в Нумалию в день Середины лета, их дальнейший путь пролегал полуночнее Соленых Озер к баронству Лотар, поскольку именно там сложилось отчаянное положение, о котором я тебе уже писал... Мы находимся слишком далеко и ничем не можем помочь. Высший Совет гильдии просит тебя действовать в соответствии с принятыми уложениями и по возможности известить о результатах.»

Дайнар из Бельверуса, Хранитель»

Внизу красовался оттиск перстня — дворянский герб в виде распахнувшего крылья сокола, держащего в лапах пучок лучных стрел. Венчала эмблему самая настоящая герцогская корона.

— Ничего не понял, — помотал головой варвар. — Кто такой Рульф, почему он исчез? Что происходит в баронстве Лотар и где оно находится? И почему, в конце концов, нам — никому не

известным охотникам из дремучего захолустья! — пишет человек, с короной герцога над гербом?

— А ты что же, думаешь в гильдию Ночной Стражи входят исключительно бродяги-наемники, безземельные младшие сыновья провинциальных дворян или просто искатели приключений? — усмехнулся Эйнар. — Между прочим, сообществу охотников на монстров около полутора тысяч лет, после падения Кхарии Ночная Стража была почетнейшим дворянским ремеслом. Так что традиции сохранились доселе. Герцог Дайнар является Хранителем Совета гильдии — нечто наподобие канцлера. Он отвечает за сбор сведений о действиях разных отрядов Стражи к Закату от моря Вилайет...

— Хм, а я-то всегда думал что у охотников нет никаких руководителей и мы действуем только на свой страх и риск, — воскликнул Конан. — С ума сойти!

— Никто нами не руководит, — поморщился Гвай. — Совет Хранителей гильдии существует для того, чтобы помогать охотничьим ватагам в их работе, при нужде ссужать деньгами и магическими предметами, а заодно собирать новости, представляющие для нас определенный интерес. И последние новости — весьма скверные, скажу я тебе.

— Тогда объясняй, в чем дело!

— Я и пытаюсь... Сядь, не мельтеши. Взгляни на карту. Синими полосами отмечены рубежи Немедии, Пограничья и Бритунии. Дело в том, что к Полуночи от немедийских Соленых озер

лежат ничейные земли, часть из которых занята так называемыми «Вольными Баронствами», не подчиняющимся ни одной короне, а часть вообще не заселена людьми — слишком дремучие леса, слишком топкие болота и просто слишком опасные места.

— Опасные? Из-за лихих людей? — Конан отлично знал, что если любому каторжнику Закатного материка удастся сбежать из тюрьмы или с рудников, спокойнее места, чем ничейная земля между Пограничьем и Немедией беглецу не найти. Власти никакой, если не считать вожаков довольно крупных разбойничьих шаяк, промышляющих набегами на приграничные области и одно время ставших настоящим бедствием для рубежей крупных держав.

Дело дошло до того, что немедийцы лет десять назад выдвинули на Полуночь аж четыре легиона, сумевшие перебить значительную часть разбойного люда, а остальных загнать в болота. Потом король Нимед I распорядился построить лимес, оборонительную линию, в виде длинного — лиг двести! — вала со сторожевыми башнями и крепостями через каждые пять лиг, тем самым надежно перекрыв путь в полуночные владения Трона Дракона. Однако, вольные бароны и хорошо организованные шайки разбойников, частенько напоминаящие эдакие маленькие армии, вовсю продолжали донимать Пограничье и Бритунию, полагая грабеж вполне достойным и прибыльным ремеслом. При столкновениях с регулярным войском они, разумеется, несли потери,

но в случае, если перед «вольными отрядами» оказывались беззащитные деревни или городки... Выжженная земля и полнейшее разорение!

— Ничейные земли являются слишком уединенным уголком, — терпеливо объяснил Гвайнард. — Полагаю, люди начнут их осваивать только лет через двести, если не позднее. И уединение это сохраняется столетиями. Выводы сам сделаешь, или подсказать?

— Зачем подсказывать? — хмыкнул Конан. — Природа пустоты не терпит. Где нет человека, там появляются другие твари.

— Всегда знал, что ты у нас умный, — снисходительно улыбнулся Гвай. — Баронство Лотар, о котором идет речь в послании Хранителя находится у самого края огромного и неисследованного никем лесного массива, тянущегося почти от Соленых озер до Граскаала. Владеет им какой-то беглый немедийский дворянин, нашкодивший на родине и вынужденный бежать от королевского суда. Он выстроил там деревянную крепостишку, нарек ее «замком» и начал благополучно царствовать в новых владениях, принимая под свою руку всех и каждого — от каторжников до беглых крестьян. Пару тысяч человек уже набрал, возможно и больше. Одна беда — месьор Лотар выбрал далеко не самые лучшие земли для обустройства своего маленького государства, хотя выбирать-то и не приходилось, поскольку самые удобные наделы давным-давно захватили прочие вольные бароны. Железная пуща — местечко странное и недоброе, легенды о

ней ходят прескверные, но вплоть до минувшей весны из лесов ничего очень уж страшного кроме хищного зверья не выползало...

— А сейчас?

— Сейчас? Сейчас Лотар стал эдаким заповедником нечистой силы и местные жители убеждены, что во всем виновно некое зло, появившееся в Железном лесу. Сначала я связывал это со Временем Тумана и древней магией Роты-Всадника, истекающей из открывшегося в Кезанкии портала, но потом стало ясно — причина в другом. Слишком уж далеко от Кезанкийских гор расположена Пуща. Дело дошло до того, что барон Лотар обратился за помощью в Совет нашей гильдии — написал письмо в Бельверус. Ночная Стража обязана помогать всем, будь человек государственным преступником или святым. Совет отправил на Полночь самый крупный отряд охотников, предводительствовал над которым Рульф из Нумалии. Они и должны были разобраться, в чем дело.

— И сколько Стражей было в ватаге Рульфа?

— Сорок шесть.

Конан едва не поперхнулся воздухом. Четыре с половиной десятка хорошо обученных профессиональных охотников на монстров — это, знаете ли, изрядная сила. Можно даже сказать — *очень серьезная* сила, сравнимая если не с тяжелым легионом Аквилонии, то по крайней мере со всей гвардией бритунийского короля. Уж коли бравая четверка Гвайнарда умудряется гонять чудовищ, обитающих в Райдорском герцогстве так, что

только пух и перья летят, то можно вообразить себе, какими возможностями обладает отряд в целых *сорок шесть* мечей...

Поверьте — любой, самый закаленный жизненными трудностями вампир, при одной мысли о такой ватаге знатоков вампирьих жизни и смерти немедленно грохнется в обморок, а потом сбежит от греха подальше куда-нибудь в Вендию или Паган, где о Ночной Страже и слыхом не слыхивали!

— Что же, весь отряд Рульфа бесследно исчез по дороге в Лотар? — спросил киммериец.

— Как видишь. Не знаю, по дороге ли, или в самом баронстве, но от Рульфа не поступало никаких донесений уже несколько дней, а он обязан был отправлять соколиной почтой депеши Совету Хранителей ежедневно, дело-то серьезное... Наводит на самые нехорошие размышления, не так ли?

— Согласен, — кивнул варвар. — Постой, это что же получается? Значит, Хранитель приказывает нам отправиться на поиски пропавших людей Рульфа? Нас всего четверо!

— Наш отряд находится ближе всего к Железной пуще и вольному баронству Лотар, — Гвай ткнул пальцем в карту. — Четыре или пять дней конного хода. А сколько нас — не имеет значения, устав гильдии предписывает охотникам оказывать помощь братьям по ремеслу без оглядок на собственную безопасность.

— Грандиозно... — варвар только развел руками. — Где не справились четыре с лишним десят-

ка самых отчаянных сорвиголов, там победят четверо! Да, стальная логика у этого герцога Дайнара!

— А мы всегда не числом брали, но умением, — фыркнула Асгерд. — В сущности, ничего особенного делать не придется — надо только выяснить, что случилось с Рульфом и его ватагой, поглядеть, какова обстановка в Лотаре и доложить Совету. А уж в Бельверусе будут принимать решение — стоит принимать чрезвычайные меры, или нет.

— То есть? — поднял брови Конан. — Что в понимании Совета является «чрезвычайными мерами»?

— Если появляется серьезная угроза, Совет Хранителей гильдии обязан собрать всех свободных от трудов охотников и отправить на истребление нечисти. В таком случае, к отряду могут присоединиться волшебники Ордена Алого Пламени Равновесия или Золотого Лотоса, обязанные помогать Ночной Страже по старинному договору... Возможно, придется привлекать и армии государств, поддерживающих с нами союз, хотя такое случалось всего однажды — девятьсот лет назад, когда войско Аквилонии помогало Страже очистить земли, теперь именуемые Боссонией от сохранившихся со времен Кхарийской империи чудовищ и нечистой силы.

— Словом, начинаем собираться, — заявил Гвай. — Берем с собой все возможное снаряжение, и выезжаем завтра поутру. А я пока съезжу в замок герцога — поболтать с месьором Атро-

гом, может быть он знает что-либо о событиях в Лотаре...

Верные соратники дружно покивали — если кто и был осведомлен больше всех, так это месьор Охранитель высокой короны, начальник тайной службы Райдора, достойнейший месьор Атрог Гайарнский.

* * *

Сборы отряда в поход — дело исключительно серьезное и трудоемкое, поскольку Ночные Стражи обычно возят с собой немислимое количество самого разнообразного снаряжения, каковое может пригодиться в любой момент. Посему, когда Гвайнард оседлал коня и уехал в герцогский замок, киммериец и Эйнар под чутким руководством Асгерда начали укладывать вещи.

Для перевозки бесчисленных сетей, капканов, особых приспособлений предназначенных для поимки или убийства некоторых особо хитрых и зловредных чудовищ предназначался ныне топтавшийся в просторной конюшне боссонский тяжеловоз с традиционным именем «Малыш». Если кто не знает, кроме недоступной иным лошадям силы и выносливости, тяжеловозы обладают еще одним весьма полезным для Ночной Стражи качеством — эта здоровенная коняга с громадными копытами, волосатыми лапами и флегматичным добродушным характером гораздо острее других домашних животных чувствует близкое присутствие различной нечисти и нежити.

Когда большая часть снаряжения была аккуратно уложена в непромокаемые кожаные мешки, варвар отправился на конюшню — надо было отвести Малыша на соседнюю улицу, к кузнецу Хрофту и заново подковать. Отдыхавший в самых дальних и на всякий случай укрепленных железными полосами яслях Гнедой киммерийца злобно взвизгнул, узрев, что возлюбленный хозяин направляется не к нему, а тяжеловозу. Проклятая тварь была ревнива, что неудивительно: сартаки, очень похожие на настоящих лошадей хищники из мира Аурус были существами полуразумными, а значит обладали некоей долей почти настоящих чувств, из которых, как известно, наиболее сильны любовь и ревность.

— Поедем гулять только вечером, — Конан решительно пресек попытки Гнедого привлечь к себе внимание. Сартак, зная что с хозяином не поспоришь, утихомирился, рыкнув однако два неких словечка по-киммерийски, которые можно с трудом перевести как «оскопленный осел» — за время общения с варваром, способный отчасти перенимать человеческую речь ездовой монстр успел изучить достаточно крепких горских выражений, употребляемых Конаном в мгновения жизненных трудностей.

— Сам дурак, — не остался в долгу киммериец, выводя Малыша из стойла. Тяжеловоз косился на ясли Гнедого огромным лиловым глазом с явным неодобрением — понимал, что этот, с позволения сказать, «конь» имеет к конской породе столько же отношения, сколько Конан — к мона-

стырю секты, исповедующей отречение от мирских благ, вина и женщин.

Вышли на улицу через ворота хозяйственного двора. Надо было пройти два квартала вверх по Волчьей, а затем повернуть на улицу короля Ариорикса, где и располагалась кузня почтенного мастера Хрофта. Немногочисленный проход, в основном добропорядочные обитатели соседних домов, благочинно раскланивались с варваром — он хоть и был в Райдоре новеньким, чужаком приехавшим в столицу герцогства совсем недавно, однако входил в отряд почитаемой всеми Ночной Стражи, о котором в столице владений его светлости Варта Райдорского ходили самые настоящие легенды.

— Перековать? — пожилой кузнец, чьими услугами издавна пользовались охотники, вытер руки грязнейшей промасленной тряпкой и воззрился на пыхтевшего за спиной варвара Малыша. — Отчего бы и не перековать... Собрались куда-то?

— Собрались, — подтвердил Конан. — К Вольным Баронствам, на Закат.

— Путь неблизкий, — кивнул Хрофт, но дальше расспрашивать не стал — мастер был не любопытен и предпочитал не совать нос в чужие дела, а особенно в дела Ночной Стражи. Эти сорвиголовы ходят по тонкому барьеру, отделяющему привычный зримый мир от страшного мира незримого, Универсума чудовищ и духов, так что лишние знания о таких страстях простому человеку могут только повредить. — Пошли к кузне...

Малыш сразу понял что от него хотят и согнул в колене правую переднюю ногу. Хрофт осмотрел копыто тяжеловоза и поднял недоуменный взгляд на Конана.

— К другому кузнецу намерен водили?

— К другому? — не понял киммериец. — Нет, сам знаешь, наши лошадки всегда у тебя подковываются...

— Тогда сам посмотри, — Хрофт указал на старенькую стертую подкову, которая была явно мала для могучего копыта Малыша. — Ковка не моя, нет мастерского клейма, гвозди с квадратной шляпкой я не использую. Да и какой балбес использовал такую маленькую подкову? Хотите лошади копыта испортить?

— Ничего не понимаю, — пребывая в полнейшем недоумении ответил Конан. — Наверное Гвай или Эйнар его зачем-то перековывать водили — только зачем и когда? Я бы знал. Приду домой — устрою этим разгильдяям веселенькую жизнь!

— Ну, ладно, — махнул мозолистой лапищей Хрофт. — Только впредь так не делайте, а если хотите отыскать другого мастера, меня предупредите, может кого посоветую...

По возвращению в усадьбу, где Эйнар, Асгера и довольно быстро приехавший из Замка Короны Гвайнард продолжали лихорадочную деятельность по подготовке к завтрашнему отъезду (теперь вся троица громкоголоса спорила насчет того, какие именно припасы провизии брать с собой и в каком количестве), Конан сразу задал вопрос в

лоб: кто опростоволосился? Кто отвел тяжеловоза к негодному кузнецу? Признавайтесь! Скотина-то дорогая, да и полезная!

В доказательство обвинений были предъявлены снятые Хрофтом подковы, которые варвар предусмотрительно захватил с собой.

— Бред какой-то... — высказался Гвай, когда стало ясно, что никто из охотников к сему таинственному событию непричастен. Между прочим, допросили даже престарелую домоправительницу с мужем — госпожа Тюра отреклась от этой проделки так же решительно: ей только не хватало хозяйских лошадей на кузню водить, будто других дел нет! Усадьба-то немаленькая, за хозяйством глаз за глаз нужен! — Ну не мог же Малыш сам перековаться! Боссонские тяжеловозы для кузнечного ремесла не приспособлены!

— Сплошные странности, — задумчиво проговорила Асгерд, поглаживая пальцами подбородок. — Я сегодня заметила, что в кладовой непорядок. Сундук, где мы сети храним, передвинут в другой угол, куда-то потерялись два капкана с посеребренными зубцами, закупоренный и залитый воском сосуд с декоктом мэтра Гизульфа оказался откупорен и какая-то сволочь разлила или выхлестала едва не половину кувшина...

— Половину? — ахнул Гвай. — Тот самый кувшин с настоем для «ночного зрения»? Да если бы кто выпил хоть четверть кружки этой оравы — окочурился бы на месте! Сама знаешь, употреблять декокт надо по капельке... Наверное, пролили по неосторожности!

— Пятен на полу нет, — холодно отозвалась Асгерд. — Доски выскоблены начисто, а отвар темный, след так сразу не выведешь. И еще. Потерялись несколько вещей из нашего собрания. Только сегодня обнаружила, когда хотела взять необходимые нам в походе амулеты.

Все дружно усталились на широкую полку протянутую вдоль полуночной стены — там хранились несколько десятков талисманов и оберегов, некоторые из которых обладали нешуточной магической силой. Всем известно, что Ночная Стража частенько использует в борьбе против проникающих в Универсум людей иномировых чудовищ Светлую или Алую магию. Многие предметы, хранившиеся у отряда Гвайнарда были воистину бесценны — в них вкладывали свою силу самые могучие маги Хайбории, от волшебников древности, до таких ныне живущих знаменитостей, как Пелиас из Кофа, который являлся главой Белого конклава чаще именуемого орденом Золотого Лотоса.

— Что именно... э... потерялось? — очень нехорошим голосом осведомился Гвай.

— Смешно то, что исчезли самые бесполезные вещицы. Ну скажите, кому нужен в нынешние времена оберег, способный отпугнуть Местер Струворма?

— Это что еще за дрянь? — подивившись на незнакомое название спросил Конан.

— Морское чудовище в виде огромной змеи, длиной до сотни шагов, — пояснил Эйнар, хорошо разбиравшийся в разновидностях древних

монстров. — Вымерло несколько столетий назад, по крайней мере о Местер Струворме лет шесть-сот-семьсот никто и слыхом не слыхивал. Конан, ты же долго был капитаном королевских корсаров на Полуденном Побережье, должен знать все морские легенды. Слышал когда-нибудь о змеях такого размера?

— Чего я только не слышал, — усмехнулся киммериец. — Моряцкие байки о каких только чудищах не повествуют, вспомнить страшно! Но я верю только своим глазам. А поскольку такую змеюку за несколько лет плаваний ни разу не видел — значит ее не существует.

— Железная логика, — бесстрастно отметил Гвай. — Асгерд, что еще исчезло?

— Талисман защищающий от «Черной Радуги», но это заклятье утеряно со времен падения Кхарии и с тех пор ни единого разу не применялось. Два деревенских оберега обороняющие от мелкой домашней нечисти. Кажется, все...

— Бред, — повторил Гвай исходный постулат. — Как связать Местер Струворма, заклинание «Черной Радуги» и мелкую нечисть вроде домовых или хохотунцев? Не знаю, как у вас, но у меня нет никаких мыслей.

— Может, у нас своя собственная нечисть завелась? — предположил Конан. — Вот не знаю как с этим сомнительным добром обстоят дела в Бритунии, а у нас в Киммерии присутствие в жилище незримых тварей, которых мы называли «хранителями очага» — дело вполне привычное. Помню, у отца в кузне огневичок жил — помогал

огонь в тигле разводить, а мать ему всегда миску с козьим молоком ставила...

— Нет, тут что-то другое, — покачал головой Эйнар. — Описанные тобой существа родственны нам, броллайхэн, Духам Природы. Я бы почувствовал присутствие чужака. Если в доме и завелось... *нечто*, то оно очень умело прячется от меня.

— По крайней мере это самое «нечто» не особенно вредоносно, — сказал киммериец. — Не знаю как вы, а я полагаю, что оберег против морских змеек нам в обозримом будущем не потребуется. Если кто не помнит, до ближайшего побережья почти полторы тысячи лиг. Я что, не прав?

— Насчет вредоносности — не прав, — отрезал Гвай. — Ладно бы ненужные амулеты, но половина кувшина декокта из кладовой? Знаешь сколько его алхимическая милость мэтр Гизульф запрашивает за каждый такой сосуд? Можно пять тяжеловозов купить...

— Или тысячу пар сапог, — мрачно сказал Конан. — Руку даю на отсечение — утренняя шутка с нашими сапогами *его* рук дело!

— Кого — *его*? — фыркнул Гвайнард. — Ты еще скажи что этот «он» Малыша перековал! Хватит болтать, до вечера еще кучу дел надо переделывать! А потом — как следует выспаться, поскольку выезжаем с самым рассветом!

* * *

Небольшие провинциальные городки наподобие Райдора просыпаются рано. Еще до восхода

солнца над пекарнями начинают подниматься дымки, на улицах появляются молочницы и золотари, торговцы начинают стекаться к рыночной площади, чтобы приготовить лавки для дневной торговли, позевывающая стража лениво обходит кварталы и с нетерпением ожидает смены. А когда золотой диск выползает из-за далеких зубчиков Кезанкийского хребта, открываются городские ворота, чтобы впустить повозки окрестных кметов, привезших в город продукты.

Ватагу охотников привратная стража отлично знала — почтеннейшие Ночные Стражи частенько отлучались из Райдора по своим загадочным делам, кроме того именным указом его светлости герцога Варта им дозволялся беспошлинный проезд по всем землям герцогства и королевства Бритуния, а кроме того был выписан так называемый «золотой лист». Сей бессрочный документ предписывал всем коронным управителям и дворянам, являющимся вассалами скипетра Пайрогии оказывать охотникам за чудовищами все возможное содействие, а при необходимости помогать деньгами, фуражом или людьми. Фактически, это была самая настоящая охранная грамота, какие обычно даруются лишь «государственным людям» — посланникам, спешным гонцам или королевским чиновникам, отправленным в провинцию по неотложным делам.

Капитан стражи, ясное дело, подорожную у Гвайнарда спрашивать не стал — всем известно, что обладатели «золотого листа» могут ездить когда угодно и куда угодно, в любое время. Даже

ночью караульные обязаны открыть для них городские ворота по первому требованию. Опытный гвардеец отметил, что Ночные Стражи собрались в дальнее и опасное путешествие, поскольку вслед за отрядом, на коротком чембуре, величественно шествовал соловый тяжеловоз, нагруженный изрядным количеством поклажи. Если охотникам предстояло заурядное дело по изведению какого-нибудь болотного ящера или объявившегося в ближнем лесу мантикора, тяжеловоз оставался дома и ватага отправлялась на промысел налегке. Если же отряд Гвайнарда берет с собой эту гигантскую конягу, значит и впрямь стряслось нечто весьма серьезное...

Прямой как стрела добротный наезженный тракт вел точно на Закат, к Пайрогии. Возле бритаунийской столицы дорога расходилась на два важнейших пути. Один вел в Немедию, другой — на Полночь, до земель Пограничья к Граскаальским горам и далее через Перевал Черепа в Гиперборею. Охотникам же требовалось направиться от Пайрогии в сторону Полуденного Заката, к «ничейным землям» расположенным над Солеными озерами. Если в пути не возникнет задержек, Стражи смогут достигнуть пределов баронства Лотар к вечеру четвертого дня пути. А дальше — как повезет...

Сартак Конана шел упругой размашистой рысью — зверюга почуяла дальнюю дорогу и теперь радовалась возможности показать свои способности во всей красе, поскольку зубастые хищники с Ауруса гораздо выносливее и резвее любой лоша-

ди, включая знаменитую пуантенскую породу, которой отдают предпочтение большинство разбирающихся в лошадях опытных путешественников. Впрочем, лошадки Асгерд, Гвая и Эйнара тоже не отставали. Малыш грузно топал позади, причем умный тяжеловоз сейчас шел самостоятельно, без хозяйского чембура — боссонские великаны никогда не отойдут от отряда, не отстадут и не свернут с дороги.

В окрестностях Райдора по пути еще встречались поселки или усадьбы местных дворян, больше похожие на маленькие деревянные крепости, но через семь-восемь лиг начались дремучие пущи, простиравшиеся едва ли не до самой столицы рубежей Немедии. Бритуния доселе была мало населена, а тысячелетние леса вообще не были обжиты людьми — человек старался селиться по берегам рек или ближе к горам, богатым рудами и серебром, которое и было основой благополучия небольшого полуночного королевства: рудники исправно снабжали казну государя Эльдарана бесчисленными серебряными слитками.

Разумеется, в как в Райдоре, так и в области, окружающей Пайрогию, имелась своя дорожная стража, обязанная следить за порядком на торговых путях и оберегать мирных путников от возможных неприятностей наподобие разбойников и иных лихих людей, но гвардейские разъезды предпочитали не забираться за пределы владений герцога или королевского домена, так что примерно половина Пайрогийского тракта никогда и никем не охранялась. Торговцы предпочи-

тали нанимать охрану, а одиночные путешественники предпочитали собираться в компании по восемь-двенадцать или более человек и ехать вместе — так оно надежнее.

Конечно, шайки дорожных грабителей в относительно спокойной Бритунии были редкостью (а в Райдоре их вообще повывели, спасибо тяжелому на руку и быстрому на расправу герцогу Варту), однако лишний раз рисковать никому не хотелось.

Более того, на всем протяжении тракта встретить придорожную таверну или постоялый двор было невозможно — никто не желал селиться в эдакой глухомани, да и проезжающих которым могут потребоваться услуги постоялого двора не так много, как может показаться. Таким образом путешественникам следовало надеяться только на себя и брать с собой достаточно припасов, чтобы их хватило на несколько дней. Конечно, в крайнем случае можно охотиться — зверья в лесу великое и непуганое множество — но где раздобыть среди дикой чащи вино или хлеб? Если сам о себе не позаботишься, никто о тебе не позаботится!

Как и предполагалось, отряд Гвайнарда провел в седлах полный день, дважды остановившись перекусить и дать отдохнуть лошадям. Лишь когда солнце начало касаться верхушек вековых деревьев было решено искать место для ночлега.

Таковое обнаружилось почти сразу — очень симпатичная полянка по правой стороне тракта,

здесь же журчала неширокая речка с каменистым дном и ледяной чистой водой. На самой поляне обнаружилось старое, окруженное булыжниками кострище — несомненно, путники останавливались здесь и прежде. Более того, у корней огромной, в три охвата, сосны, были аккуратно сложены нарубленные кем-то полешки для костра.

Лошадей расседлали и стреножили, Конан и Гвай сняли с Малыша поклажу и отпустили тягеловоза погулять — так или иначе далеко он не уйдет. Сартак ушел в лес — охотиться, поскольку предпочитал питаться не травкой, а чем-то посущественнее. За Гнедого Конан не беспокоился: плотоядное чудовище в лошадином обличье могло отлично постоять за себя — даже случись ему схватиться с медведем или обитающей в райдорских дебрях «лесной кошкой», повадками и размером более напоминающей тигра, сартак непременно выйдет победителем, слишком умен и силен.

Асгерд с Эйнарм взялись за костер и котелки. Ужин предстоял простой, но сытный — Асгерд давно изобрела прекрасный способ накормить голодных мужчин: в котелок отправляются тонкие ломти солонины, мелко нарубленные овощи и нарезанное «соломкой» сушеное тесто. Конан непременно добавлял в варево туранские специи, к которым на веки вечные приучился еще в давние времена службы при дворе императора Илдиша в Аграпуре после нескольких щепоток жгучих пряностей похлебка приобретала со-

вершенно неземной вкус и аромат — хоть к королевскому столу подавай!

— Эт-то что еще такое? — озадачилась Асгерд, когда из мешка с провизией вывалилась некая блестящая вещица на серебряной цепочке.

— Здравсьте, это ж потерявшийся амулет! — Эйнар нагнулся и поднял литую подвеску в виде свернувшейся в кольцо змейки с синими глазками-сапфирами. — Тот самый, который Местер Струворма отпугивает! Ну-ка други любезные, признавайтесь, кто засунул его в мешок с солиной? А самое главное — зачем?

Гвай и Конан дружно пожали плечами, Асгерд только глаза закатила:

— Будем считать, что он завалился туда *случайно*, — сказала она, сделав ударение на последнее слово. — Эйнар, засунь талисман в споран и забудь о нем! Не время ломать голову над пустяками!

Не желая спорить, броллайхэн положил серебряную змейку в висевшую на поясе круглую кожаную сумочку, подаренную недавно Конаном (такие спораны были весьма распространены в Киммерии) и молча отправился за хворостом.

...В вечерних сумерках ярко пылал веселый оранжевый костер, искры рвались в темно-синее небо, всю булькал и исходил паром вместительный котел, а вся компания удобно рассевшись вокруг огня на теплых пополах ожидала, когда таинство приготовления ужина свершится и можно будет приступить к священному ритуалу поглощения пищи.

— Интересная штуковинка, — Эйнар вертел в пальцах злосчастный амулет, рассматривая выгравированные на змейке старинные нордхеймские руны. — Изготовлен явно в Асгарде, поскольку форма оберега точь-в-точь совпадает с известными изображениями Йормунганда, Мирового Змея, отпрысками которого считались Местер Стурвормы. Разумеется до тех пор, пока их окончательно не перебили. Кстати, ничего магического в этих тварях не было, обыкновенная морская змеюка, только слишком уж здоровенная. Обитала в Полуночных морях и иногда доставляла мореплавателям множество неприятностей — когда Местер Стурворм голоден, он может запросто утащить человека с открытой палубы. Между прочим, магия в амулет вложена довольно мощная, но я не могу понять как асиры умудрились сделать такую вещь — в Асгарде отродясь не было знающих магов. Так, шарлатаны...

— Наверное, использована сила рун, — предположил киммериец. — Руническая магия — самая древняя и действенная.

— Посмотрим, — прищурился Эйнар, разбирая руническую надпись. — «Тюр», «Беркано», «Эйваз», перевернутый «ночной» «Тейваз», «Арикс», «Алгиз»... Смысла не понимаю! Какое-то забытое заклинание... Ой, змея!

Броллайхэн шарахнулся в сторону, поскольку на его попону без всякой боязни заползла толстая черная гадюка — самая настоящая, с зигзагообразным рисунком на спинке и ромбовидной головой.

— Демоны зеленые! Еще одна! — рывкнул Гвай, узрев у своих сапог вторую гадюку, только на этот раз обычную, серенькую. — И еще!

Сразу три змеи устремились к Конану, однако варвар не растерялся — выхватил из костра пылающий сук и отогнал тварей подальше. Осмотревшись, киммериец внезапно понял, что некогда тихая полянка полна змей — самых разных, начиная от безобидных веретениц и ужей до зеленых лесных аспидов, укусы которых безусловно смертельны. Это тебе не гадюка какая-то, чей укус поболит денек-другой, а настоящий аспид, истинное проклятие болот и дремучих лесов!

— Эйнар, они к тебе ползут! — заорал Конан, совершая прыжок в сторону, к дороге — там змей было поменьше. — Амулет! Проклятый амулет! Ты прочел руны, произнес заклятье! Быстро кидай его в огонь! Немедленно!

— З-зачем? — заикнулся броллайхэн, но рассуждать было некогда — змеи и впрямь решили, что Эйнар является самой привлекательной добычей и не обращая внимания на остальных двинулись к нему.

— Кидай, говорю!

Серебряная змейка сверкнула в пламени костра и упала точно на раскаленные добела угли. Спустя несколько мгновений металл начал плавиться. Сверкнула синяя вспышка — сосредоточенная в вещице магия высвободилась и рассеялась.

Сонмище чешуйчатых гадюк как ни в чем ни бывало развернулось и поползло обратно в лес. Вскоре на поляне не осталось ни единой змеи.

— Ф-фу... — утер лоб Гвайнарда, а Асгерд буркнула под нос такое словечко, что даже Конану стало чуть-чуть стыдно. — Что это было?

— Понятия не имею, — выдавил Эйнар. — Теоретически, амулет обязан отпугивать змей, причем именно гигантских и именно морских. А он вдруг привлек самых обычных и вполне себе сухопутных. Почему?

— Может, у него было сразу несколько действий? В том числе и такое? — озадачился Конан, но Эйнар сразу запротестовал:

— Запомни навсегда: один амулет — одно заклинание! Это закон магии, который еще никто не отменял! Нельзя при помощи одного оберега защититься от Местер Сруворма и поджарить яичницу без огня и яиц!.. Тихо! Слышите?

В лесу, совсем рядом с полянкой, за стволами деревьев кто-то хихикал. Мерзко так хихикал, словно над скверной шуткой. И голос был явно не человеческий.

— А ну, глянем! — Гвай моментом выхватил из ножен посеребренный клинок, предназначенный для поражения нечистой силы. Хотя, откуда сейчас возьмется нечистая сила? Солнце-то еще не зашло за горизонт!

Не менее полного квадранса вся четверка бравых охотников обшаривала подлесок, но неизвестного весельчака обнаружить не удалось. Чужих следов тоже не было. Пришлось возвращаться к костру.

— Так, — сквозь зубы сказала Асгерд. — Чудеса продолжают!

Котелок был аккуратно снят с огня и теперь стоял возле кострища. Крышка валялась рядом.

— Прирежу гада! — рывкнул Конан, осознав, что именно произошло. — Да что ж это делается на белом свете!

Гвай почему-то расхохотался.

Вкусный ужин пришлось отменить по причинам, от охотников не зависящим. Пока Гвайнарда и остальные охотились на хихикающего невидимку, некто сожрал всю похлебку (именно сожрал, а не разлил!) а потом...

А потом преизобильно облегчился прямиком в котелок.

Глава вторая

Конан бушевал до наступления темноты, понося на чем свет стоит неизвестного шутника — мало того, что оставил весь отряд без ужина, так еще и... Убивать за такое надо! В любом случае котелок придется выбросить — если Гвай и Эйнар предложили его отмыть, а потом прокалить на огне, то Асгерд с Конаном решительно этому воспротивились. Дело в том, что у асиров (Асгерд происходила родом из Нордхейма) и киммерийцев существует неписанный, но нерушимый закон, гласящий, что если исходящая от тела нечистота коснулась любого предмета, связанного с употреблением пищи, от такового предмета следует немедленно избавиться, чтобы не навлечь гнев богов — любая трапеза есть священнодействие, вкушение божественных даров. Следовательно, нечистота может оскорбить Незримых.

Гвай согласился с этими доводами, злосчастный котел был отнесен на пятьсот шагов ниже по течению реки и выкинут в заросли осоки. Засим, невозмутимая как богиня Фрейя Асгерд извлекла из мешков с поклажей запасной походный котел и с помощью Эйнара вновь принялась за труды — поскольку никто не желал оставаться голодным.

Тем временем вернулся Гнедой: судя по окровавленной морде, сартак славно поужинал, скорее всего завалив лань или некрупного оленя. Конан в который раз подумал о том, насколько странный скакун ему достался — по виду лошадь лошадей, а повадки хуже чем у иного леопарда. Но умен мерзавец, этого не отнимешь.

Гнедой прошелся по лагерю, ненадолго задержался у сваленных в кучу вещей, шумно обнюхал мешки и отправился к речке, на водопой. Киммериец обратил внимание на то, что вид у сартака был слегка озадаченный — будто учуял что-то...

— От костра не отлучаться, — приказал Гвай, когда котел был утвержден на углях и начал закипать. — Хотя бы один из нас постоянно должен находиться в лагере. Есть у меня нехорошее подозрение, что мы обзавелись донельзя странным попутчиком, который преследует нас от самого Райдора.

— Если это так, то к нечистой силе он не относится, — немедленно дополнил Эйнар. — Действует при свете солнца, лошади не беспокоятся, да и наши амулеты молчат.

Броллайхэн был абсолютно прав. Каждый охотник носил на шее оберег в виде серебряной головы волка. Если неподалеку использовалась черная магия или разгуливала нечисть, амулет становился холодным и начинал вздрагивать. Однако сейчас охранная магия Ночной Стражи молчала, не предвещая никакой опасности.

— ...Дозвольте пожелать всем вам доброго вечера, — за темноты неожиданно послышался отлично знакомый охотникам голос. — Могу я присоединиться к вашей трапезе?

В круг света костра вошел человек, облаченный в широкую черную хламиду с капюшоном и церемонно раскланялся с Гвайнардом. Если быть точным, это был не совсем человек, а еще точнее — совсем не человек. Компанию Ночных Стражей решил навестить старинный приятель и незаменимый помощник в делах — Рэльгонн из Рудны, упырь, вампир и просто очень хороший друг Гвая и всех остальных райдорских охотников на монстров.

— О, кого к нам на огонек занесло, только посмотрите! — обрадованно воскликнул киммериец. — Ты где гулял последнюю седмицу, морда вампирская?

— Конан, когда же ты научишься достойному обхождению? — огорчился Рэльгонн, сбрасывая капюшон, под которым действительно обнаружилась самая настоящая вампирская морда — желтые глаза навывкате, тонкие синеватые губы за которыми скрывались ужасающие конические зубы, длинный крючковатый нос, серо-белая пер-

гаментная кожа и острые, прижатые к лысому черепу уши. Тут Конан оказался непогрешимо прав — покажи эдакое страшилище любому непривычному человеку, со страху штаны намочит.

— Извините, что так долго не навещал, — упырь запросто присел к костру, не забыв перед тем извлечь из складок своего балахона весьма вместительную баклагу и передать варвару. — Вот, это в качестве извинений — перед тем, как заглянуть к вам, слетал в Пуантен, на винодельню «Золотая Лоза». Не подумайте, вино я не украл! Честно взял из хранилища, оставив на месте сосуда четыре золотых аурея, вино-то очень дорогое.

Охотники согласно покивали, отлично понимая, в чем тут дело.

Во-первых, рудненские упыри-каттаканы отличались от людей обостренным чувством справедливости, почти невероятной честностью и трепетным отношением к чужой собственности.

Во-вторых, не было ничего удивительного в том, что Рэльгонн смог так запросто «слетать» в Пуантен — благодаря уникальной способности «прыгать через Ничто», каттаканы могли за долю мгновения преодолевать любое расстояние в пределах Хайборийского мира. В-третьих, Рэльгонн был очень благовоспитанным вампиром и наверняка посчитал, что семидневное отсутствие, за время которого Стражи гадали, что могло приключиться с каттаканом ранее являвшимся в гости каждый вечер после заката, потребует возмещения.

— ...Кажется мы нащупали ниточку, ведущую к тайне Врат Миров, — неторопливо повествовал упырь, глядя в пламя костра своими замечательными золотыми глазами. — Собственно, все минувшее время мы занимались только этой проблемой и я не мог уделить время для визита. Потом расскажу в подробностях... Сегодня вечером я нагрязнул в ваш дом на Волчьей улице, но домоправительница, госпожа Тюра, сказала что вы уехали на Закат. Пришлось догонять.

— Догонять! — фыркнул Конан. — Мы-то ехали полный день, с рассвета, а ты способен за один миг очутиться где угодно!

— У людей тоже есть недоступные каттаканам способности, — парировал Рэльгонн. — И, поверьте, они не менее впечатляющи, чем прыжки сквозь Ничто. Итак, я слушаю вас, друзья. Что такого случилось? Отчего вы спешно отправились на Закат? А самое главное — требуется ли моя помощь?

Гвай рассказал. Про письмо от Хранителей, про загадочную историю с исчезновением большого отряда охотников, про странности с сапогами и пропавшим, а потом внезапно появившимся амулетом, про змей... Даже про изгаженный котелок поведал. Сам Гвайнард не видел особой связи между всеми этими событиями, но Рэльгонн, как существо обладающее логическим складом ума, призадумался.

— Что происходит в баронстве Лотар, я разведаю нынешней же ночью, — уверенно сказал упырь. — И попробую отыскать ваших потеря-

шек. Для этого придется поднять на крыло всех моих родственников, ну да ничего — они засиделись в Рудне, надо поразмяться! А вот странности с мелкими пакостями меня весьма настораживают.

— Мелкие пакости?! — снова взорвался Конан. — Если ты думаешь, что наср... гм... нагадить в котелок — это мелкая пакость, то у нас разные представления о жизни!

— А разве я когда-либо отрицал последнее? — не без иронии спросил Рэльгонн. — Оставим частности, и подумаем о главном. Со вчерашнего дня вы начали чувствовать на себе чье-то неусыпное внимание, верно? Кто-то таскает мелкие вещицы...

— И сапоги! — напомнил варвар.

— Таскает мелкие вещицы, сапоги, пищу, — мирно согласился упырь. — О не слишком остроумных шутках мы вообще умолчим. Лично я, пусть и являюсь существом из иного мира с совершенно другой системой ценностей, такого юмора решительно не понимаю. Однако, меня заинтересовала история со старинным амулетом. Вопрос ко всем: вы уверены, что амулет был предназначен именно для отпугивания морского животного, которое вы именуете «Местер Струвормом»? Никакой ошибки?

— Клянусь, никакой! — уверенно сказал Гвай. — Талисман мне подарил, волшебник Пелиас Кофийский, покровитель гильдии Ночной Стражи от конклава Золотого Лотоса. Столь многоученый маг не мог ошибиться!

— Верно, не мог, — согласился Рэльтонн. — Я знаком с Пелиасом, он действительно разбирается в своем деле... Пожалуй, соперничать с Пелиасом может только Тот-Амон из Черного Круга Стигии, исключительно одаренный человек! Итак, вывод я могу сделать только один: некто или нечто изменило свойства амулета. Основа заклинания осталась нетронутой: оно воздействовало на змей. Однако, изменились частности — заклятье стало привлекать, а не отпугивать гадов, кроме того в Райдоре Местер Струвормы по определению не водятся, но зато их более мелкие сородичи охотно откликнулись на зов... Что это может означать?

— Понятия не имею, — отозвался Гвай. — Может, Эйнар неправильно прочитал руны и тем самым изменил заклятье?

— Исключено, — покачал головой Рэльтонн. — Перепутай в заклятии хоть одну букву, и оно не подействует. Существует распространенное заблуждение, что если заклинание прочитать наоборот, с последней буквы, то действие будет обратным исходному, но это тоже полнейшая чепуха, проверено не одним поколением магов... Повторяю: логика подсказывает, что свойства амулета были *преднамеренно* изменены. Но кому это понадобилось и с какой целью? Ситуация донельзя абсурдная, вам не кажется?

— Кажется, — уверенно сказал Конан. — Рэльтонн, ты здесь самый умный. Так что объясни, что происходит. И я действительно не вижу связи между дерьмом в котелке и магией!

— Нет, связь существует, — убежденно ответил упырь. Какая именно — мне пока неясно, но... Боюсь, придется мне забросить на время свои дела и каждую ночь навещать вас, почтеннейшие охотники за чудовищами! Не могу устоять перед очередной загадкой, пусть даже и глупой!

— Кажется, ужин готов, — прервала разговор Асгерд, помешивавшая в котелке оструганной палочкой. — Рэльтонн, хочешь поесть?

— Пожалуй, уже не хочу, — задумчиво сказал каттакан. — Вот что мы сейчас сделаем. Вы ужинайте, отдыхайте, а я сейчас прыгну через Ничто к себе в Рудну, призову на помощь возлюбленных сородичей и мы отправимся в баронство Лотар, разведывать, разнюхивать и выяснять обстановку... Ждите новости к утру, до рассвета.

Не попрощавшись упырь запахнул плащ плотнее и мгновенно исчез, словно некая колдовская сила вырвала его из такни реальности.

— Давайте миски, — вздохнула Асгерд. — Конан, надеюсь ты не успел выпить принесенное Рэльтонном вино в одно горло?

Оскорбившийся варвар продемонстрировал темневшую на горлышке баклаги нетронутую печать пуантенских виноделов.

Поужинали. Похлебка, взятые из дома пшеничные лепешки и вино оказались выше всяких похвал. Настало время ложиться спать.

— Я посторожу до восхода луны, — сказал киммериец Гвайнард. — В сон пока не клонит, да и Рэля надо обязательно дожидаться. Когда появится луна, разбужу.

— Хорошо, я тебя сменю, — кивнул командир отряда, закутался в попону и мигом уснул. Асгерд с Эйнарсом немного поворочались на своих лежанках, и вскоре тоже отбыли в призрачный мир, обычно именуемый стихосложителями «царством грез».

Сонно всхрапывали лошади, журчала речка. Гнедой бродил вокруг стоянки — сартак мог поспать всего два-три колокола, а затем вновь становился бодрым и полным сил, это тоже было его полезной особенностью. Конан начал задремывать, зная, что четвероногий клыкастый монстр в конской шкуре охранит лагерь куда лучше самого чуткого сторожевого пса и будет способен намылить холку любому врагу или просто разбудить людей в случае необходимости.

Первый (и он же последний в эту ночь), сон варвара был замечателен — из сине-серебристой дымки вышла старая подруга, хауранская королева Тарамис, уселась рядом на ковре, положив голову на колени Конана и...

— Поднимайтесь! Конан, хватит дрыхнуть!

Киммерийца будто пружиной подбросило. Он вскочил, протер глаза и обнаружил стоящего возле сияющего багровыми угольками кострища Рэльтонна. Сартак яростно завизжал — упыря Гнедой недолюбливал из-за недавнего происшествия в Райдоре, связанного с появлением доплегангера. Каттакану тогда пришлось перенести сартака через Ничто, а Гнедому это краткое путешествие по неясным для Конана причинам очень не понравилось.

— Что? — выдохнул варвар.

— Немедленно собирайтесь! Через два квадраса вы должны быть готовы! Отправляемся в баронство Лотар! Ваше присутствие там необходимо! Мы обязаны успеть до рассвета!

«Приехали... — подумал киммериец. — Да что такого жуткого стряслось? А Гнедой вообще перестанет повиноваться после нового путешествия сквозь пустоту...».

Рэльтонн тем временем пытался разбудить никак не желавшего просыпаться Эйнара.

* * *

По меркам огромного Закатного материка расстояние между Райдором и вольным баронством Лотар было невелико, всего-то около ста двадцати аквилонских лиг, считая по четыре с половиной тысячи шагов в каждой лиге.

Тем не менее, лошади охотников шли бы до «ничейных земель» больше трех дней, а тут подвернулась возможность преодолеть разделяющее Бритунию и Соленые озера пространство за долю мгновения...

Как и следовало ожидать, в Лотаре тоже была ночь — первые сполохи рассвета над Солеными озерами еще не загорелись, на черном небе сияли крупные звезды, а совсем неподалеку от того места, где сопровождается каттаканами отряд охотников «вынырнул» из пустоты, мерцали оранжевые точки.

— Факелы, установленные по периметру стен

крепости, — определил Конан. — Это и есть обиталище местного барончика?

— Именно, — кивнул Рэльгонн. — Правда, я не уверен, что до рассвета вас впустят в крепость: люди очень напуганы тем, что происходит в Железном лесу...

Каттакан вытянул руку указывая на черную стену деревьев, возвышавшуюся со стороны Полуночи.

...Причины поднятой упырем паники были весьма существенны.

Во-первых, Рэльгонн вкупе со своим дядей, братом и двумя сыновьями довольно быстро обнаружил пропавший отряд немедийской Ночной Стражи — по словам упыря, «их захватили какие-то странные люди». Гвай немедленно сказал в ответ, что эти самые люди действительно весьма странные — пленить отряд Стражей в сорок шесть мечей, это тебе не шуточки!

Во-вторых, все бойцы отряда Рульфа были обездвижены — неизвестные злыдни содержали их в заброшенном строении на окраине Железного леса, в четырех лигах от крепостишки барона Лотара. По утверждению Рэльгонна, все охотники были живы, но пребывали в состоянии похожем на глубочайший сон. Видимо, не обошлось без магии.

В-третьих, «странные люди» так запугали барона, что он заперся в крепости и делал вид, будто ничто на свете его не интересует. Упырь сообщил, что крошечный деревянный замок явно находится на осадном положении — вооруженная

стража на стенах, две единственные самодельные катапульты заряжены и готовы к стрельбе, костры и факелы ночью не гасятся.

Конан спросил, что представляют из себя засевшие в Железном лесу злодеи, но внятного ответа не получил — Рэльгонн сказал, что почувствовал довольно сильную охранную магию и не стал преждевременно рисковать. Сначала требуется провести тщательную рекогносцировку и поговорить с бароном Лотаром, который должен знать, что происходит в его владениях. А поскольку терять время нельзя, отряд Гвайнарда обязан отправиться к Соленым озерам незамедлительно.

Переход через Ничто прошел гладко. Двое упырей — сам эрл Рудны и его дядя Ритагонн, прилетевший вслед за Рэлем в Райдор — сначала без каких-либо затруднений перебросили в маленькое приграничное баронство Гвайнарда и всех лошадей, включая незаменимого Малыша (лошадки перенесли путешествие совершенно спокойно), а затем настала очередь Эйнара, Асгерда и Конана вкупе с крайне недовольным присутствием каттаканов Гнедым.

Барвар едва удержал своего скакового монстра за узду, когда к ним подошел Рэльгонн. Сказать, что сартак был взбешен, значит ничего не сказать — чудище из Мира за Вратами шипело, взрыкивало, щерило зубы и решительно не желало подпускать к себе каттакана. Наконец, терпение Конана лопнуло, киммериец вскочил в седло, а Рэльгонн моментально переместившись в

пространстве оказался сидящим на крупе сартака позади варвара.

Конан знал, что для переноса через Ничто человека или какой-либо вещи упырям обязательно надо держаться за руки или просто касаться переносимого предмета. Едва Рэльтонн схватил варвара за плечи, а ногами сжал бока Гнедого, как перед глазами киммерийца вспыхнула россыпь цветных искр и появилось ощущение падения — перенос состоялся.

Едва Рэльтонн спрыгнул со спины сартака, мерзкая мстительная тварь извернулась и попыталась схватить упыря своими жуткими клыками, но зубы шелкнули в воздухе — каттакан успел переместиться на безопасное расстояние за долю мгновения до того, как челюсти сартака сомкнулись бы на его шее.

— Как любопытно, — стоявший неподалеку дядюшка Ритагонн растерянно покачивал головой. — Месьор Гвайнард, давайте посчитаем, сколько вас всего? Четверо охотников, четыре лошади и сартак. Всего девять, верно?

— Не понимаю, о чем речь? — насторожился Гвай. — Что-то не так?

— Видите ли, мы с Рэлем уверены, что перенесли через Ничто не девять, а *одиннадцать* живых существ, — сказал упырь. — Одиннадцать, понимаете? Мы всегда чувствуем, как перемещается в пространстве живая плоть, это данное от природы врожденное умение каттаканов... Спрашивается, где еще двое и кто они такие? А самое главное, где они? И почему получилось так, что я и

Рэль их не заметили, тем не менее перебросив из Райдора в Лотар?

— Чепуха какая-то, — Гвай почесал в затылке. — Быть не может! Вы ничего не перепутали?

— Исключено! — отрекся Рэльтонн. — Гвай, подумай сам, ты же точно знаешь, сколько у тебя пальцев на руках? Пойми, такое знание для нас столь же естественно, как для тебя дыхание или ходьба! Никакой ошибки!

Ломать голову над этой загадкой было бессмысленно, тем более что сейчас перед охотниками стояли куда более важные задачи. Рэльтонн затеплил принесенный из Рудны фонарик в виде шара размером с человеческий кулак, светивший ровным бело-голубым светом, взял палочку и начал чертить на песке некое подобие карты:

— Смотрите внимательно... Вот здесь находится замок барона. Кромка леса тянется с Восхода на Закат. Чтобы отыскать своих, вам придется ехать до огромного оврага, расположенного примерно в трех с половиной лигах от этого места, затем надо будет свернуть в чашу. Граница магического поля проходит по самой опушке, но это не боевая магия, а именно охранительная, нечто вроде невидимого шнура, на конце которого привязан колокольчик, дающий знать хозяину, что появились гости. Скорее всего, вас встретят... Примерно через стадий вы обнаружите большую поляну и речку на берегу которой стоит полуразрушенная каменная мельница. Вот там и содержатся обездвиженные немедийцы. Охрана — два человека. Это все, что мы успели разведать. Мой

вам совет — до наступления следующей ночи в лес не суйтесь, после заката мы сможем вам помочь или прикроем отступление.

— Разберемся, — ввернул Гвайнарда свое любимое слово. — Спасибо, Рэль. Кстати, кажется вам пора домой, светает...

Восходная сторона неба начала окрашиваться в золотисто-оранжевые тона, лучи возрождающегося солнца подсветили нависшие над горизонтом облака.

— Итак, до встречи, — кивнул упырь. — Как только стемнеет — ждите!

Каттаканы исчезли, словно их и не было — прыгнули сквозь Ничто в свой замок стоящий в Граскаальских предгорьях.

— Поехали к крепости, — вздохнул Конан. — Надеюсь, при свете нас не нашьпигуют стрелами.

Вскоре выяснилось, что барон Лотар и его подданные устроились в этой глуши весьма основательно. Высокая стена, сложенная из добротных бревен окружала небольшой поселок, укрепление было возведено по всем правилам фортификации, с угловыми и надвратной башнями и даже рвом. Дерево было обмазано глиной, чтобы возможные недруги не могли поджечь крепость огненными стрелами, башни защищались дощатыми навесами. Словом, это был классический форт, какие возводят в порубежных областях аквилонские или немедийские военные.

— Кто таковы? — не успели охотники приблизиться к барбикену, как последовал грозный окрик. Конан нахмурился, увидев на башне изгото-

вившихся к стрельбе лучников. — Куда направляетесь?

— Мы из гильдии Ночной Стражи, — проорал в ответ Гвай. — Приехали в Лотар по приказу Совета Хранителей! Надо встретиться с господином бароном!

— Бумага есть? — настороженно осведомились сверху. Тотчас у ног лошадей упало привязанное к длинной веревке кожаное ведро. — Без надлежащего пергамента — не впустим!

Гвай спешился, вынул из сумки «золотой лист» герцога Райдорского, и положил в ведро. Не меньше полуквадранса блюстители изучали пышный документ с яркими печатями, а затем надсадно закричали петли окованных железом ворот.

Появились туземцы — заросшие бородами до глаз детинушки в кольчугах, при щитах и с копьями. Предводительствовал высокий пожилой дядька — из-под полумаски нордхеймского шлема-гёрмунда выглядывала седая, аккуратно постриженная борода.

— Охотники, значит? — протянул седой, возвращая Гваю пергамент. — Тю! Четверо! Что, у Гильдии иных сил не нашлось! Где пять десятков не управились, сгинув в колдовском лесу, там четверо и подавно не совладают...

— Это смотря с какой стороны глянуть, — отозвался Гвайнарда, а Конан морщил лоб, соображая, где он мог раньше слышать голос обладателя асирского шлема. Лишь когда командир стражи обнажил голову, показывая охотникам, что не видит в них опасности, варвара озарило:

— Ордо! — восторженно заорал киммериец, бросаясь вперед. — Одноглазый Ордо! Сколько лет не виделись!

Старик и впрямь оказался одноглазым — правая глазница была перевязана черной тряпицей.

— Быть того не может! — ошарашенно сказал седой, оглядывая варвар. — Конан Канах из Киммерии! Как живой! Мы были уверены, что ты сложил голову на Побережье...

— Живой, живой! — вопил киммериец, обнимая одноглазого. — Вот и поверишь в судьбу, что ведет таких мерзавцев как мы с тобой по одной дороге!

Конан повернулся к недоумевающим охотникам и пояснил:

— Мы с Ордо когда-то славно почудили на немедийских стежках-дорожках! Я же рассказывал про Карелу Ястреба? Ну, та рыжая девица с ветром в голове!

— А-а... — понимающе протянул Гвай, припомнив байки Конана о его приключениях в отряде лихих контрабандистов, которым командовала весьма юная и решительная особа по имени Карела. — Вот и замечательно! Очень хорошо, что в Лотаре у тебя есть друзья!

— В Ночные Стражи подался, старый разбойник? — добродушно гудел Одноглазый Ордо, провожая охотников в крепость. Конан только улыбался и кивал. — Сиречь, решил заняться благородным ремеслом? Риск, конечно изрядный, воевать с ночными чудами — это тебе не лотос через перевалы Немедийских гор в Шамар пере-

правлять... Одно могу сказать точно: влип ты, киммериец. Обеими ногами. И отлепиться у тебя и твоих друзей никак не получится. У нас тут такое дееся, что волосы дыбом встают!

Попутно Ордо сообщил, что его милость барон Лотар по причине раннего утра изволят почитать, а потому лучше пойти в дом Пузатого Хэма — это что-то вроде местной таверны. Добряк Хэм с женой привечает всех приехавших в Лотар гостей или новых поселенцев, а для здешних обитателей варит отличное темное пиво, которое продает по вполне терпимой цене. Если хочешь отдохнуть, поболтать с друзьями, заключить торговую сделку или поиграть в кости — иди к Пузану; он примет, накормит, напоит и возьмет за все не больше двух серебряшек...

Хозяин необычного дома и впрямь оказался устрашающе толст — Конан даже подумал, что этот гигантский человечище и ходить-то может с трудом. Но ничего подобного — Пузатый Хэм порхал по вместительной гостевой комнате своего бревенчатого жилища с тяжеловесной грацией дарфарского гиппопотама, умудряясь при этом не задевать расставленные в живописном беспорядке столы и лавки, предназначенные для гостей.

Стоило Ордо подмигнуть хозяину своим единственным глазом, как великовозрастные дочери толстяка притащили с кухни холодный кабаньей окорок, пшигованный чесноком, политые растопленным маслом горячие пшеничные лепешки, вареную репу с крупной солью и, конечно же,

свежайшее черное пиво с ароматом можжевельника. Завтрак не самый роскошный, но вполне приличный даже по меркам таких крупных городов как Пайрогория или Чарнина.

— Все началось полгода назад, — неспешно повествовал Ордо, не забывая отхлебывать из огромной глиняной кружки. Пышные усы старика на украсились бахромой желтоватой пены. — Я-то поселился в Лотаре давненько, после того как немедийская гвардия разогнала наш отряд после смерти Карелы, Конан должен помнить... Железный лес всегда имел недобрую славу, но с прошлой зимы началось сущее бесовство.

— А почему лес называется «Железным»? — спросил киммериец.

— Деревья тут странные... — ответил Ордо. — Слово бы неживое соединилось с живым. Дерево из пущи не горит, его очень тяжело рубить топором, в стволах часто встречаются железные прожилки, листья серебристые. И кроме того, лес славен своими чудовищами. Раньше они появлялись редко, но теперь невиданные твари стадами шастают... По счастью, большая их часть безобидна.

— Какие именно твари? — скрупулезно уточнил Гвай.

Ордо описал около десятка разновидностей самых невероятных животных, появлявшихся в окрестностях крепости, но охотники только головами качали. Считается, что гильдия Ночной Стражи знает обо всех монстрах, обитающих в пределах зримого мира, Хранители даже состав-

ляют специальные «бестиарии», куда заносятся любые сообщения о необычных тварях, но прежде не было никаких известий о «деревянной саблезубой белке» или «синей русалке с медвежьей головой».

— Белка? — развел руками Гвай. — Деревянная? С клыками как у тигра? Ордо, такого не бывает! Это я тебе как Ночной Страж говорю!

— Вполне себе бывает, — уверенно сказал старый приятель Конана. — Мне врать незачем... Сам понимаю, что звучит сие весьма глупо, однако это правда. Тело покрыто вроде бы мхом, похожим на зеленую шерсть. Если рубанешь по такому зверю мечом или топором, окажется, что внутри такая вот белочка состоит не из мяса и костей, а из всамделишного дерева. На бук похоже. И прыгает, как настоящая... Ладно, забудем про невиданных чуд, давайте о главном.

— А что у нас «главное»? — осведомился Эйнар. — Надо думать, это явно не дивные твари, о которых ты нам сейчас рассказывал, а нечто по-серьезнее?

— Ты прав, — сдвинул брови Ордо. — В начале минувшей зимы поселился в нашем городишке странноватый человек. Приехал не на лошади, а на настоящем верблюде и попросил у его милости барона убежища. По его словам, на родине за ним охотились власти — совершил что-то нехорошее...

* * *

История рассказанная Одноглазым Ордо звучала до крайности подозрительно — у Конан даже появилось нехорошее ощущение, что тут не обошлось без вмешательства кой-каких старых знакомцев киммерийца из Птейона.

Итак, перед самым праздником Йуле в Лотар прибыл весьма оригинальный тип, назвавшийся тогда месьюром Иотефом из Шема. За то, что он действительно происходит родом с Полудня говорили темные глаза, густой загар и крючковатый нос, но внимательный Ордо, подвизавшийся у господина барона начальником стражи поселка сразу отметил несколько несусразностей.

Во-первых, каждому известно, что обитатели Шема традиционно носят бороды и длинные волосы до плеч. Месьюр Иотеф наоборот, оказался гладко выбрит, а волосы на голове были очень короткими, будто он совсем недавно начал их отращивать.

Во-вторых, шемиты являются весьма благочестивым народом, чтящим богов, а Иотеф за первые же дни пребывания в Лотаре показал полное безразличие к любым обрядам, он даже не заглядывал в единственную на весь поселок митрианскую часовню, где жречествовал беглый аквилонский монах.

В-третьих, поселившийся в маленьком флигеле принадлежащего семейству гуртовщиков дома шемит, оказался человеком нелюдимым и необщительным — частенько уходил в лес, пропадал

там по несколько дней, а когда возвращался в Лотар, вновь запирался в своей каморке.

Подозревали, что Иотеф балуется колдовством, но доказательств не было. Со временем его сочли или чудаком, или тихим безумцем и оставили в покое — вредоносности Иотеф не проявлял, золото у него не переводилось и шемит исправно платил за жилье и скромную пищу, а что человеку нравится гулять по лесам — так это его личное дело, к другим жителям крошечного баронства касательства не имеющее.

По весне Железный лес вновь начал порождать самых необычных чудовищ, разбредавшихся по округе и пугавших окрестных хуторян. Почему именно весной? То никому не ведомо, но точно известно, что каждый год, по окончанию холодов и вплоть до середины лета, загадочная чащоба исторгает из своих недр изрядное количество невиданных монстров. Причем всегда разных, двух подряд одинаковых зверюг доселе никто не встречал.

Иотеф начал уходить в лес гораздо чаще. Люди удивлялись — как он не боится? Но шемит всегда возвращался со своих прогулок целым и невредимым. И это несмотря на то, что в ближайшей округе начали появляться весьма опасные твари: похожее на смесь медведя и ящерицы чудовище разорвало в клочья двух рыбаков, ставивших сети на реке...

Тогда же барон Лотар решил просить помощи у гильдии Ночной Стражи и отправил гонца с письмом Совету Хранителей в Бельверус. Храни-

тели незамедлительно объединили в один большой отряд несколько ватаг охотников, работавших в Полуночной и Закатной Немедии и отправили его к Соленым Озерам.

Прекрасно вооруженный и обученный отряд прибыл в Лотар одиннадцать дней назад но непосредственно перед приходом охотников произошли весьма неожиданные события...

Незадолго до заката месьор Иотеф вновь собрал котомку, молча раскланялся со стражей у ворот и отбыл в сторону Железного леса, провожаемый мрачноватыми взглядами караульных. Ордо тогда подумал, что странный шемит исчезнет, как и обычно, на сутки-двое, но все вышло прямо наоборот.

Когда солнце зашло за горизонт и привыкшие рано ложиться обитатели Лотара собирались отходить ко сну, караул крепости поднял тревогу. Причину легкой паники, охватившей стражу могли увидеть все желающие: не столь уж и далеко от крепости в затянутое тучами небо бил столб ярко-голубого холодного огня, подкрашивавший облака и изливавший на Железный лес пульсирующее недоброе пламя. Многие заметили, что стало ощутимо прохладнее — вечер был теплый, а теперь вдруг из ртов людей повалил пар, а на стенах домов внезапно появилась легкая изморось.

Ордо, как человек с изрядным жизненным опытом, сразу понял — в лесу кто-то использовал сильнейшую черную магию, о чем и было доложено господину барону. Лотар сначала не пове-

рил — в округе спокон веку не слыхивали о черных колдунах, а чудеса Железного леса наверняка были вызваны к жизни чем-то иным: в страшноватых зверюгах, порождаемых чащей, не было магии, они являлись всего лишь животными, хоть и крайне необычными.

Тем не менее, барон незамедлительно распорядился удвоить караулы, а своим подданным вооружиться. Ясно, что с арбалетом или охотничьим ножом супротив могучего колдовства не попрешь, но так было спокойнее для всех.

Синеватое пламя полыхало почти всю ночь, угаснув лишь к утру. Когда взошло солнце и развеяло людские страхи, барон Лотар и Ордо решили собрать конную дружину и проверить, что же произошло в пуще — они полагали, что при свете золотого Ока Митры черная магия (если некто действительно применял таковую) окажется бесильной.

«Гвардейцы», как гордо именовал Лотар шайку вооруженных бородатых охламонов, руководимых Одноглазым Ордо, в составе двадцати пяти мечей и десятка арбалетчиков прибыли на опушку Железного леса около полудня и, как немедленно выяснилось, их там уже ждали.

Лотар и его верный командир стражи сразу поняли, что дело нечисто. У края леса, спокойно наблюдая за баронской дружиной, стояли двенадцать всадников. Девятеро на вороных конях и трое — на здоровенных верблюдах черной масти. Согласитесь, что появление верблюдов редкой иранистанской породы на самой Полуночи Неме-

дии, почти у рубежей Пограничного королевства, уже само по себе есть дело невиданное, а уж о таких всадниках и говорить нечего...

Выстроившиеся полукругом и прикрывавшие троицу обладателей верблюдов девять незнакомцев были облачены в просторные черные балахоны с золотым кантом по рукавам и опять же черные тюрбаны. Лица до самых глаз прикрывал ниспадающий с тюрбана шелковый шарф. Оружия тем не менее заметно не было, никаких тебе сабель, мечей или кинжалов.

А вот трое «главных» (Ордо ни мгновения не сомневался, что именно они командовали отрядом чужаков) смотрелись так, будто захолустное баронство одновременно посетили великие короли Аквилонии, Немедии и Зингары. Очень высокие и широки в плечах, бритые головы украшены золотыми кольцами в виде изящных змеек, на хламидах лучшей черной парчи вышиты незнакомые символы. На вооруженную до зубов ораву надменные господа поглядывали безразлично, без всякого страха.

Барон Лотар, впрочем, не растерялся. Приказав дружинным остановиться, он подъехал к всадникам и осведомился, кто они такие и что делают в пределах его владений. Ему ответили, причем его милость с удивлением узнал в одном из троих величественных всадников тихоню Иотефа (пригрели змею на груди!).

Аже-шемит настоятельно посоветовал барону и его людям на протяжении двух ближайших седмиц не приближаться к железному лесу. В

этом случае никто не пострадает. Ни сам Иотеф, ни его достойные друзья не собираются причинять неприятностей или неудобств обитателям Лотара, но интересоваться, что неожиданные гости баронства делают в чаще решительно не стоит — последствия, как говорится, за свой счет. Спустя четырнадцать дней Иотеф вместе со всеми прочими покинет Лотар и никогда сюда не вернется.

Более того, Иотеф может дать слово, что Железный лес станет безопасен для человека и впредь никто не услышит о порождаемых им чудовищах. Если угодно, Иотеф может уплатить барону Лотару виру за беспокойство — тут был предьявлен весьма внушительный кошель, доверху набитый золотом.

Не прояви его милость истинно немедийского дворянского упрямства и окажись столь выгодная сделка заключена, Гваю и его верным соратникам не пришлось бы покидать Райдор. Однако, барон счел речи Иотефа едва ли не покушением на свои права суверена и заявил, что пока достопочтенные месьюры не соизволят объяснить, что им понадобилось в Вольном Баронстве Лотар, ни о каких договорах и речи быть не может?

Может быть, они ищут клад? В таком случае барон требует причитающуюся по закону десятую часть... Если же дорогие гости собираются учинить некое колдовское действие связанное с использованием черной магии — пускай они убираются подобру-поздорову, ибо поклонение Тьме запрещено во всех землях Заката, начиная от Ак-

вилонии, и заканчивая маленьким, но гордым баронством Лотар.

Троица на верблюдах выслушала необдуманные слова его милости с достойной восхищения бесстрастностью, а потом попросту развернула своих черных зверюг и медленно направила в глубину леса. Чужаки в тюрбанах, наоборот, пустили своих вороных коней медленным шагом, явно пытаясь отеснить баронскую дружину.

И тут его милость сдуру приказал атаковать незнакомцев. Разве могут девятеро невооруженных всадников противостоять трем десяткам воинов, держащим в руках клинки едва ли не с пеленок?

Далее начался сущий кошмар. Выпущенные арбалетчиками стальные болты растворились в белесой вспышке, земля под ногами лошадей вздыбилась, из камней вырвался огонь... Трех дружинных разорвало огненными шариками, сорвавшимися с пальцев чужаков, еще полдесятка оказались серьезно обожжены. Отряд начал беспорядочное отступление, и весьма вовремя — потери могли оказаться слишком серьезными.

Лотар, однако, не успокоился. Вернувшись в крепость он выдумал новый план: перестрелять явившихся в его владения мерзавцев по одному, благо в городке хватало охотников способных попасть ночью в глаз белке. Решили устроить несколько засад и уничтожить чужаков как можно быстрее: было совершенно ясно, что в баронство появился отряд магов, преследующий некие неясные и, скорее всего, нехорошие цели.

Из двенадцати отправленных в Железный лес лучников вернулись лишь трое, причем все оказались ранены — охотники сами превратились в добычу и были перебиты колдунами. Стало ясно, что голыми руками чужаков не возьмешь, слишком серьезный противник.

На следующий день из Немедии прибыл большой отряд Ночной Стражи и все обитатели крепости вздохнули с облегчением — эти сорвиголовы, привычные к непрестанной борьбе со Злом в самых разнообразных его обликах уж точно избавят Лотар от неожиданной напасти!

Однако, человек предполагает, а судьба располагает. Стражи, едва передохнув, отправили в лес разведку. Трое лазутчиков не вернулись ни к вечеру, ни назавтра. Комтур Рульф (звание комтура, то есть командира объединенного отряда, давалось Хранителями гильдии самым опытным и уважаемым Стражам) принял решение как следует подготовиться к сражению и атаковать злодеев на рассвете.

Ночные Стражи ушли в Железный лес и не вернулись. Ни один человек. А вскоре к воротам Лотара приехали все девять чужаков на конях и устроили показательный спектакль — поджигали дома и тут же сбивали пламя заклинаниями, вызывали ужасающих призраков, насылали морюки... Когда люди оказались достаточно запуганы их жутковатыми фокусами, один из чужаков прокричал на ломаном немедийском языке, что если барон и его люди не оставят пришлецов в покое, от крепости останутся одни головешки,

живописно усеянные обгоревшими костями. Всем все ясно?

Лотар понял, что столкнулся с силой, которую обороть невозможно, мимолетно пожалел о том, что сразу не договорился с колдунами и объявил осадное положение.

Спустя несколько еще несколько дней в баронство приехал Гвайнард со своей ватагой.

Вот и вся история. Что на это скажете, господа охотники?

* * *

— Стигийцы, — уверенно сказал Конан, едва Ордо закончил свое повествование. — Я с ними сталкивался, поэтому могу говорить более-менее уверенно. Не помнишь, у троих «главных» какие рисунки были на балахонах?

Одноглазый плеснул на доски стола пива и начертил на влажном дереве треугольник с заключенным в нем Оком, окруженным свернувшейся в кольцо коброй.

Лицо Конана вытянулось.

— Это и впрямь серьезно, — обескураженно сказал киммериец. — Я-то сначала подумал, что вы столкнулись с самостоятельностью одного из многочисленных магических кланов Луксура или Назирии, но... В общем, это ребята из Черного Круга.

— Черный Круг? — едва не хором переспросили Стражи и Ордо. — То есть как — Черный Круг?

Варвар понял, что почувствовали его друзья. Этот магический конклав слыл наиболее могучей магической организацией Хайборийского мира, а равно наиболее закрытой — никто из посторонних не знал, каковы замыслы и цели конклава, уже много лет бессменно руководимого знаменитым Тот-Амоном, сыном Мин-Кау. Не то чтобы Черный Круг был чересчур уж зловреден — вечно приписываемых магам Тьмы стремлений к «мировому господству» за конклавом отмечено не было, Круг мало интересовался политикой и торговлей. Поговаривали, будто колдуны Птейона решили найти или создать самостоятельно некий «Высший Разум», но люди разумные и хоть немного знакомые с магическим искусством утверждали, что такая цель недостижима для человека. В любом случае, вся деятельность Черного конклава с самого момента его создания была окутана непроницаемой завесой тайны.

Во время приключений с Белит на караке «Тигрица» Конан ухитрился выяснить, что Черный Круг интересуют прежде всего древнейшие артефакты, причем не столько кхарийские или валузийские, сколько принадлежащие эпохе Роты-Всадника, когда основы тварного мира только закладывались и его законы еще не были окончательно установлены. Варвар подозревал, что овладение тайнами далекого прошлого может обеспечить Черному Кругу прорыв в новые, неизвестные людям области магии, но это оставалось лишь догадкой — Конан плохо разбирался в магии и недолго любил все, что с ней связано.

— Да, Черный Круг, — подтвердил киммериец. — Девятеро колдунов в тюрбанах, без сомнений, являются боевыми магами высокой ступени посвящения. Иначе на рукавах балахонов не было бы золотого шитья. Ордо был прав, посчитав их охраной трех «главных». А вот последние — исключительно опасные господа. Если ты, Одноглазый, ничего не перепутал и правильно нарисовал вышитый на их одежде знак, то все они входят в Высший Совет Птейона.

— Можно подробнее? — попросил Гвай.

— Можно, — кивнул варвар. — В свое время мне приходилось общаться с этой братией и я не скажу, что у меня остались хорошие впечатления от наших встреч... В Совет, иначе именуемый «Кольцом Сета» входят девять магов, включая главу конклава, Тот-Амона Птейонского. Ордо, скажи, среди магов, которых ты видел, не было высоченного человека с большой бородавкой на носу и шрамом на левой щеке? Выглядит лет так на пятьдесят, хотя на самом деле он гораздо старше...

— Нет, — покачал головой Одноглазый. — Все трое помоложе, лица гладкие. Только у одного когда-то была рассечена бровь, небольшой такой шрамчик вертикально пересекающий надбровье... У нашего Иотефа вообще никаких особенных примет не было, человек как человек, только загар черный, полуденный.

— Ясно, — Конан побарабанил пальцами по столу. — Вертикальный шрам, говоришь?.. Не уверен, но это может быть Тот-ан-Хотеп из Нази-

рии, человек крайне опасный и очень умный, однако договориться с ним можно... Лет шесть тому нам пришлось действовать вместе против Призраков Янтарной Гробницы, Тот-ан-Хотеп вынужден был заключить союз с пиратами — магия помочь не могла, потребовались заурядные мечи. Если это он, тогда у нас появляется шанс...

— Конан, я все больше начинаю беспокоиться за твое прошлое, — усмехнулся Гвай. — Может, ты нам не все рассказываешь? В жизни не поверю, что ты мог якшаться с магами Черного Круга!

— Жизнь заставила, — пожал плечами варвар. — Я вот тоже сначала никак не мог поверить, что Ночные Стражи возьмут в союзники упыря. И тем не менее, мы отлично сработались с Рэльгонном.

— Какого такого упыря? — насторожился Ордо, но киммериец решительно оборвал старого знакомого:

— У меня есть вполне разумное предложение: поспать до полудня, время еще раннее, а этой ночью мы совсем не отдыхали. В любом случае, силы нам потребуются.

— Согласен, — Гвай тихонько зевнул, прикрыв рот ладонью. — Ордо, сможешь нас разместить?

— В комнатах или на сеновале?

— Лучше на сеновале, воздух свежее, да и спиться там лучше. Эйнар, а ты пока займешься лошадьми и поклажей!

— Опять? — взвыл броллайхэн. — Да сколько можно! Я вам не мальчик на побегушках!

— Тебе ведь нужно чем-то занимать время

своего бессмертия? — с ласковой улыбкой очковой змеи пропела Асгерд. — Эйнар, у тебя впереди тысячелетия, а человек живет коротко..

— Но это ничуть вас не оправдывает, — обиженно пробурчал Эйнар и с недовольным видом пошел на двор. — Вот и попробуй получить удовольствие от вечной жизни в компании двуногих обезьян-однодневок! Тьфу!

Глава третья

Варвар проснулся от непонятного шума — ему показалось, будто на сеновале пробрался какой-то небольшой зверек наподобие кошки или хорька. Только где вы видели говорящую кошку, вот вопрос?

Конан притворился спящим и начал потихоньку оглядывать пышный стог сухой травы из-под полуприкрытых век. Рядом посапывал Гвай, возле предводителя ватаги свернулась в калачик укрытая плащом Асгерд. Эйнара доселе где-то носило — неужели он доселе не смог управиться с поклажей? Нет, ничего подобного — вещи охотников были аккуратно сложены в углу. Наверное, Эйнар опять зацепился языком или хлещет пиво в компании Одноглазого Ордо...

На сеновале кто-то *разговаривал*. Не человек, это было ясно как день. Голосок тонкий, скрипучий, очень тихий. Наречие было Конану неиз-

вестно, но, судя по звучанию, оно слегка походило на язык гномов Кезанкии или Граскаала — слишком много цокающих и шипящих звуков.

Почти сразу выяснилось, что болтунов как минимум двое — в ответ на едва слышный говорок раздалось пакостное хихиканье, которое киммериец сразу же узнал: именно так смеялась неизвестная мелкая тварь в райдорском лесу. Так-так, вот и искомые «попутчики», приведшие в замешательство каттаканов после прыжка через Ничто. Те самые — десятый и одиннадцатый! Гнусные пакостники, которые, однако, умеют отлично прятаться!

«Да кто же они такие? — думал киммериец, тщетно пытаясь различить в полумраке сеновала силуэты таинственных весельчаков (твари, совершенно не стесняясь, хихикали все громче, будто отмочили некую исключительно забавную шутку). — Ясно, что это не домашняя нечисть и не животные. Данхан, лесные карлики? Исключено, они никогда не подходят близко к человеку, боятся! Сейчас быстро вскочу на ноги и застаю их врасплох — хотя бы посмотрю, как эти твари выглядят...»

Планы Конана с грохотом рухнули. Широкая дверь сеновала распахнулась, в помещение хлынул поток солнечного света, а в проеме образовался Эйнар.

— Поднимайтесь, бездельники! Нас ждут великие дела! — возгласил броллайхэн. Хихиканье моментом стихло, а Конан успел заметить краем глаза, как две крошечных тени метнулись к

дальней стене и словно бы растворились в воздухе. Так или иначе твари не превосходят размером кролика, одно это радует.

— Вот бестолочь, — сплюнул Конан и недовольно посмотрел на Эйнара. — Спугнул!

— Что спугнул, — не понял броллайхэн. — Твой сладкий сон?

Киммериец объяснил. Проснувшийся Гвай выслушал его объяснения с недоумением и только головой покачал:

— Значит, речь похожа на гномью? И в то же время эти неизвестные существа очень маленькие? Решительно ничего не понимаю! Они не подходят ни под одно известное Ночной Страже описание... Впрочем, ты даже не смог как следует рассмотреть их. А, да чего гадать! Рано или поздно мы их поймем, а сейчас других забот полон рот. Конан, ответь, ты авантюрист по натуре?

— Еще какой! — фыркнул варвар и для пущей убедительности стукнул себя кулаком в грудь. — Таких авантюристов как я, доселе свет не видывал! А что?

— Понимаешь ли, — задумчиво сказал Гвайнард, — есть у меня одна задумка. Известно, что наглость частенько выигрывает у холодного расчета. Предложение такое: поехали в Железный лес. Прямо сейчас, только умоемся и перекусим. Причем поедем мы вдвоем. Я хочу вызвать стигийцев на переговоры от имени Совета Хранителей Ночной Стражи.

— Сдурел? — вытаращился Конан. — Я всегда знал, что с головешкой ты не дружишь, что чтоб

такое... Это же чистое самоубийство! В отряде Рульфа было сорок шесть клинков! И где они теперь, как говаривал один мой знакомый шемит?

— На заброшенной мельнице, — невинным тоном ответил Гвай. — И Рульфа надо оттуда вытаскивать. Любой ценой. Если боишься — возьму с собой Асгерд.

— Вот сейчас дам по морде, сразу узнаешь кто и кого тут боится! — пригрозил варвар. — Едем! Но разум мне подсказывает, что эта авантюра будет последней... ребята из Черного Круга с врагом не церемонятся, уж поверь, я достаточно на них насмотрелся в прежние времена.

— А кто сказал, что мы для стигийцев — враги? — вздернул брови Гвайнарда. — Я же сказал: переговоры! Полномочия от Хранителей у нас есть, все пергаменты с собой... Насколько я знаю, даже колдуны Черного Круга чтят неписанные правила этикета, принятого между магическими конклавами и нашей гильдией, в конце концов Ночная Стража некогда помогала стигийцам извести монстров, расплодившихся возле пирамид Птейона. Кроме того, там может оказаться твой старый знакомец — ты же сам сказал, будто с этим... Как его?.. Тот-ан-Хотепом можно договориться?

— Ладно, уломал демон языкастый, — вздохнул Конан. — Но все равно мне эта затея не по нутру!

Договорились так: если Конан и Гвай не вернуться к закату, Асгерд с Эйнардом дождутся появления каттаканов, объясняют им сложив-

шуюся ситуацию, а затем упыри наверняка придумают, как освободить командира отряда и киммерийца из лап колдунов. Если конечно, будет что освобождать — стигийцы могут запросто превратить обоих Стражей в кучки пепла задолго до того, как объявится Рэальгонн со своими зубастыми родственничками.

Одного охотники не заметили: к бахrome, украсившей мягкие сапоги Гвайнарда кто-то привязал маленькую золотую побрякушку, формой напоминающую голову змеи и украшенную кхариийскими иероглифами...

* * *

Выехали налегке, не взяв с собой никаких вещей из обширного охотничьего арсенала. Гвай вообще хотел поехать без оружия, но варвар немедленно взбунтовался, заявив, что последние двадцать лет без клинка он даже в нужник не ходит. А тут, простите, стигийцы, да не простые, а весьма и весьма опасные!

— Вот интересно, чем поможет меч, если колдун Черного Круга захочет превратить некого не в меру разговорчивого киммерийца в жабу? — поинтересовался Гвай, и получил ответ в том смысле, что надо еще посмотреть кого именно будут превращать и в какую именно тварь — жабу, крысу или скорпиона.

Одноглазый Ордо хотел было навязаться в провожатые, но Гвай старику отказал — не стоило лишний раз раздражать засевших в Железном

лесу магов. Если разговор со стигийцами состоится, то пусть уж его ведут Ночные Стражи, без лишних свидетелей. С тем зингарская кобылка Гвайнарда и сартак Конана вышли за ворота крепостишки и направились на Полночный Закат, к мрачной чащобе.

— Крайне интересно! — воскликнул Гвай, когда всадники подъехали к строю вековых деревьев, чьи вершины поднимались на высоту не менее пятидесяти локтей. — Конан, ты раньше видел что-либо подобное?

— Никогда, — уверенно ответил варвар. — Даже упоминаний о таких чудесах не слыхивал! Как думаешь, что это такое? А главное, почему так случилось?

Здесь было чему удивляться. Вроде бы вполне обычные дубы и вязы отличались от своих собратьев в иных частях света эбеново-черной корой с металлическим отливом, листья были серовато-серебристые, а не зеленые. Киммериец вытянул руку и сорвал с ветви черный желудь, оказавшийся неожиданно тяжелым — такое впечатление, будто он действительно был отлит из металла. Лес вполне справедливо получил наименование «Железного».

— Ага, — многозначительно сказал Гвай. — Ты только посмотри Видимо, это и есть одно из здешних чудовищ! Только не хватайся за оружие, по-моему этот зверь безопасен.

На тропинку перед всадниками выскочило животное, название которому затруднился бы подобрать даже остроязычный Эйнар. Скорее всего,

изначально это была крупная речная свинка, какие водятся по берегам рек в окрестностях Граскааля — обычно эти грызуны вырастают до размеров собаки и отличаются густым коричневатым мехом с желтыми подпалинами. Но чуда, на которую обратили внимание охотники, напоминала водяную свинку лишь очень отдаленно.

Перво-наперво надо сказать, что тварь оказалась покрыта ярчайшей сине-зеленой чешуей похожей на ящеричью. У обыкновенных свинок хвостик всегда был маленьким и коротким, а тут оказался длиннющим, змеино извивающимся и почему-то с роговым шипом на кончике. Глаза были красные, навывкате, но на всадников невиданный зверь смотрел вполне мирно. Из рта выглядывал раздвоенный фиолетовый язык.

Чудесная тварюшка, уяснив, что нападать на нее никто не собирается неспешно проследовала к ручью и в полном соответствии с законами принятыми у речных свинок нырнула в воду.

— Дела-а... — протянул Гвай. — Знаешь, такая расцветка чешуи встречается у очень редкого вида ядовитых змей, которых на Полночи почти полностью истребили. Они называются «голубыми аспидами».

— Но при чем тут водяная свинка? — озадачился Конан.

— Понятия не имею. Поехали!

Как и советовал Ордо, всадники добрались до широченного оврага, рассекавшего лесную опушку и свернули направо, в чащу. Стало почти темно — ветви деревьев не пропускали солнечный

свет, смыкаясь над головам в единый серебристо-черный полог.

— Конан, запомни, ни в коем случае нельзя вести себя агрессивно, — вполголоса втолковывал Гвай. — Мы изображаем из себя... Точнее, представляем из себя посланцев Совета Хранителей! Ни в коем случае не провоцируй стигийцев, и вообще, позволь мне говорить самому.

— А разве ты знаешь стигийский язык? — спросил Конан и тут же осекся.

Создалось впечатление, что охотники и их скакуны пересекли невидимую черту, некую границу незнамо кем установленную — сартак, чувствующий чужую магию, аж споткнулся, а варвар и Гвай ощутили дуновение ледяного ветра. По лицам людей словно бы провели холодной кистью...

— Нас обнаружили, — уверенно сказал киммериец. — Значит, надо ждать гостей...

«Гости» не замедлили явиться — на широкой прогалине, будто черные статуи, замерли все девять боевых магов, охранявших колдунов «Кольца Сета». Гвай и Конан натянули поводья, Гнедой свирепо зашипел, учуяв чужаков.

— Кажется, вас предупреждали, — с сильным полуденным акцентом сказал один из магов и угрожающе подал коня вперед. — Вы вынуждаете нас...

Гвай вытянул руку в примирительном жесте и заговорил на стигийском с чистейшим птейонским произношением — Конан, как знаток, оценил его изысканный выговор.

— Мы сожалеем, что нарушили ваше уединение, — начал плести словесные кружева Гвайнард. — Однако, тому имеются веские причины, которые я вправе изложить исключительно магам более высокой ступени посвящения, которые, как нам абсолютно достоверно известно, находятся здесь...

Конан, вопреки настоятельной просьбе Гвая, решил рискнуть:

— Нам необходимо встретиться с уважаемым Тот-ан-Хотепом из Назирии, — перебил Гвайнарда киммериец и сразу выложил главный козырь: — Мы обязаны передать его милости неотложное послание Хранителей Ночной Стражи...

Стигиец слегка опешил. Откуда в дремучем захолустье появились люди говорящие на священном наречии Птейона? Какое послание? Откуда эти двое варваров знают имя Тот-ан-Хотепа?

Пришлось звать на помощь магию, — последовал мгновенный обмен мыслями с «его милостью», после чего боевой маг растерянно проговорил:

— Достойный Тот-ан-Хотеп согласен переговорить с вами немедленно... Следуйте за нами.

Конан едва сдержался от того, чтобы схватиться за рукоять клинка, когда девятеро магов окружили его и Гвайнарда, но, увидев зверский взгляд командира, подавил искушение. В любом случае прямо сейчас стигийцы не собирались никого убивать, а уж если получится договориться с колдунами «Кольца Сета»... Тогда станут возможны иные, более серьезные комбинации. И

все-таки, зачем стигийцы приперлись на Соленые озера? Что они здесь ищут? Сокровища? Золота в Птейоне и так полным полно... Пытаются разгадать тайну Железного леса и изучить его необычные свойства?

Разберемся, как говорит Гвай!

В глубине леса, на берегу быстрой речки обнаружилась та самая полуразрушенная водяная мельница, о которой говорил Рэльгонн. Когда-то это была всем мельницам мельница — громадный каменный куб, нависший над водой, сломанные, но доселе впечатляющий своими размерами лопасти водяных воротов, мощная кладка фундамента, сложенного из гранитных валунов. Судя по всему, Железный лес не всегда являлся источником опасности и раньше здесь жили люди — вокруг мельницы возвышались ветхие деревянные постройки и Конан отметил, что дерево было самым обычным — никакого сходства с насыщенной металлом древесиной нынешних сосен или дубов.

— Ждать здесь, — приказал предводитель боевых магов, и все девятеро стигийцев поскакали к могучему зданию мельницы.

Охотники спешили и привязали лошадей к покосившейся ограде.

— Ты как ухитрился эдак насобачиться в стигийском? — спросил киммериец. — Я когда услышал, чуть с седла не упал!

— Какой ты невнимательный, — улыбнулся Гвайнард. — Я же рассказывал, что в молодости служил в Латеране, это тайная служба Трона

Льва. Учили нас оч-чень серьезно! Тихо... Гляди, вот и твой старый приятель!

Охотники так и не поняли, откуда появился статный, отлично сложенный и очень высокий (на два пальца выше длинного Конана) стигиец, облаченный в неизменный черный балахон с золотым шитьем в виде символа Круга Птейона. Как и положено, голова величественного колдуна была начисто выбрита и наверняка умащена втираниями — солнечные зайчики так и прыгали, отражаясь от гладкой кожи...

— Итак? — маг, в котором варвар действительно опознал того самого Тот-ан-Хотепа, остановился перед Ночными Стражами. — Вы хотели меня видеть и передать некое послание. Даже если у вас есть пергамент, подтверждающий ваши полномочия, можете его не предъявлять — я умею различать правду и ложь. Говорите.

Холодный взгляд мага скользнул по Конану и левая бровь стигийца чуть приподнялась. Надо же, вспомнил!

«Ну, вот и встретились, — подумал киммериец. — Сколько же лет прошло? Шесть с половиной вроде бы? А славно мы тогда почудили, ничего не скажу! И Тот-ан-Хотеп показал себя молодцом! Эх, если бы такой человек был на нашей стороне!..»

Гвай, не раздумывая, сразу взял быка за рога:

— Я представляю гильдию Ночной Стражи и ее Хранителей. Совет Хранителей крайне обеспокоен исчезновением отряда, отправленного в баронство Лотар по просьбе его повелителя. На-

сколько нам удалось выяснить, наши соратники... э-э... не нашли взаимопонимания с вами, уважаемый Тот-ан-Хотеп. Я и мои друзья прибыли в Лотар для того, чтобы разрешить возникшие затруднения. Надеюсь, ты понимаешь, что если нам не удастся прийти к согласию и Гильдия понесет урон, то Совет может предпринять ответные шаги.

Тот-ан-Хотеп молчал. Маг видел, что охотник не лжет — существует достаточно простенькое заклинание, позволяющее сразу определить, насколько правдива речь человека. А кроме того, стигиец отлично понимал, что ссора с гильдией Ночной Стражи не приведет ни к чему хорошему.

Охотничье братство представляет из себя сильную и сплоченную организацию, которая будет в состоянии отомстить за своих людей даже Черному Кругу. Вдобавок, держащие нейтралитет в вечной войне Света с Тьмой охотники частенько приходят на помощь и владыкам Птейона, поскольку магия не всегда может справиться с тварями, выползающими из глубин Черной бездны — тут опыт и знания Ночной Стражи часто оказываются незаменимы. Вступать в открытый конфликт с Гильдией не следует, что ясно как день!

— Действительно, существующее недоразумение следует как можно быстрее разрешить, — поразмыслив, сказал колдун. — Ваши собратья живы, это первое и главное. Мы никого не хотели убивать, а только защищались от нападения, это второе. Полагаю, вы уже выяснили, что Черный

Круг предлагал барону Лотару отступное — мы всего лишь хотели провести в этом лесу некоторые... гм... исследования.

— Какие же? — подал голос Конан. В глазах Тот-ан-Хотепа сверкнула веселая искорка, и он чрезвычайно вежливо ответил варвару:

— Боюсь, это не входит в сферу интересов гильдии Ночной Стражи и ее достойнейших представителей, друг мой...

«...Что означает вполне доходчивое: не твое собачье дело, — мысленно перевел Конан речи мага на понятный всем и каждому язык. — И он назвал меня «друг мой», а стигийцы словами никогда не разбрасываются просто так. Значит, помнит, что обязан мне за историю с призраками Янтарных Гробниц и спасение своей шкуры... Отлично!»

— Послушай, Тот, давай говорить по-людски, без всякой глупой куртуазии, — заявил Конан. Гвай слегка побледнел от ужаса — знал, что этикет стигийцы весьма почитают и принимают за оскорбление любое неверно сказанное слово. Тем более, что киммериец назвал колдуна только личным именем, не присовокупляя родовое — подобное допускается исключительно близким друзьям или родственникам!

Конан, однако, не унимался:

— Надеюсь, тебе не надо объяснять, что отряд Ночной Стражи был призван тутошним барончиком не для охоты на черных магов, а ради изведения расплодившейся в окрестностях Железного леса нечисти? Вы просто подвернулись под руку

и вас посчитали виновниками всех безобразий... И этот идиот Лотар масла в огонь подлил! В общем, как ты и сказал — сущее недоразумение.

— Киммериец, ты совсем не изменился за прошедшие годы, — ответил Тот-ан-Хотеп и сбросил с лица непроницаемую маску холодной вежливости. Даже улыбнулся. — Такой же нахал и ветрогон. Я знаю, что ты не любишь Черный Круг а с моим повелителем Тот-Амоном вы никогда не могли найти общий язык... Но я не Тот-Амон и никогда не забываю добра сделанного мне и моим людям. Пришло время оплатить векселя, не так ли?

— Пришло, — согласился Конан. — Что вы сделали с отрядом Рульфа?

— Заклинание Вечного Сна, — сразу отозвался Тот-ан-Хотеп. — Человек может спать десятилетиями, состариться и умереть во сне...

— Можешь снять заклятье? Чтобы никто не пострадал?

— Разумеется. Но... Мне нужно еще два дня. До послезавтрашнего вечера. За это время мы закончим свою работу, а Иотеф начнет строить портал в Стигию.

— А, так значит, вы прибыли сюда через Червоточину? — Гвай ввернул обиходное название магических порталов, способных связать разные точки Хайбории.

— Верно, — кивнул Тот-ан-Хотеп. — Чтобы построить канал перехода в Птейон нам потребуются как минимум сутки. Еще половина дня — для завершения наших дел. Конан, не смотри на ме-

ня с таким любопытством, я не вправе ничего рассказывать! Затем я разбуджу ваших друзей и уйду в Стигию вместе со всеми остальными. Клянусь именем Сета Змеенога, Вечной Тьмой из которой все произошло и тайнами Великих Пирамид — я не обману! Если хотите, на мельнице, где спят Ночные Стражи, может постоянно находиться один наблюдатель. Поймите, охотников слишком много, они могут помешать нам... Поэтому я не могу разбудить их немедленно.

Конан поперхнулся. Он был хорошо знаком с обычаями Стигии и сразу понял, что Тот-ан-Хотеп произнес нерушимую клятву — если он ее не выполнит, на мага падет проклятие. Что же такого важного откопали стигийцы в Железном лесу? Ясно, что тут задействованы не только опасения поспорить с Гильдией и ее влиятельными Хранителями, но и некие более серьезные соображения...

— Мы согласны, — ответил Гвай за себя и за Конана, чем вызвал тихое недовольство киммерийца.

Варвар гораздо лучше знал что в любых словах представителей Черного Круга может скрываться опасная двусмысленность. И плевать на то, что Тот-ан-Хотеп по отношению к Конану настроен вполне дружелюбно и собирается «оплатить векселя». Маги Черного круга слишком непредсказуемы и ради своих целей готовы пойти на самые неприглядные поступки.

Но Тот-ан-Хотеп поклялся! Поклялся именем Сета, Изначальной Тьмы и Птейоном! Такой клятве можно верить!

— ...Я только хочу внести некоторые изменения, — продолжал Гвайнард. — Пусть на мельнице постоянно находятся двое наших соратников. Один из них может оказаться не-человеком, но...

— Полагаю, это будет странное существо очень похожее на... на вампира? — уточнил маг, перебивая. — Позапрошлой ночью эти твари доставили нам много неприятных мгновений, причем я так и не понял, что это за существа — они явно не принадлежат нашему Универсуму... Хорошо, договорились. Условие одно: вы обязуетесь никуда не выходить из здания мельницы, что бы ни случилось.

— Принято, — ответил Гвай. — Конан, как твой старый знакомец, будет дежурить грядущей ночью, а я — на следующую. Когда договор будет выполнен, я немедленно отправлю соколиной почтой письмо в Бельверус, для Совета Хранителей. Надеюсь, на этом все недоразумения между гильдией Ночной Стражи и Черным Кругом будут окончательно исчерпаны.

— Твои слова услышаны... — наклонил голову стигиец. — Я очень рад, что мы смогли понять друг друга.

* * *

Возвращались неспешно, уже ничего и никого не опасаясь. Тот-ан-Хотеп отдал распоряжение боевым магам, охранявшим троих представителей «Кольца Сета», чтобы те незамедлительно пропускали к мельнице Гвая или Конана по пер-

вому требованию. Единственно, охотникам было категорически запрещено углубляться в лес и сворачивать с тропинок. В противном случае Тот-ан-Хотеп, по его же словам, «пересмотрит заключенный договор», а это могло означать все, что угодно...

— Очень уж просто все получилось, — качал головой киммериец, слегка подталкивая пятками в бока идущего слишком медленно сартака. — Немыслимо просто!

— По-моему, этому только радоваться нужно, — ответил Гвай. — Видать, наши стигийские друзья откопали в Железном лесу вещицу, ценность которой запредельна. Ради этой штуковины они готовы пойти на любые уступки и заключить любые договоры!

— Ну да, например такой же договор, как с бароном Лотаром, — саркастично сказал Конан. — Запугали бедолагу так, что его милость теперь полгода будет просыпаться от кошмарных снов!

— Ты не путай теплое с мягким, — усмехнулся Гвайнард. — Подумай, кто такой барон Лотар? Да никто! Плюнуть и растереть! Если его городок будет стерт с лица земли, а самого барона торжественно принесут в жертву Сету на каком-нибудь Черном алтаре, ни о нем самом, ни о его людях никто и не вспомнит. А за нашими спинами стоит охотничье братство, Гильдия! Тот-ан-Хотеп понял, что Хранители знают о случившемся и если с нами произойдет что-то нехорошее — Черный Круг окажется в неприятном положении.

— И все-таки ты ему соврал, — заметил варвар. — Точнее, это была не совсем ложь: ты всего лишь сказал полуправду. Хранители в Бельверусе знают только о чудовищах, наводнивших окрестности Железного леса, но про магов Черного Круга им ничего не известно.

— Согласен. Но мы рискнули, бросили кости на стол и выбили «трех коней». А Хранителей я извещу о случившемся нынешней же ночью, придется отправлять в Немедию Рэльгонна или одного из очаровательных родственничков нашего упыря... И потом, Совет Хранителей должен быть оповещен о подозрительной деятельности магов Черного Круга на Полночи — надеюсь ты заметил, что они снарядили очень серьезную экспедицию?

— Точно! Сначала в Лотар отправился Иотеф, разведать обстановку и подготовить открытие портала между Железным лесом и Птейоном, а потом сюда нагрянули аж целых девять боевых магов и еще три колдуна высшего посвящения, считая вместе с Иотефом. Исключительно грозная сила — при желании они могут если не остановить, то по крайней мере задержать на несколько дней целую армию! Но почему они так заинтересовались тайной Железного леса? Что скрывается в чаще?

— Думаю, мы сумеем выяснить это сегодня же, — брякнул Гвай, вызвав безмерное удивление киммерийца.

— Не уверен, что упыри смогут разведать все, что нас интересует, — сказал Конан. — Тот-ан-Хо-

теп почувствует их присутствие и сочтет это нарушением договора. А тогда — пиши пропало!

— Разве я говорю о каттаканах? — преспокойно ответил Гвайнард. — У нас есть оружие куда более незаметное и действенное. Эйнар.

— Чего? — ахнул Конан и тут же подумал о том, что Гвай совершенно прав: броллайхэн, Дух Природы, при желании способен творить такие чудеса, что запросто заткнет за пояс сотню каттаканов. Никто не спорит, упыри очень полезны в ситуациях, когда речь идет о борьбе с обычными чудовищами или недоброжелателями-людьми, но если в дело впутана магия, особенно такая, какой владеют самые знающие колдуны Черного Круга, ничего лучше броллайхэн не найдешь! Эйнар способен воплощаться в любое материальное тело, а равно и сбрасывать телесную оболочку в нужный момент, его истинная сущность представляет собой разумный сгусток силы самой природы, он наделен магией Равновесия, способной противостоять заклятиям Тьмы и Света...

В общем, скандалист и бездельник Эйнар в действительности представлял из себя до крайности полезное существо. Жаль только, что врожденная лень не позволяла ему в полной мере использовать способности, данные от рождения. Но это было легко исправимо — броллайхэн следовало заинтересовать предстоящим делом и вот тогда можно быть уверенным в том, что Эйнар не оплошает.

— Хорошая мысль, — согласился Конан. — Но как это осуществить на практике?

— Что-нибудь придумаем...

Одноглазый Ордо приметил охотников изда- лека — они только подъезжали к крепости. Кона- на с Гваем выбежала встречать вся стража вкупе со своим командиром, тут же примчались Асгерд с Эйнар. Собственнолично явился барон Лотар, оказавшийся худощавым молодым человеком с породистым дворянским лицом и взглядом закон- ченного преступника. Видать, недаром ему при- шлось бежать из родной Немедии на Полночь.

Всех интересовало только одно: почему Ноч- ные Стражи вернулись так быстро — и трех ко- локолов не прошло! Гвай заранее приготовил очень похожее на настоящую правду объяснение: мол, с черными магами удалось придти к согла- шению, спустя два дня они покинут Лотар и если его милость барон пообещает, что до послезавтра никто стигийцев не побеспокоит, то осложнений не возникнет. Он, Гвай, вместе с почтенным месьюром Конаном Канах, готовы выступить га- рантами соблюдения данного слова с той и дру- гой стороны.

Его милость согласился — Лотар отлично по- нимал, что угрозы стигийцев следует принимать всерьез. Затем барон поинтересовался, что про- изошло с отрядом Рульфа и получил в ответ кра- сивую фразу, услышанную Гваем от Тот-ан-Хоте- па — это, знаете ли, не входит в сферу ваших ин- тересов. Лотар нахмурился, но возражать не стал. Конан же только посмеивался про себя.

Затем господа охотники вместе с Одноглазым Ордо (старика Конан доверял как самому себе)

собрались на уже знакомом всем сеновале, стоя- щем во дворе дома Пузана Хэма и Гвайнард изло- жил все подробности краткого путешествия в Железный лес и возникшие соображения. Выслу- шивая мысли бессменного командира отряда Эй- нар мрачнел с каждым мгновением.

— Авантюра, — высказался наконец броллай- хэн. — Это еще хуже чем вапша прошлая задумка! Что вы мне предлагаете? Отправиться туда одно- му? Вам известно, что любой, пусть даже слабень- кий маг, способен ощутить присутствие чужого колдовства? А там засели колдуны, которые спо- собны одолеть не то что Духа Природы, но и де- монов Черной Бездны! Я не смогу использовать Алое волшебство Равновесия, даже если очень за- хочу!

— Тебя никто не просит воевать со стигийца- ми, — поморщился Гвай. — Попробуй аккуратно разведать, что они делают в лесу, зачем прибыли в Лотар, что ищут.

— Всего-то и делов! — возмутился Эйнар. — Мне следует придти к ним с широкой улыбкой на лице и сказать: «Здравствуйте, можно узнать, что вы тут делаете»? Конечно, они усадят меня за стол, радушно напоят лучшим вином и сразу все расскажут и покажут! А потом попросту вы- потрошат!

— Ты не понял, — остановил излишества Эйнара Гвайнард. — Смени воплощение. Тебе, случаем, не надоело так долго носить человеческое тело? Не хочешь какое-то время побыть белочкой? Зайчиком? Птичкой?

— Птичкой! — передразнил броллайхэн предводителя ватаги. — Свиньи вы, а не верные друзья! Лошадей седлать — Эйнар. Выгребную яму чистить — снова Эйнар! Головой рисковать — опять Эйнар!

— Никто тебя уговаривать не собирается, — сурово бросил Гвай. — Тебе напомнить о том, что ты прежде всего Ночной Страж, а уже потом бессмертный балбес, решивший жить среди людей? Помнишь уложения Гильдии? О чем там говорится?

— Слово командира отряда — закон, — уныло проворчал Эйнар. — Конечно, если это приказ, я подчинюсь.

— Именно, приказ, — отрубил Гвайнард. — И теперь тебе стоит подумать, как его выполнить со всем прилежанием.

— Ненавижу вас всех, — с фальшивой плаксивостью в голосе проныл доблестный соратник. — Асгерд, отвернись... Придется раздеться.

— Интересно, что у тебя есть такого, чего бы я не видела у других мужчин? — не без едкой иронии осведомилась нордхеймская воительница и принципиально не стала отворачиваться. Эйнар тем временем снимал безрукавку, верхнюю и нижнюю рубаху, штаны и сапоги. Оставшись совершенно голым броллайхэн процедил:

— Сами напросились. Но учтите, за последствия я не отвечаю!

Внезапно человеческий силуэт размылся, замещаясь плотным белесым туманом — Эйнар сбрасывал человеческое тело, будто надоевшую

одежду. Затем клубок тумана сжался в небольшой шар, по которому пробежали тонкие розовые искорки и начал замещаться новой формой воплощения.

— Здорово! — воскликнул Ордо. — Раньше о таком я только слышал, но не верил рассказам!

— Пообщаешься с нами подольше, еще и не в такое уверуешь, — фыркнул Конан. — Не обращая внимания, это так, мелкие фокусы. На самом деле с Эйнаром лучше не связываться, сила в нем заключена огромная...

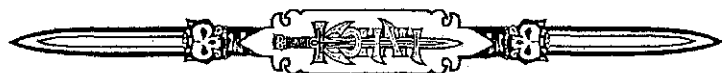
Перед Одноглазым Ордо и охотниками сидела белка. Обычная рыжая белка. Единственно, крупноватая — размером с небольшого кота бритунийской породы.

— Вполне разумно, — с интересом глядя на Эйнара сказал Гвай. — Передвигаться можно куда быстрее, чем любое другое животное, да и стигийцы не заметят, как ты пересечешь границу охранного пояса. Уверен, их магия способна предупредить только о появлении человека или другого крупного существа... Ну что ж, отправляйся.

Белка недовольно чирикнула, с присущей только этим зверькам ловкостью забралась на поддерживающий потолок сеновала столб, оттуда перескочила на поперечную балку, сиганула в отдушину под крышей и была такова.

— Сколько лет на этом свете живу, а все не перестаю удивляться его чудесам, — философски проговорил Ордо. — Пойдемте-ка в дом Пузатого Хэма, обед давно должен быть готов...

Выходя на двор Конан резко обернулся. Вар-

вару показалось, будто на сеновале снова кто-то хихикает.

— Чего встал? — подтолкнула киммерийца Асгерд. — Идем. Ордо пообещал жареных куропаток и настоящее шемское вино, нарочно приберегаемое для дорогих гостей!

Варвар еще раз с подозрением осмотрел сеновал, прикрыл дверь и зашагал к высокому крыльцу гостеприимного обиталища толстяка Хэма.

* * *

Начало смеркаться. Побагровевший солнечный диск начал спускаться к далекой полосе Немедийских гор, отделяющих центральную часть материка от обширных земель Аквилонского королевства. Эйнар не возвращался.

— Пора отправляться, — решительно сказал Конан, когда на восходной стороне неба появились первые звезды. — Хочу приехать к мельнице пока совсем не стемнело. Когда появится Рэзльгонн, немедленно отсылайте его ко мне. Не хочется целую ночь сидеть в компании стигийских колдунов и чудищ Железного леса! С Рэлем можно хоть в кости поиграть, только он жульничает...

На всякий случай варвара снарядили так, будто он направлялся в самое логовище Черного Круга для того, чтобы похитить магическое кольцо Тот-Амона или выкрасть из сокровищницы Птейона самые могучие артефакты. Пришлось взять с собой изрядное количество хитрых

снадобий Ночной Стражи, полдесятка самых необходимых амулетов, позволяющих человеку свободно действовать ночью и способных отпугнуть нечистую силу, оружие и, разумеется, провизию из расчета на двоих человек. Запас, как известно, карман не тянет.

Конан въехал под мрачный полого Железного леса, когда закат уже догорал. Если на открытом пространстве еще синели предночные сумерки, то в лесу было темно, будто в склепе и полагаться приходилось исключительно на прекрасное ночное зрение Гнедого, самостоятельно выбиравшего дорогу.

Очень скоро киммерийца окликнули — его встречал один из боевых магов, на тюрбане которого сияла бледным голубоватым светом брошь с крупным светящимся алмазом. Опять магические штучки! Впрочем, удивляться ту нечему — для стигийца магия является столь же естественной, как для любого другого человека ночной сон или пища, они не представляют себе жизни без волшебства.

Всадник жестом приказал варвару следовать за ним и вскоре они оказались возле каменного куба заброшенной мельницы. Поскольку она стояла на берегу и вдали от деревьев, здесь было относительно светло.

— Лошадь привязать, сидеть в доме, — с ужасающим акцентом сказал варвару маг. — Никуда не ходить. Когда придет второй — проверю.

— Как скажешь, — подал плечами Конан, набросил поводья сартака на старинную коновязь

возле дома, забрал мешок с вещами и вошел в каменное здание, с твердым расчетом забраться на чердак и попытаться оттуда рассмотреть, что будет происходить вокруг — вдруг получится узнать нечто важное? На Эйнара в любом случае надежды никакой — обязательно что-нибудь забудет или перепутает!

Кто-то заботливо зажег внутри мельницы несколько факелов, воткнутых в проржавевшие кольца. Конан запнулся и раскрыл рот от удивления.

Все охотники из отряда Рульфа действительно были здесь. Стигийцы проделали большую работу перетаскив сюда погруженных в колдовской сон людей, разоружив их и аккуратнейшим образом сложив снаряжение Ночной Стражи в дальнем углу — меч к мечу, арбалет к арбалету — идеальный порядок!

Варвар присел возле одного из охотников и пощупал его шею. Кожа теплая, дышит очень слабо, сердце бьется раза в три реже, чем у обычного человека. Живы, это главное — могли ведь и погибнуть...

Взяв один из факелов и взобравшись по ветхой деревянной лестнице на второй этаж, Конан спугнул нескольких летучих мышей, обитавших на чердаке и принялся устраиваться возле отдушины, из которой открывался отличный обзор на поляну, и изгиб речушки. Расстелил плащ, извлек из объемистого кожаного мешка свертки с провизией и бурдючок с вином, деревянную коробку со снадобрями и оберегами поставил по-

ближе к узкому окну, чтобы всегда была под рукой. Теперь оставалось ждать явления Рэльтонна или кого-то из его семьи.

— Что за бесовство? — киммериец встрепнулся в который уже раз расслышав навязчивый звук — тоненькие злорадные смешки, точно такие же, как утром и днем на сеновале Пузатого Хэма. — Я что с ума схожу?

Заново перепроверил все вещи — ничего! Никаких признаков присутствия посторонних, будь то человек, зверь или некое неведомое существо с пакостным характером и дурными привычками. На всякий случай Конан убрал запас пищи повыше — на подгнившую поперечную балку, мало ли что? Очень не хочется повторения истории с котелком...

Дом, ясное дело, охраняли снаружи — в стремительно сгущающейся тьме Конан успел рассмотреть три фигуры стигийцев, неспешно прогуливающихся вокруг дома. Нет никаких сомнений в том, что рядом с мельницей в самом здании натянуты магические «ничточки» которые дадут знать магам о любых передвижениях киммерийца. А вздумай он нарушить соглашение и вылезти наружу, неприятностей не миновать.

— Приветствую достойнейшего Конана Канах, — варвар вздрогнул от неожиданности, когда за спиной послышался ровный голос упыря. — Готов составить тебе компанию до грядущего утра, а чтобы нам не скучать...

Рэльтонн усмехнулся потряс извлеченным из складок балахона мешочком в котором брякали

игровые кости. Проклятуший кровосос отлично знал, что киммериец падок на азартные игры и считает их одним из самых лучших развлечений.

— Гвай мне все рассказал, — упырь уселся рядом с Конаном и с любопытством выглянул в окно. — Очень жаль, что нам запрещено выходить наружу, но это дело поправимое.

— Даже не думай об этом! — воскликнул варвар, полагая, что Рэльгонн все-таки собирается провести разведку с помощью прыжков через Ничто. — Мы с Гваем дали слово, что будем сидеть в мельнице и носа отсюда не высовывать! Пойми, речь идет не только о нашей собственной безопасности! Мы отвечаем за жизни еще сорока шести человек!

— Разве я утверждаю обратное? — удивился Рэльгонн. — Наблюдать за происходящим можно и другими способами... Вот, смотри!

Оказывается, упырь притащил с собой большой черный ящик из неизвестного Конану материала — прочного, но очень легкого. А когда Рэльгонн щелкнул замочками и поднял крышку, варвар лишь рот раскрыл.

Охотники отлично знали, что каттаканы привезли из своего мира довольно большое количество различных приспособлений, позволивших им выжить в негостеприимном человеческом Универсуме — на своей далекой родине, отстоящей от Сферы Хайбории на тысячи тысяч лиг, упыри умели делать самые невероятные механизмы. Но такую хитрую штуковину Конан видел впервые.

На обратной стороне крышки располагалось большое овальное зеркало, а в самом ящике лежало множество металлических цилиндров размером с палец, к каждому из которых было прикреплено словно бы по паре прозрачных стрекозиных крылышек.

Здесь же оказалась небольшая выдвижная дощечка, на которой мерцали зеленоватым светом сложные иероглифы — Конан уже знал, что это буквы каттаканов.

— Держи, — Рэльгонн перебросил варвару несколько цилиндров. — Расставь во всех отдушниках ведущих наружу, на лестнице и на подоконниках. Остальные я заброшу на крышу...

Когда дело было сделано, упырь пробежался кончиками длинных пальцев по дощечке с иероглифами, зеркало залилось ровной изумрудной краской, а сам ящик начал жужжать, будто пчелиный улей.

— Скоро это замечательное приспособление определит, сколько живых существ находится в округе двух лиг от мельницы и что они делают, — удовлетворено пояснил каттакан. — Только не спрашивай, как оно работает, все равно не смогу объяснить!

— А ты попробуй.

— Ох и въедливый же ты, Конан! Ладно... Тебе известно, что человек или зверь излучает тепло?

— Конечно!

— Так вот, цилиндры улавливают это тепло и направляют его в... коробку, которая затем может показать в зеркале изображение человека,

причем находящегося довольно далеко. Еще цилиндры могут различать движение, звуки, даже запахи! Очень сложная вещь, но в определенных ситуациях совершенно незаменимая!

И тут Конана озарило. Мысль показалась вполне разумной и своевременной, и он заинтересовался:

— Слушай, а эта коробочка способна проверить, сколько живых существ находится здесь, в этом доме? Любых — больших, маленьких?

— Конечно, — кивнул упырь. — Только зачем это тебе?

— Надо!

— Раз надо, значит надо, — покладисто согласился Рэльгонн и вновь коснулся мерцающих в полутьме иероглифов. — Вот гляди... Синими линиями нарисован силуэт здания. Ярко-голубые точки показывают, где стоят детект... в общем, цилиндры. А сейчас мы проверим, сколько нас всего.

Ухоженный ноготь каттакана коснулся большого значка, напоминающего двух переплетшихся змей и в нижней части зеркала вспыхнули зеленые буквы.

— Существ, похожих по весу и размеру на тебя или меня — сорок восемь, — перевел упырь. — Как и должно быть: сорок шесть охотников Рульфа и нас двое. А это еще что такое?.. Смотри, смотри!

Контуров людей и упыря зеркало показывало розовым, точно таким же цветом оказались выделены две точки, быстро передвигавшиеся по чер-

даку к одному из цилиндров, установленных у самого дальнего окна.

— Мыши? — бормотал Рэльгонн. — Нет, быть не может, слишком крупные для мышей! Ну-ка, увеличим... Ах вы маленькие мерзавцы! Я-то гадал, что за напасть на нас свалилась! Конан, жди здесь!

Упырь растворился в воздухе — прыгнул через Ничто. А дальше у киммерийца в глазах зарябило: единственный факел давал достаточно света, чтобы разглядеть, как Рэльгонн на мгновение появляется то возле окна, то у выхода на лестницу, то у полуночной стены и вновь исчезает — каттакана совершил не меньше пятнадцати перемещений.

Слух варвара попутно различал некие посторонние звуки, напоминающие тоненький перепуганный визг.

В тот момент, когда Рэльгонн вынырнул из пустоты прямо перед варваром, по лестнице прогрехотали сапоги и в покосившемся дверном проеме показался один из стигийцев-охранников. Взгляд у него был встревоженный.

— Что здесь происходит? — осведомился маг, а упырь быстро спрятал за спину обе руки.

— Э-э... — даже каттакан не нашелся с ответом. — Мы...

Конан брякнул первое, что пришло на язык:

— Играем в прятки!

— Ну-ну... Смотрите, не доиграйтесь.

Маг, недовольно покачав головой, ушел вниз. Киммериец воззрился на упыря:

— Что это было? Ты за кем охотился?

— За ними! Невероятно проворны, но я все-таки быстрее!

С этими словами Рэльгонн предъявил варвару двух диковинных существ, которых крепко держал за шкирки.

— Прошу любить и жаловать, — провозгласил упырь. — Лет триста таких не видел вживую! Самые натуральные джерманлы!

— Кто? — киммериец едва не поперхнулся собственной слюной. — Их же не бывает! Это сказки!

— Сказки? Никаких сказок, прими угрюмую реальность такой, какая она есть! Нам всем еще крупно повезло, что удалось вовремя их поймать! Посмотри в моем ящике, там должны быть мешочки из материала, похожего на очень мягкую прозрачную слюду... Нашел? Отлично! Теперь давай поместим наших маленьких друзей внутрь, и оставим до утра — пусть подумают о смысле своей бессмысленной жизни. Потом отвезешь их Гваю, ему будет интересно посмотреть.

Твари бешено сопротивлялись, пытались кусаться, но совместными усилиями Конана и Рэльгонна все-таки были водворены в мешки, горловины которых упырь затянул металлическими скобами.

— Не задохнутся? — озабоченно спросил Конан, когда оба малыша оказались в заточении.

— Материал пропускает воздух, — уверенно ответил Рэльгонн. — Ничего с ними не сделается! Главное — не упустить, потом не поймаем. Все,

забудь на время об этих уродцах, давай заниматься делом! Даже если Эйнар не сможет ничего разведать, полагаю что мы соберем достаточно сведений о том, что делают в железном лесу твои стигийские друзья.

— Они мне не друзья!

— Какая разница?..

Глава четвертая

Вовершенно невероятная история! Немыслимо и непостижимо! Отказываюсь верить! Столь эмоциональные высказывания Эйнара имели под собой серьезные основания. Причем настолько серьезные, что вся компания охотников предпочла забраться в обширный и холодный погреб Пузатого Хэма (сюда не проникало ни единого луча дневного света. Довольствовались четырьмя масляными лампами) и срочно вызвать из Рудны Рэльгонна, поутру отправившегося на отдых в свой отдаленный замок. Как и следовало ожидать, упырь появился незамедлительно.

— ...Давайте объединим все полученный минувшей ночью сведения и попытаемся нарисовать относительно ясную картину случившегося, — руководство спешным совещанием, само собой, взял на себя умный каттакан. — Посколь-

ку утром мне не удалось дожидаться Эйнара, я хотел бы выслушать не бессвязные восклицания, а подробный и обстоятельный рассказ. Итак?

— Подробный и обстоятельный? — плаксиво завел броллайхэн. — А это ты видишь, вурдалак проклятый? Что теперь делать?

Конан зажал рот ладонью — понимал, что громкий смех окончательно выведет из себя ранимого Эйнара. Дело в том, что воплотившийся обратно в человеческой тело Дух Природы в данный момент мог похвастаться неприличествующим людям роскошным беличьим хвостом, какой и был продемонстрирован всем желающим — до крайности расстроенный Эйнар распустил тесемки на полосатых нордхеймских штанах и, повернувшись к зрителям кормовой частью, предъявил новообретенную часть тела.

— М-да, — кашлянул Рэльгонн, осмотрев пушистый рыжий хвост, который, как и положено по законам природы, рос из копчика Эйнара. — Оденься, пожалуйста, здесь все-таки женщина... Может быть, тебе стоит сбросить человеческое воплощение и заново попробовать вернуть себе нормальное обличье?

— Пробовал, не получается! — едва не плача, отозвался броллайхэн. — Стыдобища!

— Неразрешимых проблем не существует, — сказал упырь. — Рано или поздно мы найдем способ, как тебе избавиться от этой... этого ненужного украшения. А теперь рассказывай, и вспоминай любые детали! Даже самые незначительные!

Эйнар, всхлипывая, рассказал. Как и следова-

ло ожидать, охранныя магия стигийцев не обратила внимания колдунов на появившуюся в Железном лесу белку, каковая проشمыгнула мимо старой мельницы и благополучно очутилась на соседней поляне, где и трудился Тот-ан-Хотеп вместе с двумя другими магами высшего посвящения.

Что они там делали? Не поверите! Наиболее мудрые колдуны Черного Круга вовсю махали лопатами, будто обычные поденщики! Яма, выкопанная ими за минувшие дни, уже достигала десяти локтей в глубину, так что вылезать из нее приходилось по наспех сколоченной лестнице. Всем магия хороша, но ее не заставишь копать, пилить или класть кирпичи. Посему, даже если самому могучему волшебнику захочется выкопать горшок с золотом или банальный корешок мандрагоры, ему придется взять в руки соответствующий инструмент и работать руками. В крайнем случае — приказать выполнить все необходимое рабам или нанять рабочих. А если судить по объему работы, проделанной стигийцами, в земле находилось нечто столь ценное, что маги «Кольца Сета» наплевали на свое достоинство и решили извлечь эту вещь самостоятельно, не привлекая к работам посторонних...

Эйнар, засевший на толстой ветке стоящего рядом с поляной дерева, наблюдал за стигийцами вплоть до вечера, когда стало ясно, что маги выкапывают некий округлый предмет, размером с небольшой бочонок. Земля была сырая, сфера до самого последнего момента была покрыта лип-

кой грязью, но броллайхэн чувствовал, как от шара исходят невероятные по своей мощи волны чистого волшебства.

— Понимаете, если бы эта сфера принадлежала Свету или Тьме, она могла бы запросто уничтожить мою сущность, — втолковывал Эйнар притихшим охотникам и Рэльгонну. — Но шар исторгал магию Равновесия, мощь природы, к которой я принадлежу. Более того, это была *изначальная* магия, великая сила эпохи Сотворения... Сила самой жизни!

— Жизни? — задумавшись, упырь пожевал бескровными узкими губами. — Слушайте, я кажется, понял, о чем идет речь! Понял! Восемь с половиной тысяч лет назад, когда каттаканы застряли в этом мире, великие артефакты Роты Всадника, знаменитая Великая Цепь и Венец еще действовали! Девять самых великих магических предметов, когда либо созданных под этим солнцем!..

— Ты это о чем? — насторожился Гвайнард.

— Я же рассказывал вам! Цепь Сотворения, из Трех и Семи сфер! Никто не знает, кто ее создал, но Рота в древнейшие времена смог отчасти подчинить камни себе, и потому они связаны с его именем... Но он был только владельцем Цепи, не создателем и не повелителем! В Семь камней была заключена сила стихий, из которых образовался мир. Огонь, воздух, земля, вода, мир зверей, мир растений, мир разумных рас. Эти камни поддерживали равновесие вселенной, и Рота спрятал их так, что камни безуспешно искали вплоть до

нынешнего времени. Ни одного так и не нашли, кстати... Точнее, нашли — один камень, скрытый в Железном лесу... Далее: три Великих камня, связывали сферы стихий в единое кольцо и даровали владельцу силу Познания, Сотворения и Жизни. Поймите-ка...

Белая кожа Рэльгонна побледнела до такой степени, что он стал казаться синим. Жуткое зрелище.

— Я ошибаюсь, — проронил упырь. — Черный Круг обнаружил не один из камней Радуги, а Третий из Великих. Сфера Жизни... Сфера, способная соединять живое с неживым!

— Но при чем тут хвост Эйнара? — невпопад спросил Конан.

— Помолчи, варвар! — взъярился упырь. — Теперь мне ясно, какая магия действовала в Железном лесу! Хотите спросить, почему столь необычны тамошние деревья? Да очень просто! Под окрестными холмами скрыты огромные залежи железной и медной руды, это известно со времен правления немедийского короля Рагнара IV! Одно время здесь были копи, рудники, но потом обнаружились более близкие к Бельверусу рудные жилы в Немедийских горах и люди отсюда ушли... Под воздействием Сферы Жизни дерево впитывает металл, живая плоть объединяется с мертвой материей!

— А чудовища? — спросила Астерда.

— Ничего сложного! Приведу чисто умозрительный пример: допустим, некая девица из Лотара пошла на реку купаться и случайно утону-

ла. Для Сферы Жизни смерть в любых ее проявлениях нестерпима и она пытается вернуть существование всему мертвому. Рядом с утопленницей проплывает рыба, магия действует как на мертвое тело, так и на рыбу, объединяя их — получается русалка! Понимаете? Синяя водяная свинка, которую Гвай и Конан видели вчера, могла быть укушена змеей-аспидом и точно так же воссоединилась в одном теле со своим убийцей! И так далее — комбинации бесконечны!

— Теперь все ясно, — кивнул Гвайнард. — На нашем материке достаточно загадок, и Железный лес, который был пронизан идущей из глубин земли магией Сферы был лишь одной из них. Черный Круг всегда интересовался необычными явлениями и вот, в прошлом году дошла очередь до Железного леса. Стигийцы посылают сюда мага, который обязан разведать, что именно происходит, а когда ситуация стала относительно ясна, в Лотар отправился большой отряд, который был обязан найти артефакт и доставить его в Птейон! Тут случайно вмешалась Ночная Стража и стигийцы были вынуждены лавировать — им не хочется с нами ссориться, но и секрет требуется соблюсти в полной мере. Когда мы с Конаном выставили свои условия, Тот-ан-Хотеп заключил договор, тем не менее оставив в заложниках отряд Рульфа.

— Что же это получается? — подал голос Конан. — Завтра они переправят Сферу в Стигию и будут таковы? Вам не кажется, что отдавать в руки Черному Кругу такое мощное оружие — чре-

вато? Тот-ан-Хотел, конечно, приличный человек, но он трудится только во благо Круга, главой которого является Тот-Амон. А его никак не заподозришь в любви к ближнему и дальнему своему! Знаю что это за тип, сталкивался...

Гвай только руками развел.

— А что мы можем сделать? — обескураженно спросил он. — Пойти в лес и вежливо попросить закопать артефакт обратно? Отобрать силой? Уничтожить всех магов и тем самым не оставить свидетелей? Допустим, при очень большом желании это у нас получится, но кто снимет заклятье сна с Рульфа и его людей?

— Можно я скажу? — попросил Рэльгонн. На безобразной физиономии упыря появилась гнуснейшая улыбочка, будто у злодея из балаганного представления. — Конан, Гвай, мы совершенно позабыли о том, что в наших руках находится весьма необычное, но сокрушительное и беспощадное оружие!

— Это какое же? — не понял Конан.

— Наши маленькие мерзавчики! Джерманлы! Если правильно их использовать, в Птейоне скоро произойдут весьма знаменательные события, а магам Черного Круга придется выкинуть Сферу Жизни в океан. Причем, желательно, подальше от берега! Конан, сбегай наверх, принеси мешки в которых мы засунули джерманлов. Настало время поговорить с ними по душам!

Гвай, слушая упыря, лишь сокрушенно покачивал головой — видать, подумал, что Рэльгонн сошел с ума на старости лет. Все-таки по челове-

ческим меркам каттакан был очень и очень стар — восемь с половиной тысяч лет, это тебе не шутка!

А вот киммериец, прошлой ночью успевший послушаться от каттакана множество любопытнейших историй об этих древних и невероятно оригинальных созданиях, моментально понял всю блистательность и изящность необычного замысла упыря.

Если все действительно получится, некий Тот-Амон и его дружки огребутся таким количеством самых разнообразных и очень неожиданных трудностей, что даже нападение на Стигию объединенных армий Аквилонии, Немедии, Зингары, Аргоса и Турана покажется Черному Кругу детской забавой!

— Сейчас притащу! — киммериец вскочил на ноги и рванул к лестнице, ведущей к выходу из погреба, уставленного бочонками с вином и кадушками, заполненными солониной и разнообразными вареньями-солениями, что припас на черный день Пузатый Хэм.

— Только осторожнее! — рявкнул в ответ Рэльгонн. — Не упusti! И ради всех богов, закрой двери! Ты де знаешь, что я не переношу солнечный свет!

Упырь повернулся к остальным охотникам и увидел сразу три пары очень заинтересованных глаз. Гвай, Асгерд и Эйнар ждали внятных и обстоятельных объяснений.

— Гвайнард, ты ведь слышал легенды о джерманлах? — спросил Рэльгонн. — По крайней ме-

ре, в бестиариях вашей Гильдии отыщутся о них сведения?

— Разумеется, — кивнул командир охотничьей ватаги. — Но ведь они или вымерли, или... Или просто являются мифическими существами!

— Вот сейчас киммериец принесет сюда этих самых «мифических существ», и ты посмотришь, как близко друг от друга стоят правда и легенда... Давным-давно мы, каттаканы, частенько сталкивались с этой забавной расой. Не слышали, что они состоят в отдаленном родстве с гномами-двергами? Тогда, я поведаю вам некоторые подробности о интересных особенностях и привычках джерманлов...

* * *

Джерманлы родственны не только двергам, но и данхан — крошечным лесным карликам, наделенным определенными магическими способностями. Однако, по части магии и врожденного владения волшебством, джерманлы оставляют своих отдаленных сородичей далеко позади. Да только магия у них весьма и весьма специфическая.

Как, когда и при каких обстоятельствах раса карликов появилась на свет, то никому не ведомо, вероятнее всего они ведут родословие со времен Всадника Полночи, Роты, когда на земле существовали многие сотни разновидностей разумных тварей, не имеющих никакого касательства к человеческому племени, тогда еще совсем юно-

го. Но и тогда эти существа были крайне немногочисленны.

Обитали джерманлы в горах, чаще всего облюбовывая старые выработки гномов. На поверхности появлялись редко, предпочитая уютный мрак подземелий полному опасностям и недоброжелателей открытому миру. Но если уж хоть один джерманл оказывался в крупном, населенном людьми городе, следовало ожидать самых невероятных сюрпризов. А поймать такую тварь практически невозможно — они отлично умеют отводить глаза, прятаться и очень быстро бегать. Не окажись прошлой ночью рядом с Конаном каттакана — охотники никогда не сумели бы изловить своих обидчиков.

— По сути, джерманлы не владеют волшебством в привычном для нас смысле данного слова, — неторопливо повествовал Рэльгонн. — Они не могут превратить свинец в золото, использовать боевые или защитные заклинания, воздействовать на людей или природу. Подозреваю, что они даже не понимают смысла слова «заклинание». Природа магической силы этих малышей совершенно иная и, вероятно, принадлежит к стихии Хаоса.

— Объясни человеческим языком, что они способны делать? — сказала Асгерд. — Пока что кроме мелких пакостей мы ничего от джерманлов не видели! И в конце концов, почему они привязались к нашей ватаге? Что плохого мы им сделали?

— Я тоже не делал им ничего дурного, —

мрачно ответил упырь. — И тем не менее, несколько столетий назад у нас в Рудне завелось несколько этих уродцев, видимо пришли из Кезанкийских гор по заброшенным подземным тоннелям, связывающим наш замок с о старыми шахтами. Человек или гном пройти не смогли бы — время не пощадило старые галереи, многие из них обвалились. Но крошечному джерманлу не составит труда протиснуться в любую щель. Особенно если в доме, который они решили посетить хранится столько вкусного...

— Они что же, воровали у вас еду? — заинтересовался Гвай.

— Слово «вкусное» я употребил в качестве метафоры, — Рэльгонн поморщился, словно у него зуб заболел. — Помните, я упомянул, что эти твари привержены Хаосу? Так вот, их любимое занятие — ломать и разрушать. А особенно — ломать магические предметы!

— То есть как? — не поняла Асгерд. — Не представляю себе, как, например, можно сломать волшебное кольцо, в которое волшебники вкладывают часть своей силы! Расплавить, что ли?

— Нет, все куда хитрее... Благодаря своим способностям джерманлы способны частично изменять действие заклинаний, вложенных в артефакты. Сущность заклания остается неизменной — то есть, если некий магический жезл, предназначен для превращения кошек в собак и наоборот, то он и будет это делать даже после того, как над ним поработают эти шутники. Одна беда: превращение или не будет завершено, или в

результате получится, например, розовая кошка размером с быка или собака величиной с кузнечика, да еще она будет мяукать, а не лаять.

— Вот теперь я понял, — закивал Гвайнард. — Возьмем хотя бы историю с амулетом, отпугивающим морских змеев. Мы же говорили о том, что общие свойства не изменились, амулет воздействовал именно на змей, но не отпугивал, а приманивал, и змеи были не морские а вполне сухопутные... И что же, джерманлы способны влиять на действия любых артефактов? Каких угодно? И сильных, и слабых?

— Скорее всего, да, — ответил Рэльгонн. — Знаете почему они пришли в ваш дом? У вас хранится большое количество амулетов, оберегов и прочих магических приспособлений. А волшебство эти поганцы чувствуют за сотню лиг! Ваше счастье, что они не остались в доме надолго — вы лишились бы всей своей коллекции артефактов! Конечно, они продолжали бы действовать, но совершенно по-другому!

— А зачем они увязались за нами? — удивился Эйнар.

— Откуда мне знать? — пожал плечами Рэльгонн. — Может быть, просто спрятались среди ваших вещей, заснули, — а потом выяснилось, что господа охотники отправились в поход и теперь невозможно вернуться назад. Но не признать того, что прятались они великолепно, я не могу!

Наверху грохнула тяжелая дверь, и в погреб спустился киммериец, державший в руках два

полупрозрачных мешочка, в которых шевелились маленькие твари, размером с подрастающих котят.

— Дай-ка мне, — вытянул руку упырь. — Попробуем допросить одного из наших уродцев...

Рэльгонн снял стальную скобу с одного из мешков и аккуратно извлек наружу яростно шипящую тварюшку, взиравшую на своего мучителя злыми темно-желтыми глазками.

По ближайшему рассмотрению оказалось, что назвать джерманла симпатичным существом никак нельзя. Строение тела походило на человеческое — две руки, две ноги, голова, но в остальном сие порождение Хаоса более всего напоминало детеныша лесного гоблина. Тело с буровато-коричневой бугристой кожей покрывали пучки жестких волос, голова словно приплюснута, рот широченный, буквально «до ушей». Крошечные, но очень острые зубки, носик пяточком, широкие треугольные уши...

Словом, пакостное зрелище.

— Они вполне разумны и могут знать человеческий язык, — пояснил Рэльгонн, аккуратно держа джерманла за короткую шею и решительно пресекая все попытки существа вырваться из крепких пальцев упыря путем несильных, но обидных щелчков по покатоному морщинистому лбу. — Ну, дружок, побеседуем?

Последний вопрос уже был обращен к джерманлу.

В ответ раздался целый водопад звуков, которые ни единый из охотников не мог бы назвать

членораздельной речью. Тварь пищала, цокала, взвизгивала, но только не говорила.

Упырь, однако не растерялся. Он подумал и завел разговор на странном наречии, которое Конан опознал не без труда: так разговаривали горные уруки-гоблины, еще водившиеся в Кезанкии. Как ни странно — подействовало! Заслышав знакомую речь джерманл слегка успокоился и начал отвечать, но было заметно, что он по-прежнему крайне недоволен обществом людей и уважаемого пожилого вампира.

— Ну и дела... — вздохнул Рэльгонн после того, как они с джерманлом полных два квадранса несли чудовищную тарабарщину, непонятную никому из охотников. — Не знаю, смеяться или плакать... Если бы кто рассказал мне такую историю, никогда бы не поверил!

— Что он сказал? — подался вперед Гвай.

— Подожди, сейчас засуну его обратно в мешок... Вот, готово! Хотите верить, хотите нет, но это — супружеская пара!

— В смысле... э... самка и самец?

— Можно сказать и так, если вам будет понятнее, — фыркнул Рэльгонн и залился мелким смехом. — У них, если угодно, медовый месяц. Вот и решили вволюшку побезобразничать. Их действительно приманили хранящиеся у вас дома артефакты, тут я был совершенно прав. Все мелкие розыгрыши вроде перековки тяжеловоза, исчезновения сапог и испорченного ужина — их работа! Они так развлекаются, считают, что это очень весело.

— Вот сейчас положу этого весельчака на одну ладонь, а другой прихлопну! — пригрозил ким-мериец, показав увесистый кулак. — И не посмотрю, что они редкие и вымирающие, а у женушки этого уroda может быть скоро родятся очаровательные лопаухие детишки!

— Скажите спасибо, что их волосатые ручонки не дотянулись до действительно ценных артефактов, — остановил кровожадные речи варвара упырь. — Подумаешь, сломали несколько никому не нужных амулетов!

— А заодно утащили мои сапоги и нагадили в котелок! — припомнил варвар недавние обиды.

— Оставь, — отмахнулся Рэльтгонн. — Вот что я вам скажу, друзья... У нас появился отличный шанс безнаказанно отплатить Черному Кругу за доставленное беспокойство фактически той же монетой. Конан, кажется уже догадался, о чем я говорю — только посмотрите на его довольную физиономию!

Варвар, пытаясь не расхохотаться в голос, закашлялся. Он-то отлично понимал, о чем идет речь.

— Митра Всеблагой... — выдохнул Гвай, до которого начал доходить смысл замысла Рэльтгонна. — Ты хочешь чтобы эти... джерманлы «сломали» Сферу Жизни?

— Зачем же только Сферу? — невинно поинтересовался упырь. — Я пообещаю джерманлам, что отпущу их. А заодно настоятельно посоветую внимательно присмотреться к неким месьюрам, орудующим в близлежащем лесу... Вам не кажет-

ся, что в кладовых Птейона наших ушастых малюток ожидает настоящее пиршество?

— Ты просто монстр! — с притворным ужасом воскликнул Конан. — Да если джерманлы появятся в Птейоне, через десять дней Тот-Амон повесится на ближайшей пальме! Вместе со всем своим конклавом! Они там такого натворят, что подумать страшно! Великие Пирамиды доверху набиты самыми невероятными артефактами! Я уж не беру личную сокровищницу Тот-Амона, на которую мне однажды удалось взглянуть краем глаза!

— А если у джерманлов хватит ума спрятаться так, чтобы маги не смогли найти их убежища, и у них действительно народятся детишки, лет через десять-пятнадцать от Черного Круга останутся одни воспоминания, — ехидно хихикнул Рэльтгонн. — Я отлично понимаю, что мы задумали ужасающее паскудство, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, но, во-первых, Стигия далеко и нас это никоим образом не заденет, а во-вторых, кто здесь испытывает нежные чувства к Черному Кругу?

— Это примерно то же самое, что подбросить пару хорьков в курятник, — сказала Асгерд. — Решено, так и сделаем. Только как переправить джерманлов в Железный лес?

— Позвольте, я этим займусь, — сказал Конан. — Так или иначе, следующей ночью надо снова дежурить на мельнице, а утром проверить, как Тот-ан-Хотеп выполнит свою часть договора. Он ведь обещал разбудить Рульфа и его отряд!

— Хорошо, действуй, — согласился Гвай. — Рэльгонн, доставай джерманлов и рассказывай им, что надо делать! Распиши во всех красотах, как много вкусного ждет их в Стигии!

— Постараюсь, — улыбнулся упырь, показав все свои зубы. — Только учтите, эти твари не привыкли исполнять обещания, за ними придется следить в оба глаза!

* * *

Отоспавшись днем, Конан перед самым закатом снова отправился на старую мельницу. Но теперь в лесу его встречал не боевой маг, а лично Тот-ан-Хотеп, восседавший на огромном черном верблюде.

— Приветствую месьора Конана Канах из Киммерии, — как всегда учтиво поздоровался колдун. Варвара кольнуло нехорошее предчувствие — неужели стигиец что-то заподозрил? Только этого еще не хватало!

Сартак киммерийца смотрел на надменного двугорбого верблюда без всякого доброжелательства, но Конан заставил Гнедого идти рядом с невиданным на Полуночи зверем нога в ногу.

— Чем больше тебя знаю, тем больше удивляюсь, — сказал варвару Тот-ан-Хотеп. — У тебя и раньше были интересные друзья, но теперь я не знаю что и думать...

— Ты это о чем? — стараясь сохранять спокойствие спросил Конан.

— Начнем с твоего скакуна, — колдун указал

на Гнедого. — Я твердо знаю, что в Хайбории такие звери не водятся, значит эта... гм... лошадь появилась на свет либо в результате магического опыта, либо вывезена из другого мира. Можно поинтересоваться, где ты раздобыл это чудовище?

— Купил на рынке в Чарнине, — ответил варвар чистую правду: сартак и впрямь был куплен у не самого добросовестного торговца лошадьми несколько седмиц назад. — Выложил кучу денег!

— Что характерно, ты не врешь, — покачал головой Тот-ан-Хотеп. Он явно проверял каждое слово киммерийца различающим ложь заклинанием. — Хорошо, забудем про Гнедого. Но как ты умудрился подружиться с вампирами? Черный Круг давно интересуется загадкой обитающих в Райдоре каттаканов, но нам никогда не удавалось даже близко подойти к ответами на вопросы, которые ставит их существование в нашем мире! Каттаканов *не должно быть здесь*, понимаешь? Это нарушение мирового порядка, установленного при Сотворении Мира!

— Который, как известно, был сотворен из Великой Тьмы? — поддел Конан стигийца, но тот не обратил на ёрничество варвара никакого внимания.

— Каттаканы могут быть опасны только потому, что они — чужаки! — воскликнул Тот-ан-Хотеп. — Прошлой ночью я наблюдал за вами, равно как и вы наблюдали за мной — удовольствие было взаимным...

«Какая неприятность, — подумал Конан. — Значит, он понял, что мы следили за колдунами

при помощи волшебного зеркала Рэльгонна! И теперь сочтет это нарушением договора!»

Тот-ан-Хотеп, будто читая мысли Конана, сказал:

— Не беспокойся, я не думаю, что вы нарушили соглашение. В нем говорилось только о том, что тебе и твоему другу нельзя покидать мельницу. Вы ее и не покидали, верно? Но предпочли присматривать за нами с помощью некоего предмета, сущность которого для меня неясна. Это не магия, разумеется, однако зеркало было способно видеть все происходящее на большом расстоянии. Если не магия — то что же?

— Механизм, — ответил киммериец. — Каттаканы привезли его с собой из другого мира. Только не спрашивай, как он устроен. Подозреваю, что куда сложнее мельницы или катапульты.

— Значит, механизм... — задумчиво проронил колдун. — Добавим сюда невероятные способности каттаканов перемещаться в пространстве, их неуязвимость, ум, возможности изменять телесную форму... Ты хотел бы жить в мире, которым властвуют упыри? Я — нет.

— Чего? — Конан встряхнулся, будто мокрая собака. — Что ты мелешь, Тот?

— Любой, у кого есть сила и возможность ее применить, жаждет власти над более слабыми, — сказал стигиец. — Несколько каттаканов не смогут завладеть Хайборией. А если завтра их будут тысячи? Десятки тысяч? Тогда никакая магия нас не спасет... Я просто дал тебе повод поразмыслить, Конан. Если однажды решишь поговорить об упырях — отыщи меня в Птейоне.

«Боги милостивые! — вздохнул про себя киммериец. — Ну почему они меряют всех по своей мерке! Знал бы Тот-ан-Хотеп правду о Рэльгонне и его семействе, никогда бы не говорил таких глупостей! Да я в жизни не встречал существ безобиднее, честнее и добрее рудненских упырей! Пожелай каттаканы подчинить себе Хайборию, они бы это сделали тысячи лет назад! Достаточно было бы просто наплодить сотню-другую отпрысков, обучить их и отправить в великий завоевательный поход! Точнее, не в поход, а в прыжок через Ничто... Похоже, Черный Круг всерьез заинтересовался каттаканами, придется предупредить Рэльгонна и просить его быть поосмотрительнее! От этой черноплащной братии можно ждать чего угодно!»

Тот-ан-Хотеп оставил Конана возле мельницы и уехал в лес, готовиться к переправке найденной Сферы Жизни в Стигию. Ночь только началась, на за деревьями уже можно было различить синеватое свечение — по всей видимости, маг по имени Иотеф начал строить портал на Птейон.

Рэльгонн уже ждал варвара наверху, колдуя над своим ящиком.

— А, ты все-таки пришел? — не оборачиваясь бросил упырь, когда Конан поднялся на чердак. — Интересные события происходят, скажу я тебе... Посмотри! Зеркало показывает, что совсем рядом выбрасывается огромное количество тепла, будто в чаше зарождается маленький вулкан! Ума не приложу, почему для открытия скромно-

го портала, связывающего две точки пространства требуется столько магической силы!

— Тебе хорошо, ты сам себе портал, — фыркнул Конан, нагнулся к острому уху каттакана и прошептал: — Не говори лишнего, за нами наблюдают... Не знаю как именно, скорее всего магия.

— Плевать, — отмахнулся Рэльгонн. — Взял то, что надо было взять с собой?

Киммериец похлопал ладонью по кожаной сумке, в которой скрывались джерманлы, ожидающие своего звездного часа.

— Отлично! Теперь давай поглядим, как обстоят дела у стигийцев.

Светящиеся розовым человеческие силуэты в зеркале упыря увеличились. Двое колдунов хлопотали вокруг большого шара, который уже был поднят из ямы на поверхность, третий занимался порталом. Поляну по окружности охраняли семеро боевых магов, еще двое бессменно торчали около мельницы, хотя особой надобности в этом не было — Конан и Рэльгонн не собирались покидать здание.

Прошло не менее трех колоколов, небо на восходе начало светлеть. До восхода солнца оставалось пять или шесть квадрансов, и Рэльгонн беспокоился, что не сможет увидеть все самое интересное. Однако, вскоре зеркало волшебного ящика полыхнуло ослепительной красной вспышкой, а маги засуетились — надо думать, что портал начал действовать.

Сферу быстро переправили в открывшиеся ворота Иотеф и второй колдун высшего посвя-

щения, за ними последовали все семеро магов-охранников.

Тот-ан-Хотеп взобрался на верблюда и направился к мельнице.

— Пошли вниз, — командовал Конан. — Очень прошу, будь внимателен — стигийцы... Впрочем, потом все объясню.

— Настало время прощаться, — просто сказал Тот-ан-Хотеп. — Но перед этим я должен выполнить клятву, не так ли?

Конан кивнул. Так, мол. Все правильно.

Стигиец и двое оставшихся с ним телохранителей во все глаза смотрели на Рэльгонна, снявшего капюшон и теперь улыбавшегося стигийцам так, словно родных братьев увидел. То, что его улыбка сияла кошмарным оскалом не менее чем полусотни острейших конических зубов, упыря ничуть не смущало.

— Вас проводить? — с лакейской участливостью спросил упырь у Тот-ан-Хотепа, но колдун потерял выдержку и едва не шарахнулся в сторону от страшного вампира.

«Почему он так боится? — задал себе вопрос Конан. — У них в Стигии встречаются монстры стократ безобразнее и опаснее? Неужели только потому, что Рэльгонн — чужак?»

— Благодарю, — сухо ответил Тот-ан-Хотеп. — Я лучше сам... Или пускай Конан посмотрит, когда я буду снимать заклятье...

— Я тебе верю, — махнул рукой киммериец. — Надеюсь, все охотники будут в порядке?

— Последствия столь долгого сна будут давать

знать о себе еще около суток, но в остальном — никакого ущерба здоровью, — ответил стигиец и зашел внутрь старого каменного здания.

Видя, что внимание магов-охранников целиком отдано Рэльгонну, Конан повернулся к ним боком и аккуратно раскрыл застежку висевшей на поясе сумочки.

Две маленьких серых тени бесшумно соскользнули по правой штанине киммерийца на землю, метнулись к верблюду, вскарабкались по его ноге на спину и нырнули в густую черную шерсть между роскошным, отделанным золотом седлом и верблюжьим горбом. Никто ничего не заметил.

— Вот и все... — растирающий ладони Тот-ан-Хотеп появился в темном проеме и взглянул на Конана. — Можете пойти проверить... Ваши соратники начали пробуждаться, ходить они смогут к рассвету. Денек поболит голова, потом все пройдет.

Выученный верблюд опустился на колени и маг без труда устроился в седле.

— Прощайте, месьоры, — чуть поклонился колдун. — А ты Конан помни, что мое предложение остается в силе...

Из чистого любопытства варвар и Рэльгонн пошли вслед за удаляющимися всадниками — посмотреть на портал. Из-за деревьев было видно, как лошади боевых магов вошли в пылающий нестерпимым бело-голубым огнем овал в три человеческих роста высотой, затем верблюд Тот-ан-Хотепа пересек границу, отделяющую Полуночные земли от далекой Стигии, и пламенная ок-

ружность с шипением погасла, оставив после себя черное пятно выжженной травы. Рядом зияла огромная яма, а Конан заметил, что маги позабыли здесь свои лопаты.

— Вои и кончилось волшебство Железного леса, — сказал упырь. — Пойдем-ка на мельницу. Хотя нет, я лучше слетаю в Лотар и доставлю сюда Гвайнарда с Эйнаром и Асгерд.

— Кстати, насчет Эйнара, — напомнил киммериец. — С ним-то что будем делать? Точнее с его хвостом? Это ведь из-за воздействия Сферы, верно?

— А по-моему, из-за его собственного разгильдяйства, — весело хмыкнул каттакан. — Если его пушистое приобретение само не отвалится в ближайшие дни, придется отрезать — у меня в Рудне найдутся нужные инструменты!

С тем Рэльгонн исчез — отправился в крепость, за остальными охотниками.

Конан еще раз взглянул на круг дымящейся земли, пожал плечами, развернулся и зашагал к заброшенной мельнице бормоча под нос:

— Воображаю, что начнется в Птейоне через пару дней! В ближайшие несколько лет придется держаться подальше от Стигии, что бы там мне ни предлагал Тот-ан-Хотеп...

Финал

Мот-Амон, глава конклава магов Черного Круга, постучал пальцами с ухоженными гладкими ногтями по мраморной столешнице, протянул руку, чтобы взять бокал с вином, но передумав, отодвинул сосуд.

— Поздравляю тебя, друг мой Тот-ан-Хотеп! — не без торжественности сказал великий колдун, с удовольствием рассматривая стоявший на серебряной подставке шар, мерцавший ровным белым светом. — Эта экспедиция войдет в историю! Как мы раньше не догадались, что Железный лес скрывает в своих глубинах сокровище, равного которому нет и не было!

— Благодарю за добрые слова, владыка, — старый знакомец Конана согнулся в предписанном этикетом почтительнейшем поклоне. — Я рад, что смог достойно послужить конклаву.

— Не только конклаву! — с жаром воскликнул

Тот-Амон и воздел руки к куполообразному потолку своей любимой комнаты в роскошном птейонском дворце. Зашуршали складки расшитой великолепными узорами хламиды. — Не только, и не столько! Твои заслуги перед нашей великой идеей, нашей миссией неоспоримы! Надеюсь, никаких осложнений не возникло?

— Сушая чепуха, — снова поклонился Тот-ан-Хотеп. — Ничего, что заслуживало бы твоего внимания, о великий!

— И все же?

— У нас возникло... гм... недопонимание с гильдией Ночной Стражи, господин. Но я сумел договориться с командиром одного из отрядов, и сей прискорбный инцидент был незамедлительно исчерпан.

— Надеюсь, Ночная Стража ничего не узнала? — подозрительно спросил колдун. — Это было бы непростительной оплошностью! Сам знаешь, что Хранители Гильдии пристально наблюдают за всеми великими артефактами и стараются не допускать, чтобы они попадали в руки магических сообществ...

— Можешь не беспокоиться, господин.

— Отлично! Просто отлично! Можешь идти, Тот-ан-Хотеп. Вознаграждение получишь у казначея, я уже распорядился.

— Как будет угодно повелителю...

Чернокожие рабы выпустили мага из обиталища Тот-Амона и прикрыли створки дверей — господину хотелось остаться одному.

— Теперь надо подумать, как использовать

доставшесся нам сокровище, — глава Черного Круга нежно коснулся поверхности Сферы. — Вероятно...

Какие мысли посетили Тот-Амона, мы так и не узнаем, поскольку колдун внезапно вскрикнул и с неподобающей его сану поспешностью отпрыгнул от стола.

— Что такое? — выдавил Тот-Амон, наблюдая, как выкованные в виде змей бронзовые ножки стола, на котором громоздилась Сфера, начали извиваться и шипеть, превращаясь в самых натуральных кобр с золотистой окраской чешуи. — Что, Нергал вас всех раздери, тут происходит? Стража! Ко мне!

В кабинет ворвались вооруженные до зубов телохранители колдуна, однако и они застыли в растерянности, наблюдая за тем, как стол, являя весьма необычную для этого предмета мебели самостоятельность, зашагал к выходу на своих ногах-змеях.

Тот-Амону почудилось, будто один из охранников захихикал. Тоненько и с невероятным злорадством, как нашкодивший невоспитанный ребенок.

* * *

К началу зимы из Птейона в Бельверус пришла депеша, из которой Совет Хранителей Ночной стражи узнал, что в Птейоне происходят некие загадочные события, скорее всего связанные

с появлением полумифических существ называемых джерманлами. Изловить их самостоятельно Черный круг не в состоянии, а посему в депеше излагалась просьба о помощи со стороны Ночной Стражи. Письмо подписал лично Тот-Амон.

...Как и было условлено, все сорок шесть охотников из отряда Рульфа Немедийца пробудились от колдовского сна и вскоре разъехались по домам.

Беличий хвост Эйнара отвалился сам собой через три дня.

После лета 1285 года по основанию Аквилонии в окрестностях Железного леса о чудовищах больше не слыхивали. Четыре года спустя вольное баронство Лотар вошло в состав Пограничного королевства. Удивительно прочная древесина, поставляемая бароном Лотаром в Немедию и Бритунию, доселе ценится значительно дороже экзотического красного дерева.

Конан вновь встретился с Тот-ан-Хотепом через двенадцать лет, уже будучи королем Аквилонии. Но это совсем другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

СМЕРТЬ НА ЧЕРНЫХ КРЫЛЬЯХ

Дуглас Брайан

Кхитайская печатка	7
Смерть на черных крыльях	93

РИТУАЛ ЛУНЫ

Ник Харрис

Исчезающий замок	141
Ритуал Луны	194
Последний из племени Вармина	233

СФЕРА ЖИЗНИ

Керк Монро

Глава первая	301
Глава вторая	336
Глава третья	369
Глава четвертая	402
Финал	426

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **аст**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, д.б. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ **наст**ОЯЩИЕ КНИГИ

Литературно-художественное издание

КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЫ

Руководитель проекта: *Андрей Новак*

Составитель: *Наталья Баулина*

Художественный редактор: *Николай Богданов*

Обложка: *Владимир Савватеев*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор: *Валентин Успенский*

Корректор: *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

190121, г. Санкт-Петербург,

Наб. кан. Грибослова, 148-150, пом. 511, лит. А

conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛЕК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛИ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛАДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСАДИЛИЩЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ВИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕЛТУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИК МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И ВАЛАДКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАПРАВА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДАНИИ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ СЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШИЯ 90
КОНАН И КАЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПТЕР МАГА 92	КОНАН И ЗОМОТА ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94	КОНАН И ЯРОСТЬ ПТИЦ 95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАБ ТААИСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЧЕННЫХ 98	КОНАН И ЧАРЫ КОДАУНИИ 99
КОНАН И ГЕРОИ ХАЙБОРИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ 101	КОНАН И ДОЖДЕВИЧ РОКА 102	КОНАН И ПАТОЛА СНА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУТЫ 104				

ISBN 5-17-029826-9

9 785170 298266